

ВОЙНА ВНУТРИ

АЛЕКСЕЙ ИВАШЕНКО

Алексей Иващенко

Война внутри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23282461

ISBN 9785448384905

Аннотация

Старый Сергей живет в будущем, где ученым удалось выделить частицу, отвечающую за духовную энергию человека и открыть «Путь» в пространство, которое люди принимают за свой материализовавшийся внутренний мир. Но однажды будни старика меняются – его призывают на войну с тем, что люди считают Богом. Через сто лет после описанных событий планета разрушена катаклизмом, а выжившие бесплодны и не способны умирать. Среди руин цивилизации странствует археолог Монета, разгадывая, что же случилось с миром.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	136
Конец ознакомительного фрагмента.	269

Война внутри

Алексей Иващенко

Корректор Елена Шичкова

© Алексей Иващенко, 2017

ISBN 978-5-4483-8490-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Всё рассказанное в книге является сугубо личными размышлениями автора. Автор ни к чему не призывает и верит в исключительное право каждого на своё собственное мировоззрение. Все герои книги являются вымышленными. При любых попытках аналогий между описанным в книге материалом и реальностью следует помнить, что представленный в произведении мир является фантазией.

Посвящается М. Б.

Глава 1

Сергей выключает музыку, вытаскивает крошечные пробки наушников. Осторожно, чтобы не запутаться в проводах, садится.

Раздаётся сочное «чмок» – старик отсоединяет присоски со строительной жидкостью. Покалывает и чешется новая кожа на спине. Сергей шумно скребёт себя грубой кривой ладонью. Руки уже не дотягиваются на спине до многих точек. Рассматривает на теле блёклые одинокие волоски и пигментные пятнышки. Пора отсюда выбираться. Смачно хрустит позвоночником (сказываются недостатки четвёртого поколения), встаёт, кутается в приятный застиранный халат, сутуло подпоясывается. Остро чувствуется голод.

На заднем плане, сворачиваясь обратно в ниши, шуршат трубки регенератора. Привычный звук успокаивает. Сергей неспешно надевает белые одноразовые тапочки и выходит в коридор. Светлая, с шармом больницы комната сменяется на мягкие стены коридоров.

– До-обрый день! – произносит, проносясь мимо, Виталий Владимирович – высокий лысеющий мужчина ещё из третьих, странно растягивая «о». – Ну что, сколько?

– Здравствуйте, Виталий Владимирович. – За спиной шипит характерный звук герметизирующейся комнаты. – Сегодня у меня неполный день, так что пока только двести трид-

цать два килограмма.

– Ну ничего. И то хорошо. Замечательно! – Виталий Владимирович кивает, улыбаясь, продолжает движение и постепенно скрывается за углом. Но перед самым исчезновением ещё успевает вполоборота крикнуть: – Ну, хорошего вам денька!

– Спасибо, и вам, – отвечает Сергей пустому коридору.

Позади раздаются частые поклоны – в комнате начинается активная дезинфекция.

Сергей оглядывается – не смотрит ли кто на него – и трётся спиной об угол. Старик знает: это принесёт лишь временное успокоение.

Идёт в раздевалку, переодевается. Тихо ругается, ни на кого конкретно, больше для удовольствия. Завязывает ботинки. Делает передышку.

Сбрасывает сегодняшние тапки в красный контейнер переработки. Тканепластик распадается на его глазах на волокна и пропадает в чреве утилизатора. Теперь это материал для новой, завтрашней порции тапок. Халат вешает в свою кабинку. Завтра с утра тот будет постиран. Пора домой!

Пищит чип доступа, пропуская Сергея к небольшому КПП их отделения. Уставший за день чиновник сверяет свои данные на экране и начисляет Сергею зарплату. Изнутри кабинки идут отзвуки какого-то сериала – этого бича современности. Сергей недовольно ворчит себе под нос по этому

поводу.

– Ваш чек отправлен на личный терминал, пожалуйста, сохраняйте его в течение тридцати дней. И вот одна стандартная капсула бесплатного восстанавливающего крема от ДМО. Спасибо, что сегодня работали на нас. – Чиновник выдаёт шаблонную фразу, приправленную привычной улыбкой. Сергей чересчур стар для ответных любезностей, он лишь кивает. – У нас сегодня акция, – продолжает чиновник. – Каждый работник может получить полкило мяса. Желаете?

– Нет, спасибо. Я лучше говядины куплю.

– Её же клонируют! А это ещё и бесплатно, – искренне удивляется мужчина из будки.

– Нет, спасибо. Не хочу, чтобы мне попалась задница Петрова. Лучше я землю буду жрать.

Чиновник хмыкает:

– Ну, как знаете. Хорошего вечера.

– Всего доброго.

Сергей выходит на улицу. Тепло конца апреля приятно греет старый организм. Располагая временем, замирает у выхода и около тридцати секунд колеблется, куда ему двинуться дальше. Дома делать особо нечего. Старик решает сходить в магазин и купить треклятую говядину.

Пустынный чистый пейзаж, начало спальных районов. Впереди появляются лавки, стайки серьёзных детей из деся-

того поколения возвращаются с вечерних развивающих занятий. Насупленные карапузы.

На одной из лавок, развалившись и вытянув ноги, располагается девочка лет двенадцати, из шестых, рядом улыбающаяся собака. Провожают старика взглядом. Мягкий вечер замешивает воздух серым и отрывками заходящего солнца.

На горизонте показывается поворот, за которым лежит супермаркет. Сергей неспешно двигается по мощёной дорожке.

Рекламный щит, реагируя на чип единственного платёжеспособного взрослого, подгружает ролик компании ДМО. Из-за работы Сергея в штате система совершает ошибочное таргетирование – воспринимает старика как человека, который активно интересуется их продукцией. Приятная улыбчивая девушка рассказывает про то, что регенераторы тратят очень много энергии на остановку и перезапуск системы и что им выгоднее функционировать в постоянном режиме.

Далее следует повествование про общество защиты животных, про Матвеева, как было решено, что человек, в отличие от той же коровы, может сделать осознанный выбор, делиться ли ему своей плотью. Показывают улыбчивого здорового парня, который говорит, что ему удаётся совмещать работу в ДМО и учёбу. И что он рад помогать окружающей природе и уверен в качестве и вкусе своего мяса. Рассчитывая скорость передвижения Сергея, система щита транслирует длинную версию рекламного ролика, де-

монстрируя путь до ближайшего супермаркета и специальные цены на продукцию ДМО. В конце девушка обращается к Сергею по имени и сообщает, что в его чип загружен специальный счётчик: если Сергей купит человечину от ДМО в ближайшие тридцать минут, супермаркет предоставит старику эксклюзивную скидку в десять процентов. Сергей терпеливо преодолевает весь мучительный путь мимо щита.

Впереди вырастает супермаркет с обещанной скидкой. Прозрачные двери раздвигаются, и перед стариком предстают длинные ряды в хорошо вентилируемом помещении. Домохозяйки и мамочки, как и двести лет назад, скидывают в корзины доставки товар. Это зрелище тоже успокаивает Сергея.

– Видела бы ты, во что мы превращаемся, – с удовольствием ворчит он себе под нос.

Любой товар можно заказать прямо к себе домой из супермаркетов в Сети. Но это убирает элемент прогулки и выбора именно того кусочка, который тебе больше нравится. А время у Сергея есть. Благодаря последним санкциям клонированная говядина стоит почти столько же, сколько и человечина на прилавке рядом. Чип вибрирует, напоминая о скидке. Сергей выбирает средний, постный кусок, нарезанный салат, две порции бальзамического уксуса. Проходит к выпечке и с шипением получает кусок свежего хлеба. Рядом с автоматом подросток – наверно, из восьмого. Пухлый и бритый, в тенниске с надписью «Бульдог». Попивает

тоник с оранжевой меткой – на грани дозволенного для его возраста. Бунтует. Восьмые вообще не совсем ровно получились. Сергей невольно с уважением отмечает полноту мальчишки. Сейчас это очень модно среди неформальных недорослей. Но подобное телосложение требует от парня жёсткой диеты: полнота с его модифицированным здоровьем и подстраивающимся под ситуацию обменом веществ получается лишь благодаря чудовищной дисциплине. Сергей не любит саморазрушение даже в минимальном проявлении, но ему почему-то нравятся восьмые, в них осталось что-то от его поколения. Так что старик двигается дальше, чтобы сберечь свой неодобрительный взгляд для химически синтезированных яиц.

Путь домой. Щит, активированный на мамочек, рассказывает про преимущества обучения их сыновей в военном училище «Доспех».

Спальный район окрашен в пастельные тона – бежевый, светло-розовый.

Сергей бредёт сквозь приятные пятна детских площадок с динамичными игровыми автоматами. Минует свою работу – массивную постройку регенератора при местном генетическом заводе. Здание укомплектовано несколькими гигантскими резервуарами и серыми секциями хранилищ, возле входа топорщится куца будка КПП. Солнце оранжевыми плевками погружается за колоннаду стеклянных батарей и коробчатых высоток.

Посреди небольшого моста авторазвилки старик останавливается полюбоваться на городской пейзаж. Облокачивается о перила, пряди длинных свисающих волос рамкой отрезают Сергею кусок скупого вида, упёртого горизонтом в плотно многоэтажек.

Ходят слухи, что завод старика поставляет органику для военных целей. Сергею не хотелось бы, чтобы эти слухи оказались правдой. Но в любом случае поделаться с этим ничего нельзя.

– Да, в таком странном времени остался я без тебя, – говорит старик и жуёт губу. Ноги уже ноют – он так быстро устаёт! Ничего, ему полезно ходить. Проклятая спина невыносимо чешется. Старик оглядывается и пытается поскрести себя скрюченными пальцами, но так и не достаёт до самых манящих участков. С хрустом разминает плечи и позвоночник. Мимо, позванивая, проезжает паренёк на велосипеде. Солнце почти полностью погружается в город. Сергей оставляет нагретые перила, глубоко вздыхает. Уже очень хочется домой.

Бредёт.

Симметрично рассаженная зелень и потягивающаяся кошка, улица пуста. Шумят редкие электрокары, направляемые общим координационным компьютером. Недалеко от остановки не по уставу сигналиит автобус, приглашая. Сергей поднимает загрубевшую ладонь, благодаря человека у пульта. Вселенная благосклонна к старику.

Оставшийся путь до дома он проезжает в городском автобусе, сидя у окна. На улице одинаковый усыпляющий пейзаж, прохладно – апрель.

Выходит, минует дорожку к дому, здоровается с соседом, выводящим на вечернюю прогулку собаку.

Щелчок двери – старика встречает его маленькая однокомнатная квартирка. Большего и не нужно. Жильё нынче дорогое. Но Сергей может себе его позволить. А питаться говядиной, да ещё и без скидок, он может себе позволить благодаря сыну. Всё-таки старик не работает по своей специальности. ДМО – работа больше для студентов или бунтующих. Старик хмыкает, вспоминая «бульдога».

– Некоторые идиоты не растут. И я у тебя такой, – здоровается старик с небольшой рамкой в углу комнаты. – Подогреть сковороду, режим А. – По специальности Сергей повар. Если бы им и работал, то мог бы зарабатывать намного больше.

Привычно жарит говядину под сливочным соусом, солит и перчит салат. Модификация позволяет предельно точно рассчитать долю специй, но Сергей превышает её на пятьдесят три процента. Его любимая дозировка.

– Включить терминал.

– Одно сообщение от Жени, – отзывается женский голос.

– Включай.

– Пап, привет. Как ты там? У нас всё неплохо, думаем скоро к вам приехать, на этот раз уже точно. В этот раз ещё

и по работе нужно присутствовать. Ты куда пропал? Знаешь же, что звонки на Землю довольно дорогие, а тебя вечно не застать. Сегодня не смогли. Решили больше не рисковать, наберём тебя завтра к девяти. До связи.

– Отправить уведомление о прослушивании сообщения?

– Отправляй...

Не смогли застать? Старик хмыкает. Будто не знали, что он на работе. Сергей думает, хорошие это новости или очередное неоправданное мучение. Женя уже восемь месяцев обещает приехать. Но если в этот раз завязана работа – тогда и правда всё может получиться.

– Тридцать лет назад мне стоило меньше его защищать. Ты была права, лупить его было необходимо по экзальтированной заднице... – Кряхтя, старик встаёт. Больно задевает коленом край стола, садится обратно и цокает языком. – Да ладно, я шучу, ты знаешь. Деньги были, время беспокойное, хотели дать будущее. Сейчас, я тебе скажу, время не лучше. – Старик таки встаёт и хромотает к синему пластиковому стеллажу, отодвигает в сторону мешающий пылеочиститель. – А деньги мне уже не нужны. – Рассматривает рамку с мужчиной, женщиной и ребёнком. Объёмная голограмма остаётся отличным способом передать мгновение. Ведь мгновение можно передать куда красивее, чем период.

Мужчина и женщина с голограммы вложили всё, что у них было, и отправили сына на Орион – околоземную базу с населением в десять миллионов человек. Очень перспектив-

но, практически отсутствует преступность, и вокруг только элитный контингент.

Вращающееся над планетой колесо, полное человеческих огней и высасывающее из Земли миллиарды. Сергею в голову вдруг приходит мысль, что на второй же день там он набил бы кому-нибудь морду.

– Может, завести кота? Ты бы этого хотела. – Ставит рамку на место. – Музыка, в случайном порядке, лист семь.

Сергей – ценитель классики. На стене, словно древний меч, висит прекрасная гитара.

А на голове уже жидковатые и сплошь седые прямые длинные волосы. Сергей думает, что смотрится с ними комично в таком возрасте. Но оставляет из принципа – сын уже столько раз просил их срезать. С возрастом старик со своим ребёнком все сильнее меняется местами.

Сергей надеется, что после его смерти эти волосы чему-то научат Женю.

– Слышишь, я хочу остаться старым упёртым идиотом, каким ты меня знала!

Принимает ванну, с удовольствием трёт новую кожу на спине мочалкой. Перекапывает множество тюбиков от ДМО разной степени наполненности и мажется очередным бесплатным кремом.

Перед сном читает книгу. Укладывается спать, предварительно несколько раз сбежав в туалет.

Ранний будильник.

– А, будь ты проклят! Выключить! – Старый организм без энтузиазма воспринимает новый рабочий день.

Встаёт, опять быстрая ванна, чистит зубы.

– Разогрев, – командует терминалу. Бросает кашу в пищевой приёмник. Завтракает. Нужно успеть на утренний автобус. Ещё чувствуется ночная прохлада, но солнце уже обманчиво пригревает.

Старик, подшаркивая, выбирается из дома, встречает несколько знакомых лиц на остановке. Некоторые вежливо с ним здороваются.

КПП и новый чиновник. Проверяет документы. Недалеко маячит Петров, бросая косые взгляды из-под правой, большей, брови – ещё жив, старый осёл.

Сергей добирается до раздевалки. Посапывая, из распределителя выезжают новые тапочки. Утренняя смена оживлённо оголяется до трусов. Преимущественно старики из пятого, четвёртого поколения, плюс пара студентов. Сергей забирает отпаренный халат и направляется в свой привычный отсек. Отточенным движением подключает трубки со строительными жидкостями, включает типовой блок регенератора. Ложится, надевает наушники и запускает систему. Сегодня у него полный рабочий день. Боковым зрением видит дезинфицирующий луч. Спину старика покрывают анестетическим желе, холод знакомо парализует нервы.

Под жёсткий депрессивный трек включается сверхчастотный лазер с огромной пиковой мощностью. Интенсивные волны за двадцать четыре секунды отделяют от спины Сергея всю мышечную ткань, оставляя после себя прижжённые края. Пахнет палёным. Оглушённая нервная система отвечает болезненным дискомфортом. Чмокаяще активируются подающие жидкость присоски. Регенератор начинает насыщать, делить и восстанавливать клетки старческой спины. В наушниках меняется трек. Рабочий день начался.

Чёрные горы закрывают горизонт, наступает ночь. Ещё минут сорок, и спустится кромешная темень. Осветить её сможет только огромная россыпь невидимых в городах звёзд. Пять фигур в быстром темпе передвигаются по пустынной местности.

Сочная, колышущаяся от движений воздуха зелень погружается в чёрные краски.

Ни рюкзаков, ни сумок. Четыре взрослых человека, один из которых ощутимо выше двух метров, движутся за подростком. Тот весело бежит, расставив руки, ветер развеивает нестриженные вьющиеся волосы. Взрослые в точности повторяют весь безумный маршрут петляющего мальчугана, даже ступают практически в его следы. Вот парень поскользывается и падает, идущий следом за ним путник сразу останавливается

ливаает отряд.

Присмотревшись, понимаешь, насколько неестественно выглядят спутники. Миндалевидные глаза, бесполое молодые лица. Ненатурально и холодно отточено всё до последней детали, словно посреди зелени шагают мраморные статуи. Кроме мальчика, каждый экипирован в средневековые элементы доспехов. Парнишка же в стандартном тканепластиковом костюме, который встретишь на любой улице мегаполиса. Мальчик ещё некоторое время лежит, недовольно надув губы. Затем замечает нечто понятное лишь ему одному, смеётся, вскакивает и бежит. Такое поведение кажется немного неуместным, а оттого жутковатым. Путник за мальчишкой мгновенно возобновляет движение всей группы. Пахнет свежестью гор, немного озоном. Далёкая ящерица шмыгает с камня в траву.

Мальчик вновь останавливается. Его замершая детская фигура контрастирует с пепельным фоном неба. Поворачивается, тычет пальцем в небо.

– Уриил, я вижу огоньки! Хм. – Растягивает рот в улыбку, глаза превращаются в щёлки. Происходит нечто странное: путешественников в самых разных позах раскидывает по лугу. Причём момент перехода в новые точки пространства отсутствует – вот, ещё мгновение назад, они все бредут за ребёнком, а вот они уже застыли в десятках метров от предыдущего своего местоположения.

Лишь мальчик и идущий прямо за ним путник, назван-

ный Уриилом, остаются на прежних местах. Ребёнок смотрит в небо и инфантильно сосёт большой палец.

– Огоньки! – повторяет ребёнок, и вмиг на небе вспыхивает гигантская клякса окисляющегося пятна, чем-то напоминающая расплзающуюся цепочку ДНК, – это взрывается синтаическая бомба людей, вызывая циклическое деление пситонов.

– Ментальные щиты Мариэля, – восторженно продолжает говорить ребёнок и указывает вперёд пальцем, оглядываясь на Уриила, словно ища поддержки сказанному. Его рука направлена на появившуюся впереди сферу цвета индиго, в центре которой и оказываются путники. Поверхность сферы визуализируется лишь в местах, где её облизывает светло-голубое пламя – итог освобождения пси-энергии гигантского эквивалента. Становится глухо, словно под водой, воеет стремительно сгорающий воздух. Небо наполняется тоненьким писком – его создают человеческие летающие машины.

Вот исчезает самый высокий из путников – и разом оказывается в ста метрах от своего предыдущего местоположения. Это блондин с плывущими вверх локонами. На великানে красуется алый доспех.

– Командующий, сфантазируй его, – произносит Уриил совершенно будничным голосом, обращаясь к ребёнку. Так можно было бы попросить передать соль.

– М-м-м, – тянет мальчик, сложив губы трубочкой. – Не хочу! Далеко сильно.

Но Уриил не реагирует на замечание, просто смотрит на мальчика. Ребёнок показывает язык, но всё-таки сосредотачивается, его зрачки поднимаются, демонстрируя формирование зрительных образов.

– Так, усы, ух ты! Да, мне нравится. С тех пор как люди улучшили свои гены, я усы так редко вижу, а этот пусть с усами будет, такими правильными, – запинается, начинает говорить, запинаясь, словно читая с невидимой бумажки, – ...пер-ре-бра-сываем, на... спец...

– Достаточно, – спокойно констатирует Уриил, его почти не слышно, поскольку впереди бушует канонада, слитая в один общий грохот. Защитная сфера Мариэля блестит во всей красе.

– Лови, – говорит ребёнок и улыбается.

Уриил стремительно подхватывает переданный ребёнком мыслеобраз; в нём запечатлён генерал-майор передвижной биобазы – архитектурно сложенный усатый мужчина, рядом с которым расположено множество модифицированных аналитиков, обёрнутых в требуху проводов.

Небо расцветает новой порцией синтаических реакций.

Уриил бросает своему второму «я» приказ разворачивать мыслеобраз, вторая порция зрачков в его глазах проваливается внутрь.

– Теперь новое безопасное место, фантазируй, – произносит Уриил и делает обычный шаг в сторону.

– Ну-у-у, хочу, чтобы была вода и... – говорит ребёнок,

загибая пальцы.

Но Уриил уже «прыгает» – каждая его частица, не разрушаясь в текущем месте пространства, гомеоморфно собирается в новом.

Тишина, сирень, одинокие лавочки. Недалеко автоматический полив насыщает парк влагой. Уриил спокойно делает пару шагов по красивой брусчатке. Вновь «прыгает», ориентируясь на предоставленный мыслеобраз.

Рубка управления. Усатый мужчина почти успевает повернуться – фантастически улучшенная реакция. За эти полмгновения Уриил излучает и тут же поглощает мощную волну пси-энергии, что приводит к коллапсу ментальных связей у людей. Аналитики начинают растекаться красной кисельной жижей, замешанной на контактных шнурах. А второе «я» Уриила уже продето в усатого человека, не позволяя хрупкой биологической оболочке последовать за подчинёнными. Послушное то, что осталось от генерал-майора, быстро раздаёт какие-то непонятные, но такие полезные Уриилу команды. Пора! Вырывает из человека второе «я», покидая разрушающуюся плоть. «Прыгает».

Жёлтая пустыня, ночь делает её чёрной. Уриил делает пару шагов и «прыгает».

Некогда зелёное поле, бушующее вокруг защитной сферы пламя, рядом с Уриилом хлопает в ладоши ребёнок – ненормальное поведение для двенадцати лет.

– Хвостик! Хвостик! – кричит мальчик.

Видимо, кто-то успел захватить ментальный след, оставшийся от «прыжков». Уриил мгновенно убивает своё второе «я» вместе с преследователями – офицерами телепатического корпуса людей и их машинами. Вторые зрачки пропадают.

– Новое место, – говорит Уриил мальчику.

– Лови!

Уриил раскручивает полученный мыслеобраз. Щит Мариэля уже давно шипит, надрываясь, чтобы аккумулировать бушующую вокруг энергию.

Вдруг мальчик замирает, не по-детски морщится, на пре-красном лице появляется отвращение.

– Умиряющие, – произносит он.

Мариэль выплёвывает всю накопленную энергию в новых участников сражения. Белый луч бьёт в сторону умирающих. Поля людей сглаживают большую часть атаки, но луч всё же прорывается сквозь них и с рокотом врежется в машины человечества.

Умиряющие – большеголовые фигуры трёхметровых младенцев, зашитые в керамический баолит. Шипя и обгорая, девять из них неуклюже проваливаются в защитную сферу Мариэля. Смесь военных синтетических материалов, биомассы и пси-технологий, беременная телом умирающего старика. Ближайший гигантский младенец поднимает копьё.

На дне глаз Уриила рождается ещё одна пара зрачков – новое второе «я» успело восстановиться. Оно открывает проход для всех, и группа «прыгает». На этот раз уже в полном

составе.

Бурление и шум волн. Море чёрной тушью плещется под ногами. Разуэль – высоченный блондин с руками ниже колен – шипит, ступая по воде. Неосторожные волны испаряются с алого доспеха. Мальчик, имя ему Кариаэль, вновь рад. Довольный, он бежит впереди. Ветреное море – не самая спокойная дорога, но путники легко двигаются по тёмной глади.

А люди в данный момент считают! Их машины, модифицированные сознаниями и миллиардами нейронных связей, ищут исчезнувшую группку. Конечно, Кариаэль тут, со всем своим везением. Сейчас наблюдающие за этим участочком местности специалисты проливают кофе на пультах, застёгивают обувь, пропуская важную информацию. Засыпают, заблевают и не выходят на работу. Или, с невозможным шансом, происходят ошибки в алгоритмах вычислительных программ. Но рано или поздно эта зона слепоты будет найдена вновь, и отряду придётся принять очередной бой.

Сергей отсоединяет шнуры. Новая розовая спина красуется мощными буграми молодых мышц – побочный эффект постоянной работы в ДМО. Сергей с такой спиной кажется себе странным. Ещё – он не уверен, но, возможно, в ней есть несколько модификаторов вкуса для повышения привлека-

тельности продукции. Вот это действительно настораживает. Чешет спину, шумно чешет живот. Надо идти домой, время ещё есть, но он не так часто общается с семьёй, ожидание волнует его. Словно позируя перед невидимым наблюдателем, спрыгивает с кровати, медленно распрямляется. Одевается. Выходит в коридор. Шипит, герметизируясь перед дезинфекцией, комната. В коридоре вновь появляется Виталий Владимирович.

– Добрый вечер, Виталий Владимирович, – здороваются Сергей.

– Добрый, и вам добрый. Ну что, сколько? – привычно спрашивает Владимирович, то ли сравнивая, то ли ему и правда интересно.

– Пятьсот тридцать и пять.

– О, ну и хорошо, хорошо! – Скрывается влоборота за углом. Старый сумасшедший! Как и они все тут. Сергей ворчит себе под нос. Время научило его спешить не торопясь. Скидывает тапки в утилизатор, а халат в кабинку. Забирает почасовой расчёт на КПП.

– Подождите, вот ещё порция бесплатного крема от ДМО, мы заботимся о своих сотрудниках. – Сегодня новый чиновник протягивает упаковку. Сергей таки забирает подарок.

– Да, конечно.

Обратно на автобусе. Поужинать можно будет и вчерашним. Кроме того, у него ещё осталась пара яблок.

На улице вечер в розовых бетонных лесах. У входа в па-

радное – соседский малыш, года четыре или пять, из десятых, судя по насупленному виду.

– Здравствуйте, – кивает крупной головой мальчик.

– Здравствуй.

Малыш странно рассматривает старика, словно на что-то не решаясь.

– Это ничего, что я первый поздоровался? Нас учат, что взрослый должен первым выказать своё расположение и поприветствовать младшего.

Десятые. В рекламе говорят, что их жизненное восприятие в три раза интенсивней, чем у остальных поколений. Это компенсируется малым сроком жизни – лет пятьдесят. Но за это время человек субъективно проживает в три раза более длинное существование. А при нынешнем состоянии, когда все знают, что будет «потом», это ничуть не страшно. «Как же, наверно, они торопятся», – думает Сергей. Бедняги. Этот малыш небось уже учит в школе алгебру с геометрией. Потерянное поколение.

– Ничего, конечно. А чему вас ещё учат? – не удержавшись, интересуется старик.

– Учат, что мы люди. И можем позволить себе иногда быть плохими. Но в большинстве дней должны быть хорошими. У нас даже бывают развивающие «плохие» дни. Не переживайте, взрослые всё знают, они понимают и прощают. Я вот вазу разбил. А Хохлов из третьего «Б» – головой витрину в аптечном отделении! – Хихикает.

– Ну да, святые нам сейчас вообще ни к чему.

– Спасибо, я запомню. Это же была ваша жизненная мудрость – интерпретация правды? Да? Я ещё плохо их распознаю.

Сергей жалеет, что сказал не подумав. Хотя пусть запоминает. Что с него, старика, взять?

– Да я и сам их не распознаю, не переживай. Просто ворчание старика.

– А мы сегодня историю учили. Про новых Адама и Еву. Ну, про семью Михайловски. А ещё до этого Библию читали. – Мальчик грустнеет. – И теперь я не знаю, плакать мне или нет. Вы можете мне посоветовать?

– Я такое советовать не умею. Но, если хочешь, можешь мне рассказать.

– Ну, там, в Библии, Бог поспорил с дьяволом. Что мужчина не потеряет своей веры. Он наслал на мужчину кучу мучений, но тот всё равно не потерял веру. И Бог выиграл. Это так низко! А потом учитель улыбался и говорил, что Бог хороший, просто нам не дают с ним договориться. Это меня очень расстроило.

– Библию тоже люди писали. Так что это мнения людей по поводу того, что люди же и придумали.

– А это уже мудрость-интерпретация? Да? Можно, я её запомню?

Сергей недовольно жуёт слюну. Тупоголовые учителя!

– Да, конечно.

– А мне плакать или нет?

Сергей замечает у мальчика небольшой рубец на брови. Несовершенный десятый! Внешний изъян, быть того не может.

– Это мой тебе следующий урок.

– Да?! – Мальчик сияет. – Хорошо! А вас как зовут? Ой, – тупится в землю.

– Зови меня дед Серёжа.

– Спасибо! А меня Саша, или Сашка.

– Приятно познакомиться, Саша.

– А можно я к вам сегодня приду, покажу, как я историю выучил? Можно?

– А родители что твои? – Не хватало Сергею ещё с ним возиться. Хотя она бы точно была довольна. Несмотря на то, что старик ворчит, ему приятно такое внимание при его одиноким существовании.

– Родители сегодня в театре, а потому не ночуют дома. Браслет поставили на тревогу. Так что всё хорошо, не переживайте.

– Да уж, не те сейчас родители, – ворчит старик, хотя и знает, что это не так. Да и объективно он понимает, что, в принципе, мальчику ничего грозить не может. В случае чего браслет засечёт аномальные процессы в организме и подаст сигнал в местное отделение контроля. А инстинкт самосохранения у десятых в его возрасте железный. И это при умной модифицированной квартире – ниже уровня стола ей

сложно нанести вред ребёнку.

– Ладно, только приходи к десяти, может, в полдесятого. Спать ещё не будешь?

– Мне нужно четыре часа и семнадцать минут сна для восстановления организма. – Запинается. – Ну это, конечно, при текущем уровне нагрузок.

– Ладно, приходи. Знаешь, где я живу?

– Найду в базе жильцов, – не без самодовольства отрезает мальчик.

– Ишь какой умный! Есть домашний питомец?

– Не-а. – Мальчик грустнеет.

– А надо, выпроси у родителей. Например, кот. Это тебе мой кот-интерпретация. Запомни.

– Хорошо!

Сергей поднимается на свой этаж. Без десяти девять.

– Не те были у нас родители. Хоть кол на голове теши, а ты бы от Жени на сутки не уехала никуда. Сколько я настрадался от этого, а сам такой же, – приветствует старик рамку.

– Терминал, есть сообщения?

– Рассылка от объединения поваров.

– Удалить. Пищеблок, режим подогрева, секция три, через тридцать минут.

Секция три переключается из режима морозилки в пока остановленную духовку. Воодушевление мешает сосредоточиться.

– Терминал, канал А первый.

– Обязательный к просмотру двадцатисекундный ролик.

– Включай.

На экране появляется чистый, ухоженный депутат из партии по защите прав мужчин. Он рассказывает о притеснении врождённых прав единожёнством. О вреде для мужской психики подобных ограничений. Предлагает ввести ряд правок, за которые борется его представительство.

После ролика терминал начинает трансляцию новостей, показывают каких-то демонстрантов, борющихся с очередными притеснениями со стороны лояльных оппозиции профсоюзов.

– Входящий звонок, – раздаётся через пять минут женский голос, слегка контрастирующий с фоном видео. Сергей грубой ладонью пытается привести в порядок старые волосы.

– Принять.

– Папа, привет! – На экране появляются Женя с Элизой и два Сергеевых внука. Младший мальчик – Алёша – стесняется и скучает при общении с дедом. Сергею очень жаль, но ситуацию спасает то, что, когда родственники приезжают на Землю, старик быстро находит общий язык с молчуном. А старшая девочка, девятая, Каталина, души не чает в дедушке.

– Здравствуйте, Сергей Анатольевич. – Элиза приятно улыбается, удерживая сползающего на пол Лёшу с толстыми ногами. «Отличная женщина, куда лучше, чем наш паразит

Евгений», – думает старик.

– Здравствуйте! – Приятно щемит сердце и солнечное сплетение. – Сколько же я вас не видел! – К глазам подступают слёзы. Старость сделала из него ворчуна и сентиментального соплежуха. Сергей сдерживает себя и от неловкости переходит в нападение:

– Не могли раньше старику позвонить? Узнать, может, он уже сдох тут, старый сумасшедший?!

Семья с экрана хихикает. Каталина машет рукой и всё лезет в камеру.

– Папа, ну ты же знаешь, у нас двое детей, а на Орионе пай на воздух и воду. Мы и так не особо справляемся. В школе всем сказали купить новый чип, и нам пришлось взять кредит. Вот, на Землю летим. Да ещё и тебе деньгами помогаем. Нет чтобы ты себе нормальную работу нашёл! – При этом заявлении Жени Элиза кладёт ладонь мужу на предплечье, осаживая.

– Да не нужны мне эти твои околопланетные подачки! Оставь их себе, а я тут сам как-нибудь справлюсь. Не справлюсь – так подохну, зато как мне нравится! – злится Сергей.

Евгений бросает взгляд на жену, во взгляде читается: «Всё как я тебе говорил!» Жена указывает глазами на экран, сохраняя на лице улыбку. Женя вздыхает:

– Ладно, пап, давай не будем ссориться. Мы послезавтра летим на Агамемнум, оттуда на сверхлифте спускаемся в Мадрид. Сможем созваниваться. Я там неделю буду рабо-

тать, в конце заедем к тебе. Может, даже целый день пробу-дем.

Целый день? Как же это мало – день. Сергей скрывает разочарование. Ну и ладно, ну и хорошо. Как говорит Виталий Владимирович, «день – куда лучше, чем ничего». Элиза наклоняется к экрану.

– Сергей Анатольевич, вы не переживайте. Я думаю, мы приедем. Я Женю тут оставлю, а сама с детьми смогу раньше к вам в гости попасть. Этим сорванцам нужно увидеть дедушку!

Святая женщина.

Каталина:

– И я, и я хочу увидеть!

– И ты увидишь, – успокаивает её мать.

– Женя, береги её, если ты её потеряешь, я сам поднимусь на ваше драное колесо обозрения и буду тебя пороть при твоих яйцеголовых директорах!

Семья снова смеётся.

– Папа, не ругайся при детях! У них гиперразвитая память!

– А то я не знаю, – ворчит старик. Каталина смотрит на мать и радостно, с волнующим её сознание интересом повторяет «яйцеголовые», без труда подмечая самое нужное слово. Смеётся детским громким смехом, в котором не хватает части зубов.

– Ладно, я тебе все документы пришлю, посмотришь, где

мы выходим, где будем жить, наш номер терминала, – деловито произносит Женя, листая что-то на личном экране.

– Хорошо, – кивает старик.

– У меня очень важный звонок сейчас, так что пока. До скорого, увидимся, – прощается Женя. Элиза с прямой спиной и улыбкой вновь указывает ему на Сергея. Почти не скрываясь, громким шёпотом Женя повторяет: – Что? У меня сейчас важный звонок.

– Да, давайте, до скорого, – с вызовом прощается Сергей.

– Пока, дед Серёжа! – Каталина машет рукой, и даже Лёша присоединяется.

– Пока-пока, – отзывается Элиза, и терминал гаснет.

– Важный звонок. (Пауза.) А на орбитальные лифты у них есть деньги. (Пауза.) Да мне не нужны их подачки. И я ни за что не вернусь к этим роботизированным кашеварам. У них у всех стопроцентно повторяемый вкус. Что за чушь! Ты слышишь меня?! – Старик, сам того не замечая, даже сжимает кулаки. – Ну и ладно, ну и хорошо. Если Элизочка привезёт сорванцов, смогу показать им завод! (Сергей думает, что это может быть интересно.) А Женя – индюк. Конечно, люблю я его, да и деньги им нужны. Это всё переизбыток искусства в его голове, – наконец, заключает старик, успокаиваясь, но ещё шумно дыша.

Евгений работает оценщиком. Очень перспективная новая профессия. Например, есть книга «Братья Карамазовы» или картина «Мона Лиза». Очень малая часть людей может

понять и осознать их истинную красоту. Для этого надо знать эпоху, язык, нюансы, психологию и сложность создания подобного. И ещё миллион всего. А оценщик превосходно понимает отведённую ему отрасль, способен по-настоящему любоваться открывающимся ему шедевром, его истинным масштабом. И посредством эмоционального роутера переживания оценщика могут передаваться зрителям. Евгений – очень хороший оценщик, не такой массовый, какие работают на закрытых платных каналах и усиливают удовольствие от трёхсотого эпизода сериала, которого ты до этого даже не видел, потому и не можешь оценить задумку сценаристов сам. А настоящий – работающий с шедеврами изобразительного искусства и архитектуры.

Пищит, включаясь, пищевой блок. Сергей идёт в туалет, сердце радостно колотит в рёбра. Ему даже немного дурно. Нужно успокоиться. Какой у него там самый расслабляющий чай? Чайника у Сергея нет, поэтому он ставит четвёртую секцию пищеблока в режим «Супы, готовка». Помещает в неё ёмкость с водой и приказывает системе остановиться за три минуты до кипения.

Ужинает, задумавшись, несколько раз промахивается мимо говядины вилкой. Отлично, нужно подготовиться к их приезду. Ставит грязную посуду в пищеблок. Система очистит поверхность и спустит органику в биоотвод. Пища для ближайшего регенерирующего завода.

Вместе с калом.

Читает книгу, текст идёт сложно. Пьёт расслабляющий чай.

Звонок.

– Здравствуйте, дед Серёжа. Это Саша.

– Здравствуй, Саша, заходи.

Дверь пропускает малыша в квартиру. Тот рассматривает висящую на стене гитару, широко распахнув рот.

– Вы музыкант? Сможете сыграть? Правда, без оценщика я не совсем смогу понять, простите. – Опять потупляет глаза.

– Да не нужен тебе оценщик, хватит с меня одного.

И не музыкант я.

– Вы делаете музыкальные инструменты?

– Нет, я по специальности повар. Только им я тоже не работаю.

– А-а, – тянет мальчик, но видно, что он мало что понимает. – Не работаете? – уточняет. Видно, что он ужасно удивлён. – А чего она у вас висит? Можно потрогать?

– Висит потому, что это ещё один урок. Трогай, только осторожно, да и пыльная она. Могу сыграть тебе «Смерть комара».

– Нет, мне про смерть не надо. – Саша становится на цыпочки, тянется, трогает кончиками пальцев гитару. Отдёргивает руку. – А я знаю ответ на этот урок. То есть думаю, что знаю, – поправляет он себя. – Вы эмоционально травмированы структурой общества, не доверяете ему и выражаете ему свой протест. Поэтому не работаете по специальности и во-

лосы у вас длинные. Протест – это всегда дорого, это нам так учитель говорит. А ещё вы из пятого поколения, а все поколения до шестого несовершенно. Кроме того, есть накопившиеся ошибки в восьмом. Так нам наш школьный телепат говорит. Ну как, верный ответ?

– Кретин ваш телепат. Вот какой ответ.

– Дед Серёжа, ну что же вы? Я же маленький. – Саша светится смущением и гордостью, что такое услышал. – А наш телепат мне тоже не особо нравится. Но он это знает. Так что я прохожу курс «Приручение негатива». Каждый день записываю в личный психологический дневник про него что-то хорошее. Через месяц должен намного лучше к нему относиться. – Мальчик буквально пожирает комнату глазами. Любопытный чертёнок.

– Чаю?

– У вас же нет чайника? А-а-а-а. Хитро вы его. Ну, давайте.

Старик наливает мальцу чай. Тот подтягивает к столу большой стул, вскарабкивается на него, осторожно обхватывает большую чашку.

– Вкусно. Зря вы не повар.

– А ты зря так много по поводу всего мнений имеешь. Ты его слышала? Вот бесёнок!

– А вы с кем разговариваете?

– С кем надо, с тем и разговариваю.

– С вами интересно.

– С тобой тоже не соскучишься.

Саша звонко смеётся. Странно вот так общаться с четырёхлетним.

– Кем хоть стать хочешь?

– Хочу стать врачом или биоконструктором. А папа хочет, чтобы я в «Доспех» поступил, прошёл полный курс модификаций и служил на «Вавилоне». Это северная пограничная база у Пути, из неё даже, говорят, Золотые Врата видны. Папа даже деньги уже откладывает. А мама против. А мне нравится, что солдаты такие сильные и быстрые. Но мне не нравятся стигматы. Фу. И я не люблю насилие. А чего вы хотите, чтобы я завёл кота?

– Подожди, шустрый. Я бы папе твоему... А, да ладно. Кота просто заведи. Считай это моей бунтарской ментальной мудрой штукой-чукой. Как их там называют у вас в школе? С ума они все посходили. Ты его слышишь, любимая? Сдурели у нас все нынче. И я с ними – старый сумасшедший.

– А с кем вы говорите?

– С тобой! – прикрикивает на мальчика старик, впрочем, не вызывая этим у того никакой реакции. Сергей делает паузу. Садится, кряхтя, на диван. – Давай рассказывай, мы же тут не просто так сошлись.

– У вас огромная спина! Вы знаете? Вы спортом занимаетесь? Или это сбой модификации, поэтому вы и не работаете поваром?

– Да уж, знаю. Надо будет занести этой спины твоему папе.

– Не понял.

– Что ты мне голову морочишь, бесёнок? Давай свой урок истории. Есть какие-то бумажки? Вдруг я всё не так знаю, как у вас там написано? Ещё подведу тебя.

– Не-а, нет бумажек. У нас, десятых, универсальная память. Я ошибок делать не буду. Мне просто надо потренироваться рассказывать перед аудиторией. Такой урок.

– Всё у тебя урок. Вот дурошлёпы, такое выдумывают, что мозги сломать десять раз можно, пока только в эту сторону думать начнёшь. Кот тебе просто необходим!

– Дед Серёжа, вы много ругаетесь.

– Ты гляди, заметил.

– Это сарказм? Я понял. Ладно, готов рассказывать. Только текст адаптирован для четырёхлетних, вы уж извините.

Сергей молчит в ожидании. Саша закрывает глаза и ровным голосом начинает отчитываться:

– В сто двадцать первом году до новой эры человечество поняло, что искать Бога в космосе больше смысла не имеет. Официальной датой принято считать седьмое октября восьмьдесят первого года до новой эры, когда известный финский учёный и культурный деятель Йоханнес Нуйя сказал следующее: «Сейчас нам приходится признать, что космос пуст. Мы поднимаемся всё выше, но Бог всегда остаётся недосягаем. Пора нам поискать внутри». Это были его слова, которыми он озаглавил свой научный труд, посвящённый теории пси-полей. Спустя сорок лет – тридцатого августа со-

рок третьего года до новой эры – австрийская группа учёных Консалт-холдинга в результате бессистемной ошибки смогла выделить пситон. Или частицу, определяющую влияние пси-полей. Теоретическое направление сразу получило серьёзную поддержку государства Земли.

Был сделан значительный прорыв во всей науке, и человечество совершило невероятный шаг в биоментальных технологиях. Примерно за семь лет до новой эры был открыт первый проход в пси-плоскость, так называемый Путь. Все попытки выслать на него управляемые механизмы не увенчались успехом.

Совершив серию провальных экспериментов, человечество таки добивается победы. В нулевом году, первого января, мужчина – Сергей Юриев – становится первым человеком, который попадает на Путь и возвращается обратно. После своего похода Юриев рассказывает, что видел Золотые Врата и ангелов. Учёные ставят под сомнение адекватность полученных сведений и пропускают Сергея через ряд психологических тестов. Существует альтернативное мнение, будто несколько месяцев задержки в лабораториях обусловлены временем на принятие правительством решения, стоит ли эта информация огласки. В нулевом году человечество принимает как факт то, что Юриев побывал там, где до него ступали лишь Адам и Ева.

Понимая перспективы, человечество на Всеземном референдуме пятого апреля девятого года новой эры прини-

мает решение получить контроль над загробной жизнью. Небольшая часть общества воспринимает решение негативно. По Земле прокатывается ряд массовых протестов с кровавыми столкновениями. Многие известные деятели культуры и политики высказываются резко против такого шага.

Тем временем человечество трудится над созданием сто-процентно стабильного Пути для отправки парламентариев к Богу. Спустя три года, седьмого октября двенадцатого года, в Сети проходит Всеземное шоу, где посредством платного голосования выбирают кандидатов в парламентарии. Со стороны правительства присутствует контроль профессионального жюри – телепатов, психологов, богословов, аналитиков, дипломатов. В результате жесточайшего отбора, за которым следит вся планета, человечество выбирает семью Михайловски. Молодая пара становится народным кумиром. Седьмого января тринадцатого года под взором телекамер Михайловски отправляются на Путь. Но дипломатическая миссия проваливается, ангелы с позором выгоняют молодую пару, так и не добравшуюся до Бога. Обоюдоострое непонимание накаляет отношения Земли с Раем.

Все не прямые попытки связаться с Богом – массовые молитвы или обращения самых рьяных священнослужителей, краткие контакты с ангелами – ни к чему не приводят. Двадцать пятого июля пятнадцатого года человечество предпринимает ещё одну попытку послать семью Михайловски в Рай. В результате спорных трагических обстоятельств

молодые люди погибают. Это событие отворачивает от Раю даже значительную часть противников требований Земли. Седьмого сентября восемнадцатого года новой эры человечество ставит Раю ультиматум: или оно получает прямую связь с Богом, или развязывает полномасштабную войну. Ангелы привычно отвечают молчанием.

Спустя девять дней начинается Священная война, или, как её ещё называют, Главная война. Президент Кларк говорит свою знаменитую фразу: «Мы уже выросли, пора нам самим начать распоряжаться своей смертью».

Саша замолкает. Выдыхает.

– Ну как, как я выступил?

– Всё нормально, как с книги зачитал.

– Ага, спасибо, вы мне очень помогли. У нас потом ещё экзамен будет по Главной войне, все даты нужно выучить. А Пиррову битву даже знать в деталях. Мы им там показали! – Мальчик даже приподнимает кулачок, но замечает лицо Сергея и быстро опускает руку. – Извините, это у меня папа так всегда говорит. А когда я говорю тоже – он радуется. А чего вы расстроились?

– Я не расстроился.

– А что тогда с вашим лицом?

– А что с моим лицом?

– Оно у вас сморщилось, ну, оно было сморщенное, но сейчас так вообще! – В голосе ребёнка слышатся восхищение и интерес.

– Да не люблю я это просто.

– Что?

– Всё не люблю.

– Что, прямо «всё»?

– Да нет, просто у нас с твоим папой разные мнения, вот и всё. Но не думаю, что это стоит с тобой обсуждать.

– Вы не любите Главную войну? – сокрушённо спрашивает мальчик.

– Я не люблю любую войну.

– Но мы же победили в Пирровой битве!

– Любая война – это большая трагедия. А победа – не только радость, но ещё и большая скорбь.

– Это как?

– Да вот так. Нет у меня сейчас настроения объяснять. – Сергей берётся за грудь, в которой начинает гудеть тупая боль, вызванная волнением.

– Но мы же ведём эту войну ради защиты! – недоумевает крошечный собеседник.

– Я тебе скажу больше: почти все войны ведутся ради защиты.

– Так не бывает. Одна из сторон всегда должна быть нападающей!

– А вот оказывается, что только так и бывает, что все стороны ради защиты... ох. – Старика прихватывает сильнее.

– Это тоже мне задание, да? – с опаской уточняет ребёнок.

– Да, можно и так сказать...

– С вами всё хорошо? – испуганно спрашивает Саша.

– Ничего, ничего, сейчас. – Сергей хватается за сердце, немеет скрюченная рука. – Сейчас пройдёт. Сейчас. А знаешь, давай мы лучше вызовем медицинскую бригаду. Давай. Терминал! – Сознание гаснет. Сергей изгибается на диване.

– Дед Серёжа! Дед Серёжа! Терминал, скорую, срочно, инфаркт, пожилой мужчина лет шестидесяти пяти, пятое поколение. – Четырёхлетний мальчик делает вызов чётким голосом. Хватает со стола нож, разрезает тканепластиковую тенниску на груди старика, облегчая дыхание и готовясь оказать первую помощь. Только после этого он начинает плакать.

Терминал перед молодой женщиной выдаёт анкету с длинноволосым, испещрённым морщинами стариком.

– Ну что там? – Олег и его чай садятся с краю на белоснежный стол приятной вытянутой формы. – Кто наш старичок? Ты гляди какой! Дай угадаю: очередной нереализовавшийся пятый. Их к старости многих клинит. Работает не по профессии. И прочие прелести.

– Не то чтобы совсем. Но странности есть. Вот смотри: по модификациям повар, но последние двенадцать лет работает в отделении ДНО, при этом...

– Ну я же говорил! – радуется Олег.

Девушка окидывает мужчину взглядом: сразу видно – седьмой. Перебивает ещё! Их нужно жалеть.

– При этом у него успешный сын на Орионе, оценщик. Двое внуков. Вот психологический портрет. Обычный одиночка, где-то преуспевший, где-то нет. Живёт...

– Да ты почитай, он ходил посидеть в очереди для развлечения, а когда выстаивал всё необходимое время, возвращался домой. Чудик из пятых, я тебе говорю. Надо к нему Надю направить, она таких любит.

– Вот и направь.

– Тише, тише. А я всё равно был прав. – Олег победно замолкает, встаёт и выходит в длинный белый коридор; упругие стены покрыты синтетикой с биологическим самоочищающимся слоем.

Девушка думает, что мужчина выбрал неправильный способ ухаживать. Вечно подзуживает её, какие ненормальные старики к ним сваливаются, это ужасно раздражает. Она опирается подбородком на руку и позволяет себе погрезить о молниеносных ребятах со стигматами из восьмого спецподразделения.

Белый потолок, белый свет. Сергей поднимает к глазам шершавую ладонь. Ладонь смотрится словно вырезанное изображение. Не сразу понятно, где он сейчас находится. По-

ворачивает голову, оглядывая помещение. Вся комната какая-то выхолощенная: кровать, тумба с аккуратной стопкой одноразовой одежды.

Всё.

Пустота и этот проникающий всюду белый свет. Видать, какое-то отделение клиники. Постепенно приходя в себя, Сергей понимает, что его таки вытянули. Чешет голову, ещё чувствуется ненормальная даже для его возраста слабость. А старик уже думал, что увидит фронт с той стороны. Интересно, ему уже можно вставать? С опаской прислушивается к своему организму. Ну если вытянули, то он сегодня уже и на пробежку сможет отправиться. Старик прекрасно знает, на каком уровне сейчас работают регенераторы. Приподнимается на кровати, вновь прислушивается к самочувствию. Встаёт, перебарывает небольшое головокружение и зачем-то перебирает пальцами ног. Их бегущая волна на секунду гипнотизирует его. Видимо, старик ещё не отошёл от лекарств. Одевается в тонкий тканепластик, скрывая изувеченные старостью и работой в ДНО недостатки пятого поколения. Простые белые штаны и такая же рубашка. Сергею его тело кажется тут кляксой темноты и хаоса.

Разъезжаются помеченные рамкой двери – биологическая синтетика открывает нечто похожее на геометрически правильный сфинктер. В комнату заходит молодая женщина. Из седьмых-восьмых.

– Сергей, здравствуйте. Меня зовут Надежда, я буду ва-

шим персональным менеджером и просто другом в этом новом месте! Помогу освоиться, пройти все стандартные процедуры и, конечно, отвечу на все возникающие вопросы. – Делает грамотную паузу, давая старику осмыслить услышанное. – Сейчас вы находитесь на военной базе Авадон. У нас без излишеств, – обводит рукой вокруг, – зато очень комфортно и лучшие врачи. Уверена, вам у нас понравится! – Небольшой наклон головы и улыбка, претендующая на искренность. Или это Сергей недоверчивый? В любом случае старик пока решает помолчать. – Скажите, как вы себя чувствуете?

Сергей вновь инстинктивно прислушивается к своим ощущениям. К его удивлению, самочувствие улучшилось до превосходного. Он и не помнит, чтобы у него ничего не болело, не ныло или просто не давало о себе знать. Наверно, так было лет десять назад? Бросает взгляд на женщину сквозь лоскуты длинных волос. Видимо, та рассчитывала на подобное приятное удивление, хотя и ничем не выдаёт этого.

– Ну, здравствуйте, Надежда. Чёрт его знает, как я себя чувствую. – В момент чертыханья девушка немного кривится. – Вроде неплохо. Для инфаркта так вообще отлично. Видимо, вы не зря хвалите своих врачей.

– Сергей, давайте вы будете звать меня Надей. Не люблю «Надежда», мне кажется, что такое обращение меня старит. – Девушка одаривает старика непринуждённой улыб-

кой.

– Давайте, чего уж там. – Сергей всё осматривается, пытаясь найти хоть что-то, кроме женщины, за что можно было бы зацепиться взглядом. – И зачем я, древняя развалина, которая только что чуть не померла, понадобился вам на военной базе Авадон?

– Вы, Сергей, будете пилотом боевого гомункулуса, выполните свой воинский долг перед Отцом-Офицером и присягу перед Человечеством-Матерью.

– Хорошо хоть не супружеский долг. – Сергей с трудом вспоминает обязательные бумажки, которые заполнял перед демобилизацией много лет назад. В его годы никаких подобных белых комнат не было. Женщина легко смеётся, широко открывая рот с красивыми белыми зубами, высаженными под линейку генетиков. Старик ещё не решил, как к этой Наде относиться. – Отказаться, как я понимаю, нельзя?

– В принципе, такой вариант есть. Но это может повлечь негативный отзыв обо всей семье, кроме того, на них ляжет долг по оплате вашего лечения.

– У меня же медстраховка от ДНО ещё на несколько сотен лет вперёд, – парирует Сергей, а внутри у него вспыхивает бешенство на всё путающих бюрократов.

– К сожалению, случай у вас был нестандартный, вытасили, так сказать, с того света. Так что ни одна страховка ЭТО лечение не покрывает. Мы уже всё проверили – послали запросы и созванивались с вашим руководством. – На-

дя поджимает губы, скорбно опускает края бровей и пожи-
мает плечами.

– Ясно. – Сергей жуёт губу, хотя ему ничего не ясно. Он
смотрит на терминал в руках женщины. – Неужели более мо-
лодых пилотов не нашлось? У вас там точно всё нормально
с расчётами?

– Да, точно. Ошибки мы себе позволить не можем. Вы
именно тот, кто нам нужен. Вот освоитесь и увидите: наше
отделение отвечает именно за подобных пожилых людей. Вы
не одиноки в своём удивлении. – Девушка улыбается.

– Приятно слышать. – В ответе Сергея звучит горечь. Рас-
ходы на свою семью он бы не перекинул ни за что, но это
не главное. Куда важнее этот «негативный отзыв»! Старик
просто не может поставить под удар карьеру сына, да и своих
внуков, которым могут грозить издевательства. Старик чув-
ствует немую ярость от загнанности в угол.

На какое-то время и девушка, и старик замолкают – види-
мо, Надя вновь даёт ему время на размышление.

– А мои родные – они знают, что со мной?

– К сожалению, подробная информация засекречена,
но они осведомлены, что вы живы и будете какое-то время
работать над своим здоровьем в правительственной органи-
зации.

– Что-то наподобие бессрочного дома престарелых?

– Не так грубо и не бессрочного, не переживайте. Но в це-
лом – да.

– Я смогу с ними связаться?

– Думаю, что да, мы сможем это устроить, если всё будет хорошо. – Девушка немного склоняет голову на слове «хорошо». – Но не стоит торопиться.

– Ещё одно. Когда мне стало плохо, со мной был мальчуган. Я хотел бы, чтобы он знал о моём волшебном выздоровлении.

– Этого мы сделать не можем. Он не родственник, и никакой информации мы ему не предоставим. Извините.

– У ребёнка может возникнуть травма на этой почве!

– Я уверена, что с ним работают лучшие профессионалы. Кроме того, он из десятых. Так что всё будет хорошо.

– Вы все сдурели со своими профессионалами! Не думаю, что будет большая беда, если я скажу мальчику, что не откинул копыта!

Надя вновь виновато пожимает плечами.

– Извините, мои полномочия ограничены. Я могу попробовать подать официальное прошение от вашего имени, но не обещаю, что оно что-то изменит.

– Подавайте своё бесполезное прошение, вдруг случится чудо, и оно дойдёт до той огромной задницы, которая заменяет голову всему нашему руководству. Может, тогда у него будет на одну туалетную бумажку больше.

– Хорошо, – невозмутимо соглашается девушка. – А теперь давайте согласуем время нашей следующей встречи. – Она смотрит на электронную таблицу на терминале. – Сей-

час два часа двадцать минут. В шестнадцать тридцать я за вами зайду, и мы вместе пройдем стандартную регистрацию. Это, – она проводит рукой по кругу, не отрывая взгляда от прямоугольника с данными, – будет ваш жилой блок, пока вы не пройдёте первый этап подготовки. Номер блока – 121-3. В верхнем ящике тумбы находится портативный терминал с ограниченным набором функций. В нём есть план этого корпуса, пароль от номера, распорядок дня, все важные новости, доступ к некоторым сборникам информации и одобренному набору развлекательных каналов. На него же будут приходиться все обновления, распорядок дня и так далее. Он удобен, крепится к корпусу, синхронизируется с чипом, так что повсюду носите его с собой.

В ящике вы найдёте бокс со специальными таблетками. Их вы также обязаны повсюду брать с собой и принимать согласно расписанию – одну утром, вторую перед сном. Это необходимо для вашего нормального самочувствия. Перебывание на станции связано с получением повышенной дозы пси-излучения. Препараты помогают выводить излишний фон, без них мы не гарантируем вам здоровье. Информация касательно приёма, дозировки и всего остального тоже есть в терминале. Каждое утро вам будут приносить сменный набор одежды, каждые семь дней – обновлять бокс с препаратами. Санитарный блок есть в каждом индивидуальном номере, и ещё один на каждый корпус для солдат, душевые там отдельные. В большом зале внизу есть терминал с двумя ка-

налами – правительственным и спортивным, чтобы не было споров. Там же небольшой бар, расписание с ограничениями по алкоголю можно найти возле стойки. Большой тренажёрный зал с любыми видами снарядов возле плаца, рядом помещение с бассейном. Это если коротко. – Поднимает голову с длинными ухоженными волосами. – А сейчас я вынуждена уйти. Если ко мне больше нет никаких вопросов.

– Есть ещё один. Сколько я провалялся?

– Сегодня одиннадцатое мая. – Девушка улыбается. – Я могу идти?

– Да, конечно. – Сергей понимает, что провалялся в местном госпитале сорок дней. Ощущение такое, словно его перенесло во времени: он помнит комнату с мальчишкой – и вот он уже тут. А сколько всего произошло за этот месяц! Шок растекается по телу. Нужно побороть этот стресс, не хватало заработать ещё один инфаркт.

Неделя, неделя на Земле! А его внуки? Когда он сможет их увидеть? Широкие ладони с крупными венами трясутся, Сергей прижимает их к лицу. Из-за податливой старости хочется рыдать, но слёз нет. Сколько месяцев теперь должно пройти, чтобы он смог дотронуться, поговорить, увидеть живую свою семью? И сколько лет у него вообще осталось? Безысходность сотрясает стариковские широкие плечи и открывает рот. Безголосо выдыхает.

– Ну и вляпался я, да? – спрашивает у воздуха. Сидит на своей белоснежной кровати, в ступоре уставившись в раз-

гладившуюся поверхность дверей. Надо, нет, не так – он просто обязан что-то сделать! Сердце уже вновь предательски болит. Срочно отвлечь себя чем-то. Трясёт головой.

– К старости от одиночества приобретаешь дурацкую привычку – нести всякую чушь самому себе! – произносит старик. Встаёт, ноги надёжными столпами впиваются в пол. С полки, расположенной на идеальной высоте, достаёт бокс, нажимает на язычок автоматического замка. Набор из четырнадцати белых крестообразных пластинок в чёрной коробке на ремешке. Под крышкой краткая инструкция, визуализированная в небольшом комиксе из трёх схематичных рисунков. Человек нажимает на крестик в руке, человек прикладывает крестик к груди на две-три секунды, человек выбрасывает использованную пластинку в утилизатор.

Сергей берёт крест из бокса с нумерацией «11.05», рассматривает неведомый приятный материал. Нажимает, повторяя за человеком из инструкции. Крест надламывается, но ничего не происходит. Старик прикладывает препарат телу.

Теплота, смех, бегущий щенок, щемит грудь ожидание подарка на праздник, кто-то родной смеётся рядом... Ощущения, словно из детства, проносятся и оставляют после себя бодрую, полную сил расслабленность. Старику хочется смеяться от переполняющей его энергии. Сил так много, что он просто не способен вновь грустить. Сергею становится стыдно, но он ничего не может поделать. Старик с оттенком

ярости выбрасывает скукожившийся кусок пористого нечто. Изнутри его гложет нетерпение. Что за безумные препараты? И Сергей решает пройтись по базе, осмотреться, сжечь ненормальную бодрость. У него ещё около двух часов, никаких противопоказаний не поступило, можно и прогуляться. Берёт свой новый терминал, отыскивает в нём ключ от комнаты, цепляет к поясу бокс с крестами и выходит в коридор. Мысли роятся в голове. Что с ним теперь будет? Когда ему дадут связаться с Женей и его семьёй? Как он может приблизить этот момент?

Ноги несут Сергея по коридору, а интуиция тянет его на улицу. Интересно, на этой базе вообще можно выходить? Надя говорила что-то про плац. Окружающая старика постройка всё больше напоминает некую идеальную больницу, даже воздух и температура внутри полностью сбалансированы. Иногда в коридорах попадаетесь спешащий персонал в таком же белоснежном одноразовом одеянии, что и у него. Сотрудники проскальзывают мимо, никак не акцентируя внимания на старике. Интересно, насколько большой тут контингент? Периодически Сергей сверяется с картой на терминале.

Выход – толстые, совершенно непробиваемые прозрачные двери. Почему-то биологическая синтетика их не скрывает. Створки, наполовину разъехавшись, демонстрируют ухоженную зелёную траву вокруг дороги. Сергей выходит. На улице пасмурно и тепло – хоть какое-то отличие

от белоснежных коридоров. Слегка оглядывается, замечает нескольких посторонних прохожих. Решает игнорировать их и сильно потягивается, широко расставив руки и демонстрируя всем невольным созерцателям живот. Ему до противного хорошо. Оставляет вход и отправляется по неведомой дорожке, прячет терминал – сейчас он не нужен.

Частые лавки, уединённо отгороженные друг от друга кустами или сочными деревьями. Впереди показываются ровные ряды елей. Сергей направляется к ним. «Всё устроится, – думает он. – Отслужу необходимый срок и вернусь, не я первый, не я последний. Но какая же наглость!» В старике вновь вскипает бешенство. Его выдернули из жизни, перевернули всё вверх дном!

Дорога заворачивает вдоль чёткой линии елей, ограждающих одну из ровных поверхностей тренировочной площадки. На площадке явно идёт тренировка. Сергей решает глянуть на скрытое за хвоей. Проход к деревьям не предусмотрен, но старик совершенно нахально прокладывает себе путь по тёмному газону, двигаясь между сочных колючек.

Сетка забора. На плацу ряд из тридцати троек – боевых распятий. Старик видел такие только по терминалу в социальных роликах, проплаченных правительством. Вид настоящих боевых костюмов электрическим током проносится в сознании. Война, такая далёкая в сводках новостей, встаёт у старика прямо перед глазами. Сергей понимает, что всё это время относился к ней как чему-то очень далёкому, слов-

но её и не существовало. Реальность, пронзительная, словно смертельная болезнь, медленно-медленно высовывает голову из-под его кровати. Сергею просто необходимо ещё хоть раз увидеться с семьёй! И как же мало – этот раз. Нет, раза очень мало, несколько раз, может, пару дней. А может, хотя бы теоретически, после всего он сумеет видеться с ними намного чаще? Вдруг у него появятся какие-то привилегии? Сергею хочется умолять кого-то, но ему стыдно. Старик бесстрашно пробирается вдоль забора дальше. Ему просто необходимо увидеть происходящее ближе – в том, что там происходит, есть некая фатальная нотка, но и кроется надежда. Старик хочет увидеть всё, чтобы стать *более готовым*. Может, это его в итоге спасёт? Старик ловит себя на этих переживаниях и хочет откинуть их, как наивные, но эти эмоции не поддаются. Он просто обязан взглянуть!

На плацу командир роты что-то громко рассказывает перед сильными фигурками спецназначенцев. Есть обычные муравьи – рабочие, такие как Сергей. А есть – муравьи-солдаты. Отличие ребят на плацу от обывателей настолько же разительное. Все из последних поколений, все с полным набором модификаций. У Сергея в голове возникает голос из рекламы детского училища «Доспех», сравнивающий девятое поколение с модификациями и без: итоговая скорость принятия решения выше более чем в пять целых четыре десятых раза; скорость реакции выше на сорок процентов; полная тактическая подготовка, повышен угол обзора, увеличен

коэффициент полезного действия мышц, особое внимание отдано связкам... Древние герои – Ахиллесы и Гераклы, обученные людьми охотиться на чудовищ.

Старик с волнением пытается оценить происходящее. Командир отдаёт приказ, и весь отряд синхронно бросается к боевым костюмам – двум с половиной метрам последних технологий. Чёрные раскрытые панцири на мощных ногах напоминают выпотрошенных ракообразных из доисторических эпох – пластины керамического баолита, нагромождённые одна поверх другой в местах сочленения, внутри трубки трубок и мягкие, явно биологические, внутренности. Тридцатьтройки стоят, широко расставив чехлы для рук с гвоздями контактов. Солдаты начинают стремительно упаковываться.

Сергей видит, как ближайший парень – ещё совсем мальчишка, лет восемнадцати, – просовывается в ложемент костюма. А вот и знаменитые стигматы. Вечно с ними проблемы – никак не могут зажить до конца. На запястьях и щиколотках виднеются немного приоткрытые щели. Парень с видом фанатика нанизывает намеченные раны на острые штыри контактов. Старику физически больно на это смотреть, по телу бежит мучительная волна эмпатии.

Манипула синхронно активирует ещё открытые распятия, все машины отступают правой, до этого сведённой вместе с левой ногой и лишь затем яростно захлопывают открытые пазы. Сергей ещё успевает уловить выражение боли на лице

парнишки, перед тем как на «туловище» тридцатьроек наезжает знаменитый «клюв», заканчивая упаковку. Командир даёт команду «вольно». Его человеческая фигурка кажется миниатюрной перед этими биомеханическими монстрами. Костюмы расслабляются, кто-то переносит вес на одну из ног, кто-то рассматривает с шелестом разворачивающийся веер своей ладони. Командир ходит вдоль по-прежнему ровной шеренги и явно даёт наставления.

Сергей чувствует тревогу, внутренне содрогаясь от увиденного. В какой-то момент, словно щелчок, произошло невероятное кощунство. И старик не может понять, где именно он его просмотрел.

А манипула вновь выпрямляется по струнке, красиво разворачивается и направляется куда-то за прямоугольные коробки зданий. Сергей выбирается из елей, смотрит на терминал. Нужно скоротать ещё сорок минут перед отправкой обратно. Кажется, он уже успел запачкать свой сегодняшний наряд.

Старик шагает по петляющей дорожке. Посещает случайно найденную кабинку уличного туалета. Недавняя, скрывающаяся за соснами, военная реальность отходит на задний план, создаётся впечатление ровного, спокойного парка, какие бывают рядом с крупными больницами. Сергей минует девушек с терминалами на лавке. Видимо, кураторы, наподобие его Нади. Что-то излишне серьёзно обсуждают, им это явно не идёт.

Впереди, за забором и полосой сосен, правильные линии каких-то военных ангаров. Возле входа на новый участок, словно вышедшие из сказок исполины, два охранника в распятиях и с тяжёлыми плазмомётами Шестоковича. Сергей подбирается поближе, чтобы рассмотреть парней, но сохраняет такую дистанцию, которая не позволит с ним заговорить. Один из охранников приветливо поднимает ладонь, замечая рассматривающего его старика. Сергей кивает и оставляет облачённых в чёрное солдат и их пост. За эту ограду ему явно проход закрыт.

Старик бредёт дальше, вглубь местного лабиринта из елей.

Баскетбольная площадка, играют шесть парней. Старик останавливается, замороженный скоростью и реакцией, – он не всегда может проследить за сменой ситуации и логикой принятых решений. Смотрится довольно красиво, так что, захваченный этим зрелищем, он упускает момент, когда наступает время возвращаться.

Обратный путь проходит впопыхах. Слегка потный, Сергей застаёт у входа в комнату уже ожидающую его Надю.

– Ну что, нашли дорогу домой? – спрашивает девушка, и в её голосе нет ни иронии, ни осуждения.

– Если бы не карта, – Сергей показывает на терминал, – я бы точно ещё гулял где-то по этажу ниже.

Надя отвечает молодой улыбкой.

– Что ж, хорошо. А теперь давайте посетим врачей и прой-

дём финальные стадии оформления.

Сергей выходит из туалета с одноразовым конусным стаканчиком мочи. До чего неудобная конструкция – никуда не поставишь. Наверняка так и задумывалось.

– Сколько лет все люди носят своё ссанье врачам, а те всё не успокоятся. На дворе вон какие технологии. А без мочи никуда. Слышала? Нет, ну не глупость? – привычно разговаривает с воздухом старик.

Минут десять назад Надя оставила Сергея заниматься этим деликатным делом, а сама пошла похлопотать о результатах его телепатического тестирования. Всё веселее, чем те три часа, что он провёл закованный в устрашающее кресло, просматривая обучающий фильм о силе и доблести Человечества-Матери и Отца-Офицера. Цветовой анализ его псиполя, сделанный во время просмотра фильма, покажет аналитикам реакции Сергея на увиденное.

– Могли бы и так спросить, не соврал бы про их кинематограф, – ругается старик, но вдруг замолкает. Добредает до комнаты, полной людей. Впервые за время своего пребывания на базе Сергей чувствует себя словно в общественном транспорте. Длинный ряд совсем недавно прошедших финальную модификацию пареньков в одних типовых майках и трусах тянется в коридор. До того похожи – словно клоны.

Будущие солдаты перешучиваются, ожидая приёма. Рядом в отдельный кабинет, куда нужно и Сергею, стоит скучная очередь из четырёх стариков в белых одеждах. Старики тоже одеты одинаково, но жизнь и разные поколения модификаций изуродовали их тела и лица совершенно индивидуально. Около мускулистой молодёжи курсирует такой же крепкий старшина с незаметными для обывателей следами работы регенератора на лице. Сергей после стольких лет работы в ДНО легко их идентифицирует. Как же того должно было разворотить, что остались подобные метки? Старшина лениво направляет доставшуюся ему безликую толпу. Не хватает лишь соломинки во рту – и будет вылитый пастух.

Ряд стариков контролирует очередная ухоженная девушка. Несколько старше Нади, светлые волосы собраны в тугий хвост. Кажется, она была одной из тех девушек, что видел Сергей во время своей прогулки по базе. Девушка почти всё время смотрит в свой терминал, иногда бросая нетерпеливые взгляды на закрытую дверь ожидающего старшее поколение кабинета. Её ожидание длится недолго, и минуты через три она вовсе покидает шумный коридор. Именно этот факт и делает Сергея свидетелем странного и поистине захватывающего события. Возле очереди стариков стоит крошечная тележка с пазами для конусов мочи – именно туда следует установить свои анализы. Тележка рассчитана только на восемь мест, каждое из которых уже предусмотрительно занято. Что, видимо, совершенно не смущает высокого

интеллигентного старика с большим носом. С видом глубочайшей скорби он, словно английский дворецкий, разливает свою мочу по чужим стаканчикам. Носатый прикладывает много усилий, чтобы никого не обделить и каждому досталось поровну. Завершив сие действие и довольно крякнув, он кладёт свой опустевший конус на край тележки.

Такое происшествие вызывает не только бурную реакцию внутри Сергея, но и внешние волнения среди остальных пенсионеров. Невысокий старичок рядом начинает тихонько негодовать:

– Нет, ну вы посмотрите! Видите? При первой возможности я расскажу про подобное... хамское поведение... Совсем обнаглели! – с трудом подбирает он слова, сотрясаясь от волнения. Что тем не менее не мешает ему практически шептать свою гневную тираду. Но его тихое негодование так раздражает пожар рядом – высокий полный мужчина с щёткой усов, из четвёртых, начинает громко возмущаться сильным низким голосом. Он чересчур неуклюже и размашисто жестикулирует, что вместе с недобрим лицом придаёт ему некую самоуверенность крупных начальников.

Сергей, сохраняя привычную нелюдимость, старается держаться подальше от разгорающегося скандала. Благо очереди ему совсем не в тягость. Сергей считает, что именно в очередях выражается человеческая натура. Временами он даже ходил посидеть в очереди, исключительно от нечего делать.

Сзади подходит шестой старик – новичок.

– Извините, из-за чего весь переполох? – вежливо обращается он к Сергею и вдруг перескакивает даже со смущением: – Я, кстати, Уолтер. – Видно, что для него важно начать с приветствия.

– Приятно, Сергей. – Он пожимает тонкокостную руку Уолтера. – Да так, – показывает ладонью в сторону. – Вон тот высокий мужчина разлил свою мочу по чужим стаканчикам. Теперь остальные переживают, что им придётся нести анализы повторно.

Уолтер приятно смеётся, из-за чего его тонкая шея вытягивается и напрягается. Он думает как-то продолжить диалог, но Сергей специально отворачивается. Совершенно не хочется сейчас чесать языком. Хотя он уже давно усвоил, что друзья на новом месте – это именно то, что обязательно должно быть, привычная асоциальность берёт верх.

Тем временем в переполох встречается вернувшаяся женщина с терминалом. Она всех успокаивает и сообщает, что уже послала за новой порцией стаканчиков. Корит зачинщика беспорядков.

Из-за этого инцидента на приём сразу пропускают Сергея, как первого из тех, у кого всё сдано.

Располагающий салатный кабинет телекинетика.

– Заходите, садитесь.

Сергей всегда неуютно чувствует себя при контактах с те-

ми, кто может копаться в его голове или хотя бы считать эмоции. Старик старается исключить любые осуждаемые мысли, но выходит с точностью до наоборот. Какое-то время врач что-то усердно пишет в терминале.

– Не переживайте, это нормально. Все мы сомневаемся. Сейчас я вам скажу ряд фраз. От вас ничего не потребуется – просто молчите. Готовы?

Сергей кивает.

– Человечество. Ждёт. Дом. Государство. – Длинная пауза. – Отвращение. Радость. Счастье. Мотивация. Хочется. Фронт. Бей или беги. Логика или эмоции. Внутри или наружу. Это всё. – Опускает голову. – Спасибо за уделённое время, возвращайтесь к своей прежней работе.

– Можно уходить? – Сергею не терпится убраться из этого места.

– Да, конечно. Просто для информации – у вас всё хорошо, небольшие сложности, но ничего такого, с чем бы вы не справлялись сами последние годы. – Улыбка. – Вам назначены видеопроцедуры класса С-2. Я всё отправлю на почту вашему куратору. Кстати, из приятного – ваш класс психостойкости третий, очень достойный результат, хвалю. А пока направляйтесь в столовую. Вы же проголодались. Вот и отдохните, наконец, от всех процедур – эта необходимая бюрократия закончилась.

Старику нравится замечание мозгоправа про бюрократию. Он выходит в коридор, пропускает своего интеллигент-

ного последователя и направляется именно в столовую.

Даже если бы Сергей не знал, где она находится, он мог бы отследить её по тонким ручейкам переодетых в простую форму спецназначенцев. Все критично молодые. База явно лишь готовит солдат для дальнейшей переброски. Скорее, она даже больше походит на военное училище.

Сергей попадает в просторный зал с кучей столов. Сбоку тянется что-то наподобие стойки заказов с огромным количеством «касс». Толпа идентично одетых молодых девушек бегают с другой стороны стойки, подавая заказы. Вместо оплаты рекруты засовывают головы в закрытые стенками терминалы и лишь затем забирают свой поднос. Выбор еды весьма сносный. Сергей становится в очередь, солдатики, словно малые дети, шутят, бьют новоиспечённых приятелей в плечи кулаками и громко флиртуют с охотно улыбающимися девушками. Замечая старика, многие пристыженно замолкают. Девятое, изредка десятое поколение. Ещё не привыкшее к своим новым, уже полноценно развитым модификациям.

Старик доходит до стойки и заказывает себе салат, клонированные заменители куриных крыльев и острый соус. От гарнира отказывается. Перед тем как отпустить заказ, девушка просит его посмотреть три секунды в специальную чёрную коробку терминала.

Сергей заглядывает в отгороженный стенками экран. Перед его взглядом в бешеном темпе проносится ряд изобра-

жений. Сергею сложно идентифицировать какие-то из них конкретно. Кажется, там присутствовали люди, это всё, что может понять старик. После просмотра немного кружится голова, но это быстро проходит.

Сергей забирает поднос, уступая место следующему молодому здоровяку, и оглядывает столовую. Длинные столы он сразу отмечает, как чересчур компанейские. Ему нужен какой-то укромный уголок – сесть там, и чтобы его никто не беспокоил.

Он выбирает одно из типовых сидений за длинной стойкой, «защищённое» с одного бока утилизатором. Еда, под стать меню, тоже оказывается сносной. Продукты свежие и качественные, а это главное.

Сергей ест и рассматривает группки общающейся молодёжи. Компания сзади горячо обсуждает сводки с фронта, поносит жестокость ангельских войск и восхищается успехом какого-то батальона. Старик старается игнорировать живое общение и погрузиться в приём пищи. Но вдруг его необъяснимо сильно задевает рассказ про героизм человеческих отрядов! Что совершенно ему несвойственно.

В помещение входит Уолтер, отвлекая на себя часть беспокойства. Остаётся лишь очень надеяться, что англичанин его не заметит и не решит подсесть для болтовни. Сергей просто ненавидит, когда кто-то начинает общаться с ним во время еды.

И тут рядом со стариком на стул приземляется типичный

местный парень лет двадцати с подносом, забитым едой. Выбритая голова с тонкими, женскими чертами лица крепится к толстой шее. Под простой тенниской громоздятся сухие жгуты мышц – перед стариком явно десятый с полным набором модификаций.

– Бесплатно, чего там, – виновато сообщает он, заметив взгляд Сергея на поднос, заваленный едой, и интерпретируя его как осуждение. – Я Юра. Не помешал?

– Нет, конечно. Сергей. – Старик второй раз представляется и пытается скрыть недовольство сложившейся ситуацией. Пробует повторить трюк, осуществлённый с Уолтером, – немного отворачивается от парня, чтобы быстрее закончить диалог.

– Приятно познакомиться, Сергей. – Юра одаривает собеседника белозубой улыбкой. Старик думает, что радостного вокруг происходит мало, но люди повсюду улыбаются, словно идиоты. – Вы из пилотов гомункулусов? – скорее утвердительно уточняет солдат. – И как, уже довелось водить?

– Нет, – просто отвечает старик, хотя и слабо представляет, о чём конкретно его спрашивает Юрий.

– Да-а-а? – задумчиво тянет парень. – Мне вот тоже пока распятие не давали. – Машет сухим прикрытым стигматом на правой кисти и грустно продолжает: – Только в учебке прибивались раз на тестовой модели. Но это же не то. Верно я говорю?

– Без понятия. – Сергей макает имитацию куриного крыла

в соус, засовывает в рот, сочно похрустывая ровной трубкой хряща, заменяющей кость.

– Точно не то! – задумчиво произносит парень, обращаясь, скорее, сам к себе. – Кстати, вы знаете, что таких, как вы, пилотов тут называют умирающими? Знаете почему?

– Да жуй ты уже! Достал. Тянет на меня вас, что ли? С какой только фабрики сходите?

Парень молниеносно отворачивается и накидывается на свой хумбургер. Сразу чувствуется выправка. Но его глаза глупо косят, бегая по Сергею. При этом парень отводит их каждый раз, когда старик полосует его в ответ кривым взглядом.

Пару минут они молча едят, сидя рядом. За это время Юра приканчивает хумбургер с большой порцией картошки и принимается за двойной чизхум.

– Да успокойся ты уже! Ветер подует – так глаза и останутся пучиться, словно титьки у коровы, – не выдержав, вспышивает Сергей.

Парень давится и в ужасе устремляет взгляд только на свой поднос. Видимо, пытается представить глаза в форме вымени. Сергей хмыкает. За спиной чувствуется приближение человека. Уолтер?

– О, Плакса, ты с нашей кавалерией общаешься? Правильно, мы тут все братья. Братья, и будем друг за друга держаться! Слава Сверхчеловеку! Никто не будет забыт! – заканчивает фразу кричалкой парень за спиной. Юра поворачивает-

ся к Сергею и делает умоляющее лицо, опуская уголки бровей вниз.

– Свобода и честь! Все будут шпашены пошле победы! – выдаёт Юра необходимый ответ с набитым ртом. Его глаза просят Сергея и его ветер ничего с ними не делать.

– Кстати, вы слышали, что сказал Дегтярёв? Что молчите? Не слышали? Вчера по главному каналу выдал. Да ладно! Быть не может. Сейчас тогда подавитесь со смеху! – продолжает парень за спиной. Юра утыкается в свою еду и поглощает её с удвоенной скоростью, всем своим видом показывая, что к стоящему сзади он никакого отношения не имеет.

Второй парень обозначается на боковом обзоре Сергея. Высокий, бритый, как все, с немного вытянутым лицом и огромным улыбчивым ртом. Чёртовы улыбки! В руке парень держит расплзающийся бигхум. По скромному мнению Сергея, нормально откусить бигхум могут лишь бабуины, способные обхватить губами огромный апельсин. Но стоящий сзади человек справляется.

– Так вот. – Парень прерывается, откусывает кусок сэндвича и жуёт.

Жуёт, жуёт.

Глокает.

– Дегтярёв сегодня на главном распинался! – вновь со значением выдаёт парень. И снова откусывает. Все молча жуют вместе с ним. Парень за спиной глокает и продолжает: – Выдал, не, ну вы сейчас просто обделаетесь от смеха! – Прика-

сается ладонью к спине Сергея, наклоняется ближе и произносит доверительным тоном без грана извинения, при этом выдыхая горячий воздух прямо старику в ухо: – Простите, конечно, за мои ругательства. – Распрямляется, вновь откусывает кусок. Задумчиво жуёт. Проглатывает. – Нет, ну это просто что-то! – Начинает хихикать, не в силах удержаться от волнующей его шутки.

– Слушай, ты!.. – Сергей сдерживается, перебирая в голове несколько не делающих честь эпитетов. – Просто иди отсюда и поешь вон там где-нибудь.

– Да чего вы так, я же просто...

– Нет! Даже не начинай оправдываться, иначе, клянусь свободой, честью и Сверхчеловеком, я получу ещё один инфаркт за этот месяц.

– Ну ладно, я же не знал, что у вас тут своя, особенная атмосфера.

– Просто иди!

Высокий с бигхумом уходит.

Какое-то время Сергей с солдатом сидят молча. Минуты через три Юра начинает хмыкать и глупо извиваться, сдерживая смешки. От этого Сергею тоже становится смешно, но он прикладывает титанические усилия, чтобы себя не выдать.

– Извините, – наконец говорит Юрий серьёзным тоном, но, не сдержавшись, прыскает пережёванной едой. – Извините, – сокрушённо извиняется парень вновь.

– Да ладно... Попробуем ещё раз. Я Сергей. – Старик протягивает руку.

Юрий вытирает свою лапу с тонкой кистью и узловатыми пальцами о салфетку и жмет руку собеседнику.

– Приятно было познакомиться, Сергей. – Встаёт. Думает и зачем-то виновато добавляет: – А Плакса, ну это потому, что я вечно жалуюсь на то, что мне не нравится жестокость этой войны. Понимаете? Такой у меня взгляд. Мне даже приятно, – заканчивает он, но, словно застеснявшись, отворачивается и уходит.

Сергей даёт себе немного времени – позволить разойтись новым знакомым и не встретить ещё кого-то. Встаёт, выбрасывает остатки в биоблок (все обёртки от еды – органические), выходит в коридор. Через двадцать минут назначена общая церемония приветствия, было бы неплохо занять сидячее место. Да ещё и в туалет заскочить. А Юра ему понравился. Старик тихо смеётся.

Церемония заканчивается на удивление быстро – полчаса какой-то мужчина вещает про боевые заслуги и перспективы их базы. Речь предназначается явно для молодёжи – её тут большинство. Стоят, ловят каждое слово, разинув рты.

Старики отсиживаются на незамысловатых, но очень удобных стульях по краю просторного зала. По окончании церемонии какой-то громкий военный строит пареньков ровными рядами и уводит через дальнюю дверь. Стар-

шему поколению объявляют отдых. Все нерешительно мнут-ся на стульях и только начинают потихоньку подниматься, как полный усатый мужчина (Сергей его запомнил по инциденту со стаканами) вскакивает:

– Мужики, предлагаю не расходиться, а для начала познакомиться. Всё-таки вместе служить.

Отвечает ему одобрительное ворчание, как у стаи ленивых собак в сиесту. Сергей размышляет, насколько некорректным будет сейчас встать и молча уйти. Зал оставляют последние представители обслуживающего персонала, и, кроме их компании будущих пилотов, никого не остаётся. В дверь нерешительно заглядывают ещё два каких-то старика лет за шестьдесят пять. Оба не очень высокие, тощие, в стандартной одежде станции. Судя по всему, они мялись возле входа в помещение всю церемонию. Чем ближе они подходят к группе, тем увереннее становятся. Старики из зала с интересом притихают. Сергей сидит немного в стороне и делает вид, будто ему неинтересно. Как-то он подустал за сегодня со всей этой беготнёй. Почитать бы какую-нибудь хорошую книгу.

Пришельцы представляются и начинают со всеми здороваться.

Сергей понимает, что чем больше будет знать про ситуацию, в которой оказался, тем лучше сможет её решить. Но всё его естество кричит, что это какие-то два дурачка. Больше всего негодования у старика вызывает рукопожатие

одного из пришельцев.

– Ты ему руку тычешь, а он отводит свою назад, словно говорит — «посмотрите, у меня есть рука, вот она», и только потом жмёт, – тихо ворчит старик в своём углу. Сергей внутренне ругает себя за излишнее упорство и нелюдимость. В перерывах между внутренней борьбой он всё-таки слушает отголоски начинающегося разговора. Оказывается, это пара таких себе «старшекурсников». Находятся на базе месяца два, кое-что знают, и им просто не терпится кого-то поучить. «Наверно, весь порог перед дверью в зал оттоптали, пока церемонию выжидали», – злорадно думает Сергей.

Из их слов выходит, что для стариков тут что-то вроде университета. Какие-то занятия, пары, расписания и процедуры. Четыре раза в неделю – специализированная физкультура. А вот молодёжи устраивают настоящую муштру – у них это уже начало войны. Атмосфера совместно пройденных жестоких тренировок должна сплавить их в крепкий кулак человеческой ярости.

Новички накидываются на двух пришедших с вопросами. Ответы и описание повседневной жизни на базе выглядят не слишком суровыми, а потому успокаивают. К сожалению, на многие вопросы «старшекурсники» дать ответов так и не могут. Видимо, сказываются лишь два месяца на базе. В погоне за спокойствием новички продолжают спрашивать одно и то же снова и снова. Когда истории начинают идти по третьему кругу, Сергей встаёт и тихо удаляется в коридор.

По пустынным переходам старик возвращается в свою белую комнату. За спиной мягко задвигаются двери, напоминающие собой затягивающиеся шторы. Пустота и стены. Зачем он здесь? Зачем ему это всё? Не так много радостей осталось на веку. Семья – вот единственный смысл жизни.

Он садится на кровать, с удовольствием скидывает мягкую обувь. Вытягивает ноги. Блаженная дрожь. Сергей чувствует себя лишним уже давно. Ему всё скучно, и он не приветствует почти ничего из окружающей его действительности.

Влачится сквозь жизнь в ожидании крошечной подачки счастья в виде непутёвого сына и его семьи. Сергею кажется, что сегодняшней день никак не приближает его к этим крохам. Он словно падает в чёрную пустоту войны.

«Война, – думает старик. – Только мальчишки могут слышать в этом страшном слове хоть каплю романтики». Сергей ерошит тонкие свисающие волосы. Безнадёжно вздыхает в выглаженном одиночестве помещения.

Всё переменялось в секунду, словно кто-то невидимый щёлкнул пальцами. Но нужно собраться, идти дальше. Старик думает, что какие-то люди хотят изменить привычное течение жизни, а его затянуло в их глобальную идею.

– Знаешь, на что это похоже? – привыкший к одиночеству, бормочет он в пустоту. – На то, как рыба бесполезно бьётся на берегу. Смотря на это, понимаешь, что ни черта у них не выйдет. – Замолкает. – Мне сложно без тебя. – Смотрит

вверх. Встаёт, опираясь на эту привычную в последние годы тоску, словно на костыль, и идёт в душ. «Да, ничего не изменится», – вновь повторяет про себя мысль старик.

Более чем в семистах километрах от базы Авадон спустя сто три года.

Рваные, словно нарисованные тушью облака. Ошмётки и крупные куски на неестественно жёлтом фоне. Бесконечный горизонт, уходящий в небо. Под небом дорога. Скоро наступит ночь и раздавит жёлтые небеса в насыщенную темноту.

Над дорогой парит сооружение, похожее на вывернутый дом. Тут есть всё: гигантская батарея, шкаф, вырастающие из стены трубы и трепещущая на ветру плотная клеёнка, тумбы, пара табуретов, кровать, вереница пытающихся взмыть вверх сковородок... Сбоку виднеется что-то напоподобие балкона с пластмассовым стулом, на котором сидит женщина. Всё это неперечисляемое барахло непостижимым образом держится одно за другое, а поверх ещё связано десятками верёвок, вместе превращаясь в однообразную массу. Таковую же чёрную на фоне жёлтого.

Верёвки стягиваются к четырём горбатым старухам.

Выпученные глаза, защитные маски, жидкие пряди, ветер шевелит человеческие волосы. Прохладно.

Старухи неспешно тянут парящий дом по скупой линии дороги. Рядом со старухами молча идёт Александр. Сегодня ему достался лёгкий участок пути.

Минут через десять процессия добредает до безлистого деревца. Чёрное, как и всё вокруг. Под деревом сидит пожилой человек с огромной лысой головой. Голова занимает почти четверть его худого тела. Очень круглая, она напоминает пережатый воздушный шар. Морщинистые веки опущены, создаётся впечатление, будто мужчина спит. Низ лица закрыт плотной защитной повязкой.

По левую руку от мужчины стоит несколько неразборчиво намазанных холстов цвета хаки, закрытых мутной клеёнкой. По другую руку – то самое деревце. С деревца свисают ящерицы.

Сушатся в порядке от самой большой к самой мелкой.

Александр свистом останавливает дом и подходит к большоголовому. Старухи, безумно смотря вперёд, переминаются и шамкают пустыми ртами под повязками.

Александр достаёт немного соли, молча расплачивается. Не открывая глаз, мужчина следит за размерами бартера, забирает и прячет его куда-то к себе на грудь. Специальной палкой с крюком ловко снимает самую мелкую ящерицу, отдаёт.

Порыв ветра в чёрно-жёлтой пустыне, одна из старух кашляет.

Александр кивает круглоголовому и возвращается об-

ратно на дорогу. Свистом запускает свой странный дилижанс. День становится лучше. Александр достаёт из-за пазухи кулёк, отрывает голову ящерице, оставляя рваные края чешуи. Воздух наполняется вкусным запахом дохлятины. Александр ловко, избегая прикоснуться к открывшейся плоти пальцами, очищает ящерицу от кожи, параллельно заворачивая её в полиэтилен. Закончив, приподнимает свою защитную маску, откусывает сушёный кусок, тщательно жуёт. Идут сквозь чёрный пейзаж.

База Авадон и Сергей.

– Давай быстрее, а то опоздаем. – Уолтер сонно облокачивается на дверной проём. Если задуматься, кроме англичанина и Юры, Сергей тут ни с кем близко не общается. Но Уолтер вроде ничего, и работы с ним сдавать будет спокойней и удобней.

– Ничего, подождут. Если что – скажешь, что я торчал в туалете. – Сергей неслушающимися пальцами натягивает обувь. На самом деле он просто проспал, поскольку сегодня расписание без утренних «танцев» – так старик называет необычные занятия по физической культуре, с которых обычно начинается день. Большую часть времени они там что-то разминают, перешагивают с места на место и пытаются найти всякие важные точки на теле. Их тренер, Тере-

щенко, – здоровый мужик с кучей дополнительных биомодификаций, двигается как заправская балерина и обладает спокойствием какого-то мшистого валуна.

Сергею стыдно себе признаваться, но эти занятия – его любимые. С определённого момента они стали приносить старику некое кратковременное равновесие в перевернувшейся жизни. Пару раз он даже пытался практиковать что-то один в своей белой комнатке. Конечно, несмотря на все стимуляторы, принимаемые перед тренировками, он не может ощутить ни полей, ни волшебной энергии, которая якобы должна циркулировать по всему его телу. Но та тишина, то спокойствие, которые они воздвигают на короткое время, ценнее всего остального в разы.

– Крест принял? – с лёгкой завистью спрашивает Уолтер, словно смакуя эту мысль.

– Принял, принял. – Сергей давно понял, что у всего старшего поколения уже развилась неплохая такая зависимость от этих крошечных штуковин. Кратковременное ощущение невероятной бодрости или... даже, можно сказать, молодости очень подкупает. Он сам с нетерпением хватает чёрный бокс каждое утро и каждый вечер. Причём все старики уже убедились, что лучше приём этой дряни не пропускать. А мифическое пси-излучение, о котором Сергея предупреждала Надя, очень даже присутствует и весьма способно влиять на окружающих. Тот самый старик с большим носом, что в первый день разливал свою мочу по чужим стаканчикам,

отказался от препарата. Требовал, бедняга, чтобы ему срочно дали доступ к общему терминалу. У него какие-то финансы прогорают. Надо их вернуть на счёт. В целом – тянет его жизнь, оставленная за базой. Куратор пообещал решить этот вопрос в самое короткое время. Но мужик не успокоился – сказал, пока сам не убедится, что с финансами всё хорошо, ничего принимать не будет. Все ждали санкций, сплетничали о ситуации целую неделю. А руководство ничего не делало.

Сначала носатый стал просто пованивать, затем вонь стала невыносимой, а день на седьмой какая-то слизь и пятна пошли по телу. Мерзость, одним словом. Тогда он быстренько вернулся к крестам сам, даже упрашивать не пришлось.

Сергей тоже пристально следил за всей этой ситуацией и для себя с некой отстранённой безнадёжностью отметил, что увидеться с родными будет ещё сложнее, чем он думал.

Старик с хрустом распрямляет свою мощную спину. Переживания на второй план, сейчас важно двигаться, ища любые пути и возможности. Сергей изо всех сил старается на этих безумных занятиях, но до лучших студентов ему явно далеко. Им, судя по всему, нравится, и они умеют учить то новое, что даёт им Авадон.

А у Сергея, видимо, просто душа не лежит, вот и весь секрет. Отторгает со злостью любую преподаваемую информацию. Но старик до скрежета в зубах штудировал записи лекций в терминале, пока всё выученное не расплывается в эфе-

мерный кисель, путаясь и заставляя сжимать кулаки.

Хуже всего Сергею даётся работа с интуицией, а это один из основных предметов. С профессором, да и просто с практикующим телепатом Паничем они занимаются такой ахинеей, которую вызубрить невозможно. Студенты постоянно что-то визуализируют; пытаются отгадать, что написано на бумажках, пытаются релаксировать и «звучат внутреннюю память». А ведь совсем скоро экзамены для перевода на следующий этап.

Сергей уже замусолил свой набор карт для домашней работы – десять разных изображений с одинаковой рубашкой. Как говорит Панич, по теории вероятности угадать одну из них – десять процентов. Это значит, что если ты угадываешь чаще, чем один раз из десяти попыток, то твоя интуиция «плюс». А если угадываешь реже, то «минус». У Сергея интуиция минус два, это примерно одна отгаданная карточка из двенадцати.

Он бы не верил во всю эту херню, но вот тот же Уолтер угадывает одну из семи. Панич говорит, что Сергей сильно старается, прикладывает к процессу отгадывания логику и математику. Что ему нужно просто улучшить свой личный результат, а не гнаться за другими. Но Сергей знает: ему нужно быть лучшим во всём или хотя бы одним из лучших. Только так он получит возможность увидеть родных. Или пока только так.

Панич явно понимает его эмоции и относится к ним

странно, словно раскачивая лодку. Он то подбадривает, выражая сочувствие теми словами, которые даже сам Сергей себе не может сказать, то посмеивается, провоцируя жуткую злость или уныние. Чёртов мозгокоп, дёргает за ниточки, словно марионетку, направляя в нужные стороны.

Сергей с шарканьем выскакивает за Уолтером в коридор. Чего таить, база значительно улучшила их здоровье. Расскажи кому-то – не поверят, что такое возможно. Старики быстрым шагом с перебежками двигаются на лабораторную по теории пси-полей.

Сергей пытается прокручивать в голове последние задачки по движению пситона в перекрёщённом пси-поле, но бег сбивает концентрацию, и старик бросает эту затею.

Запыхавшись, они стучат и с извинениями заходят в кабинет. Обширное помещение со множеством считывающих аппаратов и одним мощным ментальным биоагрегатом посреди комнаты – закрытым генератором пси-поля. Множество питающих трубок, похожих на едва пульсирующий кишечник, зубчатые шланги и какие-то капилляры с псевдокровью.

На занятиях старики обычно прогоняют разные варианты перекрытия полей и движения конкретной частицы – пситона – под их воздействием.

Сергей, в принципе, не понимает, как это поможет им воевать, но он много чего не понимает в том, что с ними тут делают. Им сказали, что это базовый курс пси-полей; что они

должны его прослушать и сдать. Удовлетворительного балла достаточно. Панич как-то обмолвился, что готовят не их самих, а их подсознание к предстоящему. А оно, дескать, всё помнит. Сергей, конечно, хочет закрыть предмет так хорошо, как только сможет. Поскольку его он способен (!) просто вызубрить.

По мнению Сергея, дисциплина «Теория пси-полей, базовый курс» на самом деле очень сложна. В задачах всё строится не на простых воздействиях, а на их вероятностях. Всё зыбко и неточно. Кроме того, пси-поля могут вытворять невероятные вещи, «завернувшись» определённым образом и достигнув некоторых пороговых значений энергии. Например, создать из ничего материю (отличную от поля) или её подобие. Это всё ещё бы ничего, но на сегодняшний день нет единой точной теории, описывающей поведение пситона при любом варианте перекрытия полей. И для разных ситуаций приходится применять теории разных авторов, наиболее достоверно описывающих поведение пситона в каждом конкретном случае. Что интересно – вся база теории пси-полей строится на некоей константе (константе Нуйя, или, как её ещё называют, божественной константе), существование которой пока никто не может обосновать. Более того, все современные доказательства приводят к тому, что эта константа даже противоречит существованию Вселенной. Как сказал молодой преподаватель Кацман (чернявый еврей с внушительной бородой и добрым сердцем), «чтобы

вам объяснить самый простой вариант – если мы представим, что константа Нуյя действительно существует и её применение справедливо, то Вселенная должна просто схлопнуться в точку, тем не менее она существует». Сергей так и не понял, что «тем не менее существует», константа или Вселенная, но смысл уловил.

А ещё Кацман постоянно утешает стариков, говоря, что базовый курс пси-полей довольно прост. Что будто бы он словно азбука по сравнению с настоящей теорией, в ней, дескать, уже большую роль играет интуиция и, если хотите, ментальные способности учёного. Где это видано в точных науках? Сергей не может понять. И что, приноровившись, решая постоянно задачки, проверяя их верность на генераторе поля, старики смогут всё «щёлкать, как семечки». Но Сергей не настолько в себе уверен.

Они с Уолтером проскальзывают на удобные, обтекаемые стулья заднего ряда. Кацман игнорирует их опоздание, принимая лабораторные у второй группы. За его столом сидят носатый (Евгений, или Евгенич, как его тут прозвали) и толстый «морж» с усами (Николай Иванович). Согнулись над своими терминалами. Николай Иванович, красный как рак, видимо, пытается найти наибольшую вероятность движения питона в представленной на экране задаче. А Евгенич втолковывает Кацману своё понимание теории сверхнизких уровней Берзиньш – Йовович. Преподаватель вдумчиво кивает. Сергею становится немного не по себе. Вечно

эти сдачи поднимают ему нервы. Как бы не получить второй инфаркт! Хотя база Авадон – самое безопасное место от любого инфаркта. Уолтер толкает Сергея в плечо.

– Ты чего задумался, давай повторяй! – И сразу громким шёпотом продолжает: – Ты помнишь теорию Берзиньш – Йовович?

– Это там, где этот хрентон описывает кулич?

– Чего? Какой кулич? Соберись! Вечно ты, когда нервничаешь, начинаешь шутить и ругаться!

– Да я всегда ругаюсь и шучу.

– Ты опять за своё! Помоги же, прошу тебя по-человечески, – змеёй шипит на него Уолтер. Вот странный парень, такой головастый, а как сдача – всё у него вылетает из-за нервов.

– Ладно-ладно, что ты сразу. – Сергей на секунду прикрывает глаза, вспоминая. – Теория Берзиньш – Йовович гласит, что при уровнях Нуйя девять и ниже для стандартных пересечений поведение пситона можно описать по формуле. – Сергей переключает экран на текстовый формат и выписывает для Уолтера формулу. – Где и – это уровень Нуйя; а, бэ, цэ и так далее – это тип пересечения поля. Э – уровень энергии, приложенной полем, икс, игрек, зед и прочая ахинея – это формулы, описывающие пересекающиеся поля. Запомнил? Обычно все вводные он даёт. – Сергей бросает взгляд исподлобья на Кацмана. – Вобьёшь всю ахинею в учебный модуль, терминал сам тебе посчитает. – Сергей переносит написан-

ную формулу в математический модуль, наугад вбивает значения и трясёт перед Уолтером рисунком поведения пситона в шести необходимых измерениях, разбитых на отдельные графики для нормального восприятия человеческим взглядом. – Всё просто, – усмехнувшись, повторяет он любимую фразу-паразит Кацмана, которая уже стала знаковой шуткой предмета.

– Да уж, всё просто с этими формулами. – Уолтер бегло усмехается, но копирует формулу себе на терминал и всматривается в неё с чудовищными морщинами на лбу.

– Всё это есть в лекции, вбей в поиск.

– Мне нужно человеческим языком.

– Да не спросит он у нас то же самое!

– Может и спросить, у него знаешь как мозги закручены с этими пситонами? Как этот твой кулич.

Евгенич и пунцовый Николай Иванович встают со стульев перед столом. Все находящиеся в помещении начинают бегло шарить друг по другу глазами. Кто пойдёт? «Старость – второе детство», – усмехается про себя Сергей.

– Ну что, пойдём? Чего ждать-то?

– Нет, куда ты ломишься! – очень громко шипит в ответ Уолтер. – Дай я повторю теперь!

Мимо проходят «морж» с носатым.

– Ну что, как? – всё так же невероятно громко шепчет Уолтер проходящим. Евгенич останавливается, Николай Иванович тяжёлой походкой проходит мимо. Сергей чувствует,

как немного сотрясается стол от его грузной поступи.

– Ну, я закрыл на «D». А Николая Ивановича отправил во вторник передавать. – Евгений радостно трубит слова в крупный нос. Он не против поболтать, но Сергей с Уолтером заняты.

– Так это же перед самыми экзаменами? Так и отправил? – Кажется, Уолтер начинает вдаваться в лёгкую панику.

– Пошли и мы сдадим.

– Да подожди!

Всё это занимает около полуминуты, и всё это время Кацман продолжает поиск желающих. Но инициатива в принципе отсутствует.

– Ну что, никто не хочет? Давайте тогда вы, как опоздавшие. Пойдёте? – лояльно спрашивает он Уолтера с Сергеем, по большому счёту не давая выбора.

– Всё из-за тебя! – плюётся Уолтер. Сергей даже несколько веселится от такой эмоциональности товарища.

Подходят и усаживаются перед столом Кацмана. Лёгкий мандраж Сергея тут же проходит.

– Ну что, всё выучили? – добродушно спрашивает парень.

– Вроде всё, – отвечает Сергей. Уолтер панически молчит, вращая глазами.

– Ну что, товарищ Литтл, нарисуйте мне наиболее вероятное движение пситона вот в таком поле. – Кацман чертит на своём терминале, передавая изображение в математический модуль Уолтера. – Так, пситон движется вот отсюда.

А тут у нас второе поле, видите, какие я вам фигурки Лиссажу нарисовал? А вот начальные значения, вот числа элементов поля, так. Что, сложно? – Парень мерит старика взглядом и, видимо, сжалившись, продолжает: – А знаете, нарисуйте мне его движение только в пси-плоскости игрек, остальное там элементарно. А тут – с подковыркой! – с энтузиазмом заканчивает Кацман.

Уолтер бросает испепеляющий взгляд на Сергея и склоняется над терминалом.

– А вы, – парень с бородой поворачивается к Сергею, – что вы лучше всего знаете? А расскажите-ка мне теорию Альберта Абина.

Сквозь чистые стёкла аудиторию облизывают редкие солнечные переливы. Но их холодный свет всё же теплее, чем слабое, больничное освещение комнаты. Увлечённый их красотой, Сергей пытается срочно собрать мысли воедино.

– Теория Альберта Абина способна описывать поведение пситона в пульсирующих полях. Вернее, она наиболее точно описывает поведение пситона в пульсирующих пси-полях на сегодняшний день. Теория была прорывом своего времени. Абин предположил, что Бога нет, и строил свои исследования исходя из этого. Что было сложно воспринято научным сообществом того времени, поскольку мы уже открыли Путь. Абин подвергался насмешкам и потерял источники финансирования своих исследований. Никто не мог понять, как можно взять в основу подобное, имея прямое до-

казательство существования Бога.

– Так, и как же Абин обосновал найденный Путь и ангелов?

– Абин до конца жизни был убеждён, что человечество нашло некую психологическую плоскость, воплощающую прямые ожидания того, кто эту плоскость впервые посетил. По его мнению, если бы Сергей Юриев был менее набожным человеком, то мы бы могли сейчас сражаться за иные блага.

– Да, он считал, что в некотором смысле это как поймать радиоволну. Абин предположил, что мы поймали «волну» Юриева и подпитываем её своей верой. Тем не менее всей веры человечества не хватает, чтобы оживить такое сверхпонятие, как Бог. Абин оставил людей одних, воюющих со своими личными фантазиями. Впрочем, согласно его теории, если мы победим, блага будут весьма реальными. Поскольку мы верим в них. Альбин до конца жизни пытался поймать другую волну, пробуя отправить на Путь свободную от влияния остальных людей личность. Но успеха так и не добился. И как же он выразил свою теорию формулой?

Сергей записывает на терминале формулу.

– Верно. Ну и хорошо, даже запомнили подробности истории.

– Повезло – интересная теория.

– Это верно. Если будет не лень, можете на досуге почитать теорию Норберта Байера. Тоже очень интересная теория, но, к сожалению, не получившая подтверждения. – Кац-

ман, задумываясь на секунду, усмехается. – Хорошо. Это хорошо.

А затем, словно включившись, вопросительно обращается к Уолтеру:

– Так, а что у вас с задачкой? А, молодой человек?

– Дайте ещё немного времени. Тут осталось нарисовать лишь три проекции – и всё.

– Вы, главное, игрек-проекцию нарисуйте. Её, родимую. А остальное не так важно.

Сергей косит глазом и видит, что игрек-проекции у Уолтера как раз и не хватает. Старик корпит над ней, но, видно, не может сделать окончательный выбор.

– А вы, как у вас с задачами? – Кацман вопросительно, с интересом смотрит на Сергея.

– Да вроде нормально.

– Это хорошо, сможете решить во-о-от такое?

Парень тянет «о», скидывая на терминал Сергея очередную геометрическую головоломку. Он готов вновь переключиться на Уолтера, когда Сергей спокойным голосом сообщает, подсознательно копируя интонации Кацмана:

– О, это довольно легко. В данном случае мы видим низкие начальные уровни, а значит, наилучшим вариантом для построения траектории будет теорема Берзиньш – Йовович. Вбиваем формулы влияющих полей. Однозначно заметно, что поле А заворачивает пситон по часовой стрелке. При этом поле Б имеет вектор движения вот сюда. – Сергей рису-

ет стрелку. – Получаем спираль в нашем пространстве-времени и вот такую замкнутую грудь в пси-пространстве-времени. Терминал нам посчитает точную формулу, зная исходные значения энергии.

Уолтер пожирает Сергея глазами, полными непередаваемых эмоций. Сергей не может их расшифровать и отвечает внешне абсолютным спокойствием, но внутренне ликует от ощущения, что эту лабораторную закрыть получится.

Кацман весело смеётся.

– Да, похоже на правду. Очень хорошо. Есть ещё нюанс: если поле А будет иметь начальные значения выше вот этого значения, видите, что будет? – Парень чертит курсором вокруг формулы Сергея.

– Да, эта часть уравнения превратится в единицу.

– Именно, и тогда, кроме спирали, на графике появятся вот такие ровные участки, видите? При этом, ахах, «грудь», как вы изволили выразиться, в пси-времени-пространстве – не изменится.

Всё это время Уолтер сидит, вытаращив глаза на Сергея, вместо того чтобы корпеть над своим заданием.

– А вы что же? – Игнорируя мимику старика, Кацман обращивается к Уолтеру. Без разрешения подгружает результаты к себе на терминал и начинает их перебирать.

– Так, да, это хорошо, и это, и тут. Нет, ну подумайте, разве так оно будет двигаться? Посмотрите сами и исправьте. Представьте, что вы смотрите на пситон с вершины плоско-

сти игрек-пси. Как пситон полетит наиболее вероятным образом? А?

Сергей делает вид, что очень внимательно изучает изыскания на терминале товарища, но на самом деле его мысли уже намного дальше. Он радуется, что освободился раньше первой половины этой пары и у него в запасе ещё куча времени. Хватит, чтобы позавтракать, плюс впереди ещё только одна пара, да и та «по телевизору» (как престарелые студенты её прозвали). Ещё один предмет, по которому ничего не выучишь, зато и сдавать ничего не придётся. Пока Сергей предаётся грезам, Уолтер с Кацманом, наконец, домучивают задачу.

– Я вижу, что вы всё это понимаете, это хорошо. Только очень уж спешите да сбиваетесь. Это вы зря, – сокрушается молодой человек.

– Да-да, я всё это учил, просто как приду – разнервничалюсь, и всё вылетает из головы! Я помню, это же теорема К. Вот тут, в конце, ещё будет идти пситон по прямой, – горячо поддакивает преподавателю старик.

– Нет-нет, постойте. – Уже готовый ставить оценки Кацман забирает терминал и начинает разъяснять Уолтеру: – Тут не будет прямой, прямая получится, только если вот эти начальные условия будут одинаковыми. Видите почему?

– Ну да, не по прямой, а по дуге пойдёт, по синусоиде!

– Нет-нет, синусоиды тут вообще быть не может. Потому-о-ому, что поле бэ-э-э... какое? – Кацман жаждет окончания

предложения от Уолтера. Тот пыхтит и торопится, выкидывая какие-то сбивчивые воспоминания из теории, чем делает себе ещё хуже. Сергея это всё достаёт, и он тычет Уолтера под столом ногой. Англичанин синееет (он ему что, большую мозоль задел?) и, наконец, замолкает. Кацман всё-таки выводит приятелям оценки. Уолтер получает обычное «сдано», а Сергей – «А».

– Ну что? Ну как? – накидываются на уходящих от стола Уолтера и Сергея остальные.

– Закрыли, – просто отрезает Сергей.

– ТЫ! Счастливчик чёртов! Перед лабораторной повторили случайно теорему Берзиньш – Йовович. И тут она тебе попадается! Я тебя ненавижу! Ну почему мне попались эти хреновые пересекающиеся поля класса И? Класс И, ты вообще знаешь, что это такое?! Посмотрите на него! Он ещё улыбается! Нет, ты чёртов счастливчик!

– Там ещё нужно было понять, что именно эту теорему следует применить.

– Понять! Понять? Хочешь, чтобы тебе ЭТО попало! – Уолтер трясёт своим терминалом со следами недавней сдачи. – Там всё... надо было понять! Каждую завитушку. А этому! Ты хоть бы не улыбался! Я тебя удушить готов!

– Прости, ты просто очень уморительно сердисься.

– Уморительно! Ну гад! Вот если бы ты не веселился, я, может быть, и был бы спокоен. – Идём поедим! Да уж, мне теперь просто необходимо поесть!

– Чего ты злишься? Ты же сдал. Да и вон по интуиции у тебя всё намного лучше.

– Да уж, лучше, – слегка успокаивается Уолтер. – Просто рожа твоя довольная. Нет, ну какой счастливчик, – уже спокойней и даже с юмором сокрушается Уолтер. – Сейчас закажу себе их крылья и суперострый соус. Чтобы жгло! А потом заем всё мороженым. А что у нас следующей парой?

– «Телевизор».

– А, «телевизор», вообще легко.

Старики направляются к пищеблоку. Вместе с ними вниз тянутся солдаты. У тех какой-то очередной приём пищи.

– Что, эти тоже с нами? – Уолтер недолюбливает шумную молодую компанию. – Жрут, как средняя семья мамонтов.

Сергей и Уолтер спускаются по эскалатору и покидают правое крыло корпуса. Вскоре старики ощущают традиционный аромат заведений быстрого питания. У Сергея бурчит в животе.

– Что, зацепило? Все запахи стандартизированы. Я тебе говорю, как человек, который с подачей информации работал. Конечно, у каждого заведения свои нюансы. Но определённый набор веществ и их пропорции всегда должны сохраняться. Это чтобы при необходимости у тебя всегда можно было вызывать голод. Понимаешь? Ты чувствуешь... это – и всё, голод. Заговор! – Уолтер поднимает указательный палец.

В пищеблоке намечается толпа. Всему виной архаизм

в виде девушек, принимающих заказы. Информационная эпоха избавила человечество от множества нелепых для «сегодня» посредников – людей, водящих за других машины; продавцов в супермаркетах и так далее, включая молодёжь, когда-то принимавшую у вас заказы в забегаловках. Но Авадон замысловато бравирует симпатичными девушками в одинаковой форме, получающими заказы у очереди посетителей, словно столетия назад.

Старики спешат получить свои порции и быстрее занять сидячие места. Им и так их уступят, если придётся, но обычно этот процесс протекает крайне неловко.

Шумная очередь из мальчишек в майках обсуждает утренний кросс, а особые счастливики – прохождение полосы препятствий в распятиях. Сергей, наконец, дожидается, когда стоящая впереди спина освобождает внимание девушки, и заглядывает в терминал, ограждённый чёрными стенками. После вчерашнего «телевизора» на экране всё проносится медленнее обычного, предоставляя возможность рассмотреть пару образов счастливых людей, окружающих кого-то, подозрительно похожего на Сергея. Образы приносят лёгкую тошноту, и старик возвращается в реальный мир. Трясёт головой. Молодая девочка, поторапливаемая напиряющими сзади солдатами, недовольно смотрит на медленного клиента.

- Кашу, шеф-салат и чай с пончиком, – заказывает Сергей.
- Чай средний?

– Да.

– Ваш заказ – каша, шеф-салат и средний чай.

– Верно.

Сергей забирает поднос. Дожидается сбоку Уолтера, и они вместе отправляются рыскать в поисках свободных стульев.

Из зала поднимается мощное предплечье с тонкой кистью – Юрий. Уолтер недолюбливает даже его, но всё же общество Плаксы он готов терпеть.

– Вот же ж дебилы они друг другу дают! – шипит Уолтер. – Нельзя просто по имени обращаться?

– Что-то ты сильно разогнался ещё с утра. Остынь, это обычные позывные. Играющие в войну постоянно таким страдали.

Старики подбираются к паре длинных диванчиков вокруг большого стола.

– А я вас сразу заметил и место занял. – Юра радостно улыбается. Сергею приятно его видеть.

– Спасибо, – благодарит Сергей.

Старики ставят подносы и жмут солдату лапу. Уолтер, кажется, добреет, получив неплохие места для завтрака.

– Ты с кросса или с препятствий? – Сергей распаковывает одноразовую ложку из прозрачного биопластика и выбрасывает упаковку в смачно отзывающийся утилизатор.

– С препятствий! – Юрий гордо демонстрирует ряд белоснежных зубов и обращает внимание стариков на свежие повязки на запястьях. – У меня неплохо получается водить. Да-

же в пример поставили.

– Поздравляю, значит, умрёшь одним из первых. – Сергей нарочно сбивает задорный пыл с мальчишки. Тот делает успехи, и старик очень боится, что его приятеля в ближайшее время перекинут на фронт.

Юрий виновато пожимает плечами.

– Посмотрим, как оно будет. До профессионала мне всё равно ещё очень далеко.

– Я бы на твоём месте уже давно себе что-то сломал да откосил на месяц-другой.

– Вы на моём месте и ничего не ломаете.

– Это потому что твои командующие знают, за что хватать.

Пару минут едят молча.

– Ладно, не обижайся, я за тебя переживаю. Молодой, здоровый как бык, да тупой, как этот пластиковый стол. – Сергей стучит по поверхности ложкой. – Я же тебя насквозь вижу. Пойдёшь на передовую, споткнёшься и умрёшь.

Юра легко смеётся.

– Какой уж есть. Не волнуйтесь, я за себя смогу постоять. Да и IQ у меня порядка ста тридцати восьми, не такой я и глупый.

– Ты мне тут своим IQ не маши. Не его величина мужчину определяет, а размер другого органа. Как же, постоит он за себя! У вас есть англология? Читали про столб Михаила? В скольких километрах там сожгло всё, так что даже пыли

от ваших дурацких крестиков не осталось? Вот так – сидишь ты в сортире, и бац – всё, нет тебя. Неважно, что ты умеешь. Это один из настоящих ужасов войны – безысходность. Ты вроде умный парень, подумай.

– Да с чего мне там в сортире сидеть? И вы же только что говорили, что я тупой. А теперь уже снова умный. – Юрий опять радостно смеётся.

– Конечно, тупой. А ты думаешь, так не бывает? Вроде умный, но тупой? – Сергей щурится. – Вот ты явно из таких! – Старик грозит ему пластиковой ложкой, норовя ударить по лбу.

– Эй, вы меня так убьёте. Я уже дышать не могу! – задыхаясь от смеха, парень легко уворачивается от выпадов старика.

– Врача! Врача! Тут человеку плохо! Дайте ему отгул! – неистово орёт Сергей, всё так же пытаясь попасть Юрию в лоб ложкой. Все бросают взгляд, но, видя, что это опять умалишённые старики, возвращаются к своей еде.

– Тише, тише. Что-то вы сегодня разбушевались, – со смехом машет ладонью Юрий.

– Это всё он. – Сергей слегка бьёт Уолтера ложкой по лбу. Тот немного давится от неожиданности. Его поднос полон псевдокрыльев и острого соуса. На десерт стоит обещанное мороженое в стаканчике с ложкой. – Завёл меня с утра!

– А что я? Это ты счастливчик! – оставив в Юру красный от соуса кусок крыла, Уолтер начинает рассказывать

про невероятные приключения подлого и удачливого Сергея на их утренней лабораторной по теории пси-полей. Юра заливисто и по-доброму хохочет, слушая всё более гневный рассказ. К концу раскрасневшийся Уолтер почти достигает утреннего состояния злости. Теперь похохатывает уже и Сергей.

Пока Уолтер распинаятся, Плакса приканчивает свою гигантскую порцию, вытирает руки горячей салфеткой и скидывает накопившиеся обёртки и остатки в жёлтый утилизатор. Пару секунд парень сидит, наслаждаясь перевариванием и наблюдая процесс поедания пищи старшими сослуживцами.

– Что загрустил? – интересуется Сергей. – Что у тебя дальше?

– У меня час перерыва, а затем три часа сна.

– Едите и спите, словно дети малые, – жуя, комментирует Уолтер.

– Нам нужно быстро восстанавливаться после всех нагрузок. Потом у нас физуха. Кстати, слышали последние новости? Наши таки дошли до Фисона и укрепляются. Все только об этом и гудят.

– Дорого нам это обошлось? – мрачно спрашивает Сергей.

– Не знаю, пока точных чисел не сообщают. Все трубят только об очередной героической победе. Что-то их многовато у нас последнее время. Как думаете, пропаганда или у нас правда всё стало лучше?

– Думаю, доля пропаганды точно присутствует, – уверенно заявляет Уолтер.

– Чёрт его разберёт. Может, люди уже так удачно поставили на поток производство таких дураков, как мы все тут, что действительно стали чаще побеждать, – традиционно мрачно вставляет свою ремарку Сергей.

– Да, нам бы всю землю Хавила добрать, может, тогда и легче станет, – произносит Юрий, задумчиво рассматривая мучающегося с крыльями англичанина.

– Кстати, вас не удивляет, что мы уже множество раз встречали ангелов, но ни разу не встречали ни демонов, ни самого Бога? – Уолтер с интересом смотрит на съедобную кость псевдокрыла, словно задавая этот вопрос ей. – Вот это я считаю странным. Может, мы доиграемся до того, что Господь вмешается в ситуацию, и получим по полной.

– Альберт Абин тебе бы с радостью объяснил, в чём причина, – шутит Сергей.

– А этот всё своей учёностью помахивает! – огрызается Уолтер.

– Кто? – переспрашивает Плакса, не имеющий в программе курса пси-полей.

– Один учёный, который построил свою теорию на том, что Бога нет. А люди якобы создали новую психологическую плоскость сами, настроив её под предпочтения конкретного человека – Юриева. Мол, тот хотел найти рай, вот мы его и нашли. И каждое наше открытие Пути – это не такая

себе дыра между мирами, а процесс использования общего пси-поля человечества для создания куска этого самого рая. А поскольку даже всей энергии пси-поля человечества недостаточно для создания такого сверхпонятия, как Бог, мы и не можем его встретить. Вот вылезет с Пути что-то в наш мир, тогда мы наплачемся!

– И как его теория? Работает? – с пугливым интересом уточняет Юрий.

– Работает, да только в некоторых узких моментах. Так что он промахнулся где-то.

Юрий как-то грустно задумывается, а затем произносит:

– Отец всегда злился, когда говорил на подобные темы. У него была собственная идея. И он её постоянно повторял – утром воскресенья нам или когда приходили какие-то новые знакомые или его старые друзья. Те уже и слышать её не могли. Теория состояла в следующем: видимо, когда-то отец увидел по терминалу большой пруд для выращивания рыбы. Хотя, судя по его описанию, это, скорее, был переполненный водоём. Когда сотрудник приходил кормить рыб, сотни, а может, и тысячи ртов поднимались над водой и пожирали те килограммы питательной крошки, которые тот рассеивал. Рыбу растили в тесноте, но в сытости. Кто-то из рыб недоедал, кто-то имел более комфортное место. Но все скопом – они росли и всё больше заполняли водоём. Рыба своими рыбьими мозгами не могла, конечно, осмыслить происходящего. Она думала, что всё движется так, как двигалось всю её

жизнь: плаваешь в заполненном водоёме, иногда питаешься, снова плаваешь.

Она не знала, что в один критический день она ВСЯ погибнет – человек заберёт её себе в пищу. Для того, собственно, и откармливалась.

Отец говорил, что именно так и поступает Бог. Он создаёт водоём – территорию, в которой растит себе души. Те души, которые ему подходят. Неудобные отсеиваются. А всё сознание человеческое, его опыт в этом мире, его тело, старость и боль – это всё сор. Всё пойдёт на убой. Будет нещадно уничтожено за ненадобностью Богу, оставляя лишь очищенный дух.

– Интересно, – задумчиво говорит Сергей, чтобы хоть что-то ответить. Он впитывает ту эмоциональную тоску, с которой Юра рассказывает про своего отца. Не зря всё-таки парня Плаксой назвали. И чему он так сопереживает?

– А я считаю иначе. Мне всегда всё представлялось так: чем «выше» мы смотрим, тем меньшим смыслом всё обладает, – присоединяется к рассуждениям Уолтер. – С точки зрения Вселенной всё бессмысленно – все наши поступки и потуги. Меньше, чем пыль. Даже человеческая раса с позиции Вселенной бессмысленная. НО! Сама Вселенная – бесконечное количество раз обновлённая или имеющая бесконечность своих вариаций – тоже бессмысленная в глазах этой бесконечности. Погибнет один Универсум, но останется ещё бесконечность минус один Универсум. А теперь поднимем-

ся ещё выше – это Бог. Он выше всего, и, глядя на всё протекающее под ним, понимаешь: ты бессмыслен перед его взором, твои поступки ровным счётом ничего не значат. Но тогда и для Бога ничего не имеет смысла! Понимаете? Как же он тогда существует? Во-первых, это нечто не нашего понимания, и, может, оно уже много лет как сошло с ума. Если этот термин применим. Во-вторых, представим такую высоту вновь. Что тогда имеет смысл для нас, червей, ползающих по дну? Тянуться к вершине бесполезно. И смысл приобретают лишь сама наша жизнь и её наполнение – только это. Само наше существование приобретает этот самый смысл – ты становишься просто обязан жить счастливо, да ещё и постараться устроить счастье самым дорогим из червей близких тебе. А теперь давайте снова вернёмся на высоту. Представь, что ты в бесконечности и можешь посмотреть смысл любого существа, любой расы, любого художника, любого поэта. Что бы ты делал? Я бы каждый момент смотрел, как цивилизация А ведёт эпическую и кровопролитную войну с цивилизацией Б, как пишется новый сонет, как живёт простой менеджер Джон. Каждый момент и всё одновременно. Понимаете? Потому что я такой большой, что иначе меня и не насытишь. Не имея смысла, я бы пересматривал и сопереживал тому, что делают они. Думаю, Бог питается нашим смыслом, этим сонмом огоньков у своих ног. Что, кстати, несколько не противоречит теории твоего отца. – Уолтер указывает куриным крылом на Плаксу. – И это нечто, оно паразитирует

на смысле. В таком случае молиться и всё прочее – вполне бесполезное занятие. Потому что текущий сложный момент своей жизни ты просто наполняешь такой сильной для тебя и такой частной для него – эмоцией. Эмоцией и смыслом. Нет плохих и хороших судеб, праведников и грешников, как нельзя сказать, какая пицца лучше – сладкая или острая; хорошо, когда она разная. Ангелы и демоны – все в таком случае машины Господа. И, если следовать от большего к меньшему, всякое живое существо имеет такую же по значению душу, как и человек. Поскольку с позиции Господа их души одинаково ничтожны. Отсюда следует, что и неживое тоже имеет душу, свою историю существования. Крайне отличную от живого, но имеет. Поскольку человек с позиции Господа – такая же ничтожность, как и пылинка. С таким же успехом Бог может понаблюдать за её рождением, существованием в составе метеорита и гибелью в пламени термоядерной реакции. – Заканчивая и даже как-то немного театрально ликуя – то ли от смущения, то ли от эгоизма, Уолтер небрасывается на полностью холодную курицу.

Плакса чешет лапой затылок. Сергей молча присасывается к чаю и делает вид, что самое интересное находится в его тарелке. Вроде как так он и чувствует, но где-то внутри Уолтер всё-таки немного его сотряс, и, как ему видится, это всё выльется не сейчас, может, позже, но выльется во что-то сильное.

– А вы что думаете? – Плакса по-детски смотрит на Сер-

гея.

– Я? – переспрашивает старик скорее чтобы выгадать время, чем чтобы вправду уточнить, к кому обращается парень. Сергей замолкает и зачем-то перекладывает салфетки Уолтера. Наконец его рот трескается:

– Ну, я про себя считаю, что Бог – он вроде как орган какой для Вселенной. То есть он от неё неотделим, более того, она без него существовать тоже не может. При этом он как бы не сознательный и не свободный в том смысле, в каком мы сознательны и свободны. Он привязан к своим функциям Бога – как, например, сердце, которое гонит кровь. И делает он это так же – не отдавая данному процессу своё сознание, а просто существуя сам по себе. При этом, может, он даже и мыслит только своими какими-то категориями. Прогоняет определённые категории клеток – нас – сквозь Вселенную, как сквозь тело. Иногда это может обернуться для нас благом, а иногда – трагедией.

– Да, прямо как сейчас, – с остекленевшим взглядом соглашается Юрий. Его прямо сотрясает от некой затаённой эмоции, что норовит вырваться и показаться близким людям. Но Юрий сдерживает её. – Ужасная война, – продолжает он. – Я не понимаю, почему ангелы отказываются от переговоров! Мы можем бесконечно себя оправдывать этим отказом, но это не делает их убийство чем-то правильным! Почему они это допускают? Мы же убиваем те святые существа, которые, по идее, должны нас беречь и помогать! А они –

они просто бесцельно губят своих младших братьев! Он, – Юрий делает многозначительную паузу, – просто не может это знать и поощрять. Мы должны добраться прямо до Него и поговорить. Объяснить. А если не так – то всё зря, понимаете? Всё зря, – повторяет парень сам себе. – Ведь есть у нас хорошие люди, которых он может послушать? – В вопросе звучат надежда и скрытая просьба её подтвердить.

– Для своего гигантского IQ ты рассуждаешь слишком наивно. Мир – несправедливое место, в котором первыми гибнут достойные. И ты тише тут распинайся: услышат наши теллепаты – мигом тебе мозги вправят. Будешь ночевать в кабинете «телевизора», – цинично разбивает все надежды Уолтер, допивая колу со льдом из закрытого стакана.

– А мне всё равно, какой мир! Главное – какой я, – с вызовом произносит Юрий, выпрямляя спину. – И я (!) считаю, что эта война такая же уродливая, как и любая другая!

Юрия по спине мощно шлёпает ладонь. Улыбчивый парень с огромным ртом – Антон. Тот, которого Сергей уже встречал в первый день знакомства с Плаксой. Это Антон незаметно подкрадывается и сочно хлопает сослуживца по плечу.

– Что, опять жалуешься? Наши вечно читают по громкоговорителю условия перемирия, только слушать эти петухи нас не хотят вообще. наших сейчас под Фисоном знаешь как лупят? И никакой жалости там нет и в помине.

– Я не верю, что всё так просто, – спокойно парирует Юра.

– Пошли лучше за наш столик, посмотри, какие у нас прекрасные дамы. – Антон указывает на двух кураторов, которые несколько снисходительно и смущённо улыбаются, видя привлечённое к ним внимание. Тем временем Сергей прикладывает усилия, пытаясь понять, почему он воспринимает всё, что Антон произносит своим крупным ртом, как гадость.

– Смотри, какие симпатичные, они же тоже поля боевых действий. Тут нужно выиграть... и сразу отступить, подготовить, так сказать, пути отхода заранее. Ты понимаешь, да? – громко продолжает Антон, явно ориентируясь на свой столик. И, скорее всего, одним этим уже помышляет создать себе путь отхода. – А знаете, чему нас полезному учат? В прикладе плазмомёта Шестоковича есть специальные приспособления, чтобы его чистить. И доставать их нужно осторожно, этими пальцами нажимаешь, и они выпадают. Понимаете, о чём я, да? – Антон сгибает средний и безымянный пальцы и начинает ими плавно двигать. Он бросает взгляд на Плаксу и подмигивает. Сергею делается стыдно лишь от одного присутствия рядом с этим гаденьким человеком.

– Ладно, ловеласы. Я уже наслушался от вас познавательных вещей, теперь хочется помыть руки и кому-то рот. Нам, старым идиотам, пора на следующую пару. Счастливо, – прощается Сергей и встаёт. Плакса виновато улыбается. Уолтер допивает колу.

Старики уходят.

– Чего ты так взъелся? Ну, дурак. Тестостерона в них много, вот и несут всякую ахинею, – говорит Уолтер, бросая взгляд на Сергея.

– Не знаю, бесит он меня. Из него с улыбочкой вечно извергается что-то гаденькое. И сам он весь гаденький. Фу, аж передёргивает. Видимо, мы разные сильно. Не по мне он.

Сытые и разморённые, Сергей с Уолтером подходят к стягивающейся кучке старых студентов. Приоткрытые двери в кабинет поглощают чернотой свет. Они вновь близки к опозданию, но преподаватель сам приходит на пять минут позже.

Угрюмый Молчанов – больше техник, чем учитель. Он запускает ожидающих в затемнённое помещение. Сергей уже привычно отмечает перед его терминалом. Старик получает порцию таблеток, расширяющих сознание. Глотает и быстро занимает место, мерцающее его именем с электронного табло. Кабинет полон проводов и налёта какого-то мрачного киберпанка. Зелёный свет от некоторых частей интерьера и кресел, напоминающих кошмар шизофреника о стоматологе, придаёт элемент нарочитой мистики. Сергей уже начинает чувствовать эффект от препаратов, появляются первые признаки панической атаки. Старик тяжело и глубоко дышит. Молчанов (особо не торопясь) смазывает ему запястья и подсоединяет защёлки контактов; пристёгивает ноги. В рот отправляется загубник со специальной жидкостью. Она запахом напоминает Сергею элемент старых реге-

нераторов с его работы в ДМО тысячу лет назад.

Щёлкает металлическая застёгивающаяся полоска вокруг головы. С клацаньем выдвигаются хищные лапки, распадаясь на четыре стальных манипулятора с прорезиненными насадками на окончании. Они впиваются и широко раздвигают веки Сергея. Небольшая, превращающаяся в кляксу на таком расстоянии выпуклость смачивает открытые глазные яблоки. Начиная активно галлюцинировать, Сергей замечает про себя их голодное настроение.

И тут в глаза устремляется полоска сменяющихся с бешеной скоростью изображений и информации. Каких именно – Сергей уже уловить не способен. Поток похож на будоражащий массаж, безумный темп раскатывает самосознание старика в пустоту.

Через два часа потного, не помнящего ничего из только что пронёсшихся сновидений Сергея отключает Молчанов. Первые несколько минут старик не может понять, кто он и что он тут вообще делает. Затем его словно вбрасывает в существующий мир, вдавливая в ставшее жёстким кресло. Нестерпимый зелёный свет, хочется смыть с себя нечто отвратительное, напоминающее последствия насилия. Старик чертыхается, с трудом встаёт и протирает запястья одноразовым полотенцем.

– Что-то после ваших «мультиков» мне всегда нужен душ, – со злостью бросает он копающемуся у основания стула Молчанову, рассматривая его сверху вниз.

Вялая группа стариков медленно вываливается из аудитории. Сергей односложно прощается с разом постаревшим Уолтером. Несмотря на заявление о душе, хочется воздуха. Сергей неспешно добредает до улицы. Тёплый день шелестит хвоей. Старик отыскивает себе отдалённую лавку возле мостика через рукотворный ручей и падает на сиденье. Слева от навязчивых взглядов старика прикрывает крупный куст с розовыми цветами. Сергей уже начинает приходить в себя. Лето перебирает ряды жёлтых цветов и его волосы. Откидывает голову – небо в белых пятнах туч. Солнечные лучи размаривают старика, разжижая все мускулы. Даже не верится, что сейчас где-то идёт невероятная война, на которой ему предстоит побывать. А сейчас только короткая передышка. Сергей снова думает, что теперь людям даже некому взмолиться. Мимо проносится группа пышущих тестостероном солдатиков, они запрыгивают друг на друга, бесятся и устраивают короткие шуточные потасовки. Словом, выглядят как добротные мальчишки. Осталось каждому найти и вручить по палке. Безмятежность расслабляет старика, и он пропускает момент, когда его тело проваливается в сон.

Ночь и комната без ламп. На Сергея с длинных шей смотрят три головы чёрных козлов. Чувство инородного ужаса добавляется от выпученных жёлтых глаз.

Сергей просыпается. Совсем не похоже на привычные цветные сны после «телевизора». Ошарашенно оглядывается. Рядом дремлет пожилой лысеющий мужчина в костюме

биоинженера, с доисторической сигаретой в зубах. Сергей, ещё не отошедший от сна, бессмысленно пялится на пришельца около минуты. Переводит взгляд на парк – начинает темнеть, холодает. Группы хохочущих новобранцев сменяются гуляющими парочками – то ли такие же солдатики, то ли офицеры под руку выгуливают девушек. Тем временем дремлющий инженер открывает глаза и уверенным движением стряхивает длинный пепел на клумбу рядом. Не глядя на Сергея, произносит:

– Ничего, что я тут присел? Ничего же? Эдак вас разморило. Я тут покурю, не мешаю вам? Ради бога-с, извините-с, – услужливо заканчивает он, впрочем, продолжая курить и не дожидаясь ответа.

– Да вы уже курите. А лавка не моя, так что сидите, что с вас взять.

– И правда-с, взять с меня нечего-с. Это вы верно подметили-с. Очень верно. А курить просто уж больно хочется, ей-богу-с, очень хочется.

– В наши дни такие уже почти никто не курит, – пытаюсь как-то ответить словоохотливому инженеру, кивает на сигарету Сергей. – Вредными вещами сейчас не модно заниматься.

– Это вы верно подметили, ей-богу-с, не модно. Только я тоже не модный, посмотрите на меня, старого. – Мужчина с видом знатока проводит руками вдоль своего не такого уж и старого тела. Сергей думает, что тот лет на пятнадцать мо-

ложе его. Просто выглядит и правда паршиво. Кроме всего, жест ещё помогает заметить, что у инженера два разных ботинка – один бесшовный, чёрный, как и положено по форме. А второй – какой-то нелепый, выцветший из коричневого в жёлтый.

– Интересная обувь у вас, – замечает Сергей.

– Весьма признателен-с. Мне, как инженеру, другую негоже носить. Не пристало-с, значит.

– Вы инженер из какого блока, если не секрет?

Странный мужчина указывает подбородком на виднеющуюся вдалеке вторую секцию – заветное место, куда Сергея могут перевести после сдачи всех экзаменов. Пепел с почти истлевшей сигареты инженера осыпается в такт движению его головы.

– Слыхали про взрыв в Р-16? Вот с тех пор и курю.

– Нет, не слыхал.

Странный мужчина. Сергей вновь расслабляется на лавке, погружаясь в нелепую, но не тягостную для себя беседу.

– Конечно, не слыхали, ей-богу-с, где же вам слыхать! Я тогда только приехал сюда. Взяли нас с сёл, погрузили, никого не спросили и привезли сюда. Расписку о неразглашении написали – на тридцать лет. А родным звоним – всякую чушь врём. Приехали когда, тут ещё только котлованы были. Всё мостили арматурой и какими-то шариками засыпали. Странное время. Потом, в четырнадцатом году, уже вся вторая секция оборудована была. Я тогда младшим инженером

был. Всё бахнуло, а я курить вышел, чтобы коллег не смущать. Ей-богу, повезло. А там и сам генерал-майор Радищевский был, личный пример храбрости проявлял. Как хлопнул пси-удар да волнами пошёл. Раз за разом, раз за разом. Все в кисель, такой сероватый, и превратились, жутко так потекли. Одни погоны да награды плавают. Вот с тех пор и курю постоянно. Словно это дань или расплатиться есть с кем.

– Звучит не очень.

– Так-с и есть, ей-богу-с.

– А чего бахнуло-то?

– Так всё из-за показухи – торопились проект сдать к праздникам. Технику безопасности не соблюдали, дурачки, вот и бахнуло-с. Да. Славные времена, – как-то странно добавляет лысеющий мужчина. – Я вам рассказать могу-с, только вы вряд ли что поймёте-с. У нас ещё была недоработана система сфинктеров в передающих секциях, при открытии Пути могли возникнуть мощные течи, которые, в свою очередь, могли привести к смещению основного открывающего пси-поля, а значит, и к коллапсу всей установки. Течи нужно было контролировать вручную, а дополнительной проблемой был мощный толчок, происходящий при открытии Пути. Он мог нарушить регенерирующие цепи и привести к неконтролируемому росту плоти на основном поле-генерирующем элементе. Это приводило либо к неправильной работе, либо к гибели этого самого биологического поле-генератора. При очередном тестовом прогоне течь спро-

воцировала прорыв третьего сфинктера одного из отсеков регенератора. Компоненты регенерирующей жидкости, попав в завивающееся поле из течи, создали в воздухе сложную пылающую дугу. Работы были остановлены до выявления причин и починки Пути. Далее, согласно регламентированным правилам, нам следовало слить компоненты регенерирующей жидкости, снять биологический полегенерирующий элемент, вылечить его, сделать все анализы и прогнать несколько раз на слабых мощностях. Но подготовка к старту тогда затянулась бы ещё дней на сорок. И вместо этого было приказано действовать, так сказать-с, в полевых условиях. Я сам на месте перепроверял за старшими и скальпелем чистил биоэлемент, проводил тесты его состояния. Сначала устранили обнаруженные эффекты, работали в две смены. На следующий день, утром, было принято решение произвести тестовый запуск Пути. В результате накопившихся ошибок и превышения износостойкости через девять секунд после старта произошёл срыв фиксирующих пси-полей второй секции. Открывшаяся течь дала дополнительную нагрузку на биологический элемент полегенератора. Спустя две секунды исходящее от него пси-поле создало серию хлопков, разрушающих окружающие ментальные связи. Семьдесят четыре человека погибло сразу, ещё девять скончались от травм, несовместимых с жизнью.

Лысый инженер заканчивает свой рассказ, странно изгибает руку и похлопывает ею себя по голове. Серей смотрит

на безмятежную паутину в цветах рядом со своей ногой. Ещё какое-то время сидят молча.

– А что потом? – решает нарушить летнюю тишину вечера Сергей.

– В смысле?

– Полетели головы? Что со второй секцией?

– Тот Путь потом доработали и таки открыли, но всего один раз. Так что секция сейчас затворена за безнадобностью. Стоит как монстр прошлого – ни сносить её, ни использовать смысла нет. А головы не полетели – решили, что это издержки экспериментов, нестандартизированная процедура. Да и почти все виновники погибли в том выбросе. С кого спрашивать?

– Так какой же это эксперимент – обыкновенная халатность! Или у нас тогда ещё Путей нормальных не было?

– Пути-то были, ей-богу-с, были. Только это и правда был эксперимент. Мы в другое место Путь открывали.

– И куда же?

– В ад, – покручивая бычок, буднично сообщает лысый. – В него, родимого, дорогу строили.

По спине Сергея пробегает холод: о подобном он никогда не слышал.

– Я о таком слышу впервые, – озвучивает он свои мысли.

– Конечно, впервые, откуда же вам слышать то-с? Ей-богу!

– И что в аду? Что там?

– Там – ничего. Вообще ничего и никого. Либо демонов и чертей в принципе нет, либо они прячутся, либо ушли куда-то-с. Поди разбери.

– Странно, – задумчиво произносит Сергей. Нужно будет обсудить это Уолтером и Плаксой. Интересно, они о подобном слышали? Конечно, нет. Откуда же им слышать, ей-богу, как говорит чудной инженер.

– Странно-с, это точно... Ладно, я пойду-с, с вами хорошо, но работа ждёт меня, горемыку. Приятно было поболтать, всего доброго, – задумчиво прощается человек в оранжевом.

– Всего доброго... – также погружённый в мысли, отвечает Сергей.

Лысый встаёт и, хромя из-за разницы каблуков, коряво отправляется к отдалённым серым цилиндрам за забором. Сергею тоже пора в свой блок – готовиться к завтрашнему, такому насыщенному, дню. Весь путь домой старик размышляет над услышанным. Вряд ли это общедоступная информация – даже для ребят, прошедших первый этап. Просто Сергею повезло попасть на местного сумасшедшего, которому (как бы выразиться помягче) на всё плевать.

Старик спускается в обезлюдевшую столовую. Скучный вечерний персонал выдаёт ему салат и белковую массу, называющуюся тут омлетом. Сергей в тишине ужинает.

Закончив есть, отправляется в свою комнатку. Светлый коридор ведёт по муравейнику базы. Чёрные крупные про-

валы окон и пятна фонарей за ними. Сверившись с кодом доступа, мягко открываются покрытые тканепластиком, будто кожей, двери. Сергей проваливается в выбеленную пустоту своего дома. За годы он слишком привык к одиночеству, теперь оно просто необходимо, как периодические инъекции. Ногами стягивает с пяток пропотевшие тапки-кеды. День давно закончился и украл большую часть сил. Только сон после «телевизора» спасает организм. Всё-таки возраст не самый маленький. Сергей с блаженством усаживается на кровать, медленно, с хрустом распрямляет спину, облокачивается на стену. О да!

Но необходимо уделить время учёбе. Сергей подгоняет себя мыслями о семье. Как он по ним всем скучает! Берёт терминал и пытается в нём найти компромисс между учёбой и прокрастинацией. Выбор предмета падает на теорию пси-полей. Старик бездумно просматривает разделы в поисках того, который ему советовал Кацман. Норберт Байер находится рядом с Альбертом Абином и оказывается его учеником. Теория Байера и правда очень необычна – тот предполагает, что нет людей. В прямом смысле этого слова. По его мнению, всё есть Бог.

Теория строится очень красиво и способна создать единое уравнение для описания поведения пситона, но на последнем этапе всё неожиданно разрушается – расчёты и эксперименты не сходятся, пситоны двигаются по траекториям, описанным более успешными учёными.

К старости Байер сошёл с ума и сейчас доживает свой век в какой-то отдалённой клинике. Сергей откидывается на кровать и смакует про себя новую мысль.

– Всё есть Бог, – говорит он вслух.

Сергей, опаздывая, быстрым шагом заходит в большую аудиторию, построенную наподобие амфитеатра. Ниспадающие вниз ряды парт и запах их пластиковых поверхностей. Утреннее солнце бьёт сквозь огромные стёкла. Ищет глазами Уолтера – тот занял ему место рядом с собой и лениво машет со своей позиции. Сергей поднимается в нужный ряд и, чертыхаясь, пробирается через чужие ноги к приятелю.

– Не мог ещё дальше сесть?

Уолтер в ответ лишь зевает. Он явно не выспался, даже крест не помогает. Среди аудитории раздаётся заглушающий стук – это их преподаватель, Кобак, сигнализирует о начале пары по ангелологии. Странная наука, чем-то напоминающая Сергею то ли историю, то ли биологию ангелов.

– Помнишь, ты вчера рассказывал про своё видение Бога? – как можно тише шипит Сергей в сторону приятеля.

– А то. – Уолтер кивает, глядя вперёд.

– Напомни, как в него вписываются ангелы.

В это самое время Кобак рассказывает про класс субпоглощающих ангелов. Аудитория спит или лениво делает по-

метки в электронном конспекте.

– Вполне себе вписываются. По сути, они один из инструментов корреляции и управления системой. Грубо говоря, помогают проводить настройку. Плюс каждый из них несёт свой смысл и питает им Бога, – сразу оживляется Уолтер, пересказывая свою идею тихим шипением. Кобак бросает гневный взгляд в их часть аудитории, видимо, ещё не проследив, кто конкретно разговаривает за его спиной. Сергей и Уолтер делают вид максимальной сосредоточенности на терминалах.

– Хорошо, а тогда кто же демоны? – не унимается Сергей. Уолтер задумывается лишь на секунду.

– Так те же инструменты корреляции, только с обратными задачами.

Кобак вновь бросает взгляд в сторону перешёптывающихся. Старики усердно сверлят взглядом терминалы. Лишь изредка Уолтер из-подо лба стреляет глазами в преподавателя. Определив затишье, не глядя на Сергея, продолжает:

– Все знают, что ангелы лишены свободы воли, – они действуют как роботы согласно своим убеждениям, поменять которые не в силах. Может, поэтому мы и не способны с ними договориться. Люди наделены свободной волей. Можем быть как одним, так и другим. А демоны – они кинули свои догмы, но лишь чтобы принять ровно противоположные. Тут такая же несвобода, только с обратным знаком. Так что они выполняют функции, просто другие. Например, дают пинка

тем, кто плохо себя вёл. Одновременно снимая с Бога ответственность.

– А ну-ка, назовите мне принцип классификации ангелов! – вспыхивает Кобак. И произносит он это, глядя прямо на Сергея. Старик чувствует лёгкую несправедливость, ведь в данный момент говорил не он. Нехотя встаёт.

– Александрин Дефоссе предложила классифицировать ангелов согласно количеству пси-энергии, которую они могут поглотить за единицу времени. Официально классов семь – от самых низкопоглощающих до сверхпоглощающих. Последние два – шестой и седьмой – херувимы и серафимы.

– А теперь скажите, что я рассказывал только что?

Сергей мнётся.

– Извините, я прослушал.

– Так садитесь и слушайте! Понимаю, это не основной предмет. Но вам всё равно его сдавать! Будьте добры, постарайтесь!

Сергей приземляется обратно на лавку, размышляя о том, что у него и без напоминаний есть веские причины усердствовать.

– Я рассказывал, что для пси-энергии необязателен так называемый причинно-следственный принцип. Принцип, когда удар одного стального шара о другой влечёт за собой движение этого другого. С пси-энергией мы можем представить вариант, когда удар первого шара о второй не передаёт энергию второму, но провоцирует третий шар, находя-

щийся в другом помещении и не имеющий с первым связи в нашем пространстве-времени. Такая любопытная зависимость может объяснить некоторые, кажущиеся невероятными, способности ангелов. В частности, субпоглощающие ангелы способны быстро аккумулировать количество энергии, необходимое для открытия своего собственного Пути, совершая таким образом телепортацию в любую точку психопространства, о существовании которой они знают или которую способны визуализировать. Нам сообщали о слабопоглощающих экземплярах, имеющих вместо крыльев, так сказать, индивидуальные генераторы Пути...

Остаток первой половины лекции Сергей проводит, записывая скучные рассказы Кобака про «особо интересные» экземпляры, которые удалось наблюдать и по которым удалось изучить спектры излучения сверхпоглощающих ангелов. Сергей не может себе представить этих существ, так же как ему сложно соотнести истинные размеры динозавра или синего кита с собой. Всё, что он видит, – это какие-то масштабы и мёртвые числа. Может, старик просто отстраняется от них?

Кобак даёт крошечный – пятиминутный – перерыв, и Сергей в крайне беглом варианте принимается рассказывать Уолтеру про свою вчерашнюю встречу с инженером. Узнав, что люди открыли проход в ад и что тот пуст, Уолтер приходит в невероятное возбуждение:

– Мужик, это что-то значит! Мы двигаемся к разгадке!

– Какой разгадке?! Что ты несёшь, старый сумасшедший? У нас и загадки-то нет!

– Если бы мы знали вопрос, уже было бы пол-ответа. Я уверен: скоро мы поймём нечто, и это нечто будет невероятного масштаба!

– Посмотрите на него, совсем ополоумел на старости лет! Что ты несёшь? Толку нам с твоего масштаба? Мне бы сына с внуками увидеть, а всё остальное пусть синим пламенем горит.

– Ты не понимаешь, насколько это важно! А где ты встретил этого инженера? Я просто обязан с ним поговорить!

– Да я же тебе всё рассказал, или думаешь, он у меня под подолом спрятан?

Семеня, в аудиторию возвращается Кобак и продолжает вещать ангелологию. Пара возвращается на свой круг, словно и не было перерыва. Диалог стариков прерывается.

Через несколько минут Уолтер прижимается к парте и, глядя на Сергея, одними губами произносит: «Скоро мы узнаем всё». Делает страшную гримасу. Сергей отвечает постукиванием пальца по виску.

Лекция спокойно дотекает до своего окончания. В конце Кобак обещает, что на следующей паре, в пятницу, они будут разбирать архангелов – сверхпоглощающий и гиперпоглощающий классы. Это будет последнее занятие перед защитой предмета. Преподаватель прощается и покидает аудиторию.

Далее у стариков окно для завтрака, после которого следу-

ет завершающая практика по теории пси-полей. Им осталось сдать последнюю лабораторную и закрыть этим предмет.

– Пошли завтракать? – Сергей с удовольствием подумывает о приёме пищи.

– Расскажи мне ещё раз, поподробней, о чём вы там с ним говорили, – всё не успокаивается Уолтер. Сергей нехотя пересказывает историю вновь, стараясь сохранить максимум подробностей.

– Ты хоть понимаешь, что он может звонить родным? Ты понял его, да?

– Понял, – отзывается Сергей, и по его спине идёт холодок. Как он сам не пришёл к такому элементарному выводу? Видимо, возможность звонить отсюда родным старику казалась чем-то само собой разумеющимся. Либо ранее он бессознательно игнорировал то, что у него такой возможности попросту может и не быть.

– Это первый шаг! Видишь, мы всё больше понимаем!

– Ну, может быть, – нехотя соглашается Сергей с энтузиазмом приятеля.

Старики подходят к столовой, и их желудки начинают предательски урчать, услышав характерный запах.

– Аромамаркетинг, будь он неладен, – извиняется за звуки из своего живота Уолтер.

Все столики заняты, но из толпы привычно вылезает знакомая лапа Плаксы. Старики набирают себе щедрые порции и отправляются к занятому парнем месту.

– Расскажи ему! – поглощая хумбургер, подзуживает Сергея Уолтер. – Быстрее расскажи!

– Что рассказать? – с интересом подключается Юрий.

– Дайте я поем сначала, вот неймётся тебе!

– Тебя удар сейчас хватит! – начинает Уолтер рассказ сам, желая поделиться сплетней как можно быстрее. – Сергей вчера общался с инженером из второй секции, и тот рассказал, что люди пытались открыть Путь. И знаешь куда? В ад! И у них получилось! Ну как тебе?

– Невероятно! – с восторгом подхватывает Юрий. Его глаза вспыхивают.

– Т-с-с! – Уолтер прикладывает палец ко рту. – Только пока никому. Мы этого инженера ещё попытаемся на что-то расколоть! – Англичанин подмигивает Сергею, который делает вид, будто он не с этим идиотом. – А знаешь, что ещё более невероятное? Там, в аду, никого нет! Представляешь?

– Потрясающе! – всё так же по-детски и честно восхищается Юрий.

– Знаешь, что это значит?

– Понятия не имею! – отвечает Юрий, а Сергей хмыкает.

– Мы движемся к разгадке всего, что тут происходит! – патетически произносит Уолтер, картинно бросая на тарелку остатки хумбургера и на секунду откидываясь назад. Такое положение, по всей видимости, неудобно, поскольку через мгновение англичанину вновь приходится наклониться вперёд, чтобы иметь возможность нормально съесть свой зав-

трак.

– А что тут происходит? – несколько удивляется Юрий.

– Тут происходит следующее: ты слушаешь бредни одного старого сумасшедшего, – вмешивается в диалог доедающий «омлет» Сергей.

– Этот всегда ворчит, не слушай его! Слушай меня. – Уолтер стучит себя по груди.

– Если говорить о том, что тут происходит, мне кажется, что всё ясно, – комментирует Юрий, вращая в пальцах вилку. – Мы боремся с ними, они – с нами. Конечно, интересно, почему ад пуст. И на базе множество недоступной нам информации, потому что это военный объект. Но ведь основной смысл и наше прямое предназначение ясны. Или я неверно уловил суть разговора?

– Молодой и зелёный! Поверь, тут всё в заговорах! – шипит Уолтер, наклоняясь вперёд и водя в разные стороны глазами.

– В заговорах по поводу чего? – удивляется Юрий.

– Да всего! Все-го! Понимаешь?

– Ладно, ладно, – успокаивает Уолтера парень и делает вид, что переключается на остатки своей еды.

– Ничего вы не понимаете! Посмотрим, как вы запоёте, когда мы узнаем больше. – Уолтер не сдаётся и в целом, судя по всему, чувствует себя победителем.

– Жаль, что всё так сложилось. Я бы спокойней с демонами воевал, – грустно опустив глаза, произносит Юрий. –

Мне эта ситуация ужасно не нравится. Сегодня слышал, как наши ликовали. Им приятель с фронта пишет, когда дозволено. Рассказал, как у границы подбили ангела и пытали для удовольствия, пока учёные не забрали. Мол, он как робот – выдать всё равно ничего не может, сколько ни жги. Вы правильно говорите – свободы воли у них нет. Молчит, а наши его слабым лучом... как жука под лупой. Ликовали, смеялись, что, мол, так и надо. Всё равно ничего не чувствует. А я так не могу! Мне даже слушать это противно. – Юрий тяжело сглатывает, его кадык прыгает вверх-вниз. – И такая боль сразу в груди. Куда же мы лезем? Сами ещё животные. Может, и не стоит нам пока загробным миром распорядиться?

– Не переживай, солдаты там таких ужасов насматриваются, так озлоблены, что для них это нормально. Да и никто не даст таким молодым рулить загробной жизнью. Выберут знающих людей, – успокаивает Уолтер, сочувственно рассматривая собеседника.

– Какая разница, каких ужасов они насматриваются! Это ненормально. И никогда для меня не будет нормально! Я бы их судил всех, если бы мог. (Пауза.) А вы что думаете? – Юрий с болью в глазах оборачивается к Сергею. Видно, что ищет хоть кого-то, кто бы согласился и поддержал его одинокие мысли.

– Я думаю, что твари твои друзья. А тебе нужно поменьше о подобном вслух говорить.

Все замолкают и доедают остатки своих порций. Юрий

нехарактерно для себя оставляет часть белковых палочек на подносе и перебирает их, складывая в замысловатые фигуры.

Наконец, Плакса нарушает задумчивую тишину:

– Кстати, хотел вас пригласить. У нас один парень стихи пишет. Неплохие, как по мне. Приходите послушать сегодня вечером. Может, и вам понравится. – По голосу слышно, что Юрий уже отошёл от своей эмоциональной реплики.

– Что же это, муравьи-солдаты, да ещё и поэты? Где это видано? Вас даже в этом стараются не ограничить генные инженеры? И не пожалуешься, что мозги порезали за силушку. Нынешний человек во всём хорош, – с непонятной горечью комментирует Сергей. – Я, может, и приду. Но ненадолго. У нас эта неделя последняя, а потом экзамены. – Виновато пожимает плечами.

– Приходите, даже ненадолго. Место сбора – возле правого крыла. Стихи у него и правда замечательные. – Плакса приободряется и добавляет к фразе геометрически ровную улыбку. Сергей лениво откидывается на стуле, размышляя о стихах. Поев, он значительно добреет. Ну что? Теперь можно и на теорию пси-полей. Уолтер тоже уже справился с остатками завтрака, так что старики прощаются с Юрием и отправляются в аудиторию.

– Ты, кстати, заметил, что мы последнее время вечно спешим куда-то? – спрашивает сосредоточенный Уолтер, листая терминал в поисках последней лабораторной.

– Да, как ужаленные бегаем постоянно. – Сергей кивает, хотя собеседник и не видит его.

– Просто я это к тому, что последние годы я вообще никуда особо не торопился. И даже подумать о том, чтобы торопиться, мне лень было. Сидишь с газеткой, вроде как жизнь понял, спокойно кашу жуёшь и критикуешь всё вокруг, вызывая любящую ненависть у родственников. Чем тебе не идеальная старость? Не нужно мне ничего особо было. А тут – всё с ног на голову. Словно мне тридцать. Откуда это в нас?

– Пичкают тебя крестами, вот оттуда. Или ещё какая-то гадость. Мозгоправов у них куча. Не захочешь побежать сам – придумают, как «и-го-го» крикнуть.

– Возможно, – так же задумчиво отвечает Уолтер.

Впереди показывается аудитория. Старики проваливаются в светлое лабораторное помещение. Пока загруженный Кацман принимает последние работы, старики пытаются повторить необходимую для сдачи информацию.

Защита проходит легко. Уолтер получает «В» и остаётся этим ужасно доволен. Закрыв предмет, Сергей чувствует себя на расстоянии вытянутой руки от цели. Волшебная запись в личном деле помогает обозримо оценить пройденный путь.

Завершает день последняя лекция по введению в пси-цепи и устройства. Профессор Драгунов рассказывает про трёхполосную пси-линзу, устанавливаемую на плазмомёты Шестоковича с восемьдесят шестого года. Сложное устрой-

ство, работающее на небольшом генераторе пси-поля, оно ускоряет полёт плазмоида и его разрушающую способность. При этом подзарядка генератора осуществляется преимущественно личными силами солдата. Что, по мнению профессора, вызывает небольшой временный дискомфорт, сравнимый с понижением настроения. Несмотря на мнение профессора, линзу рекомендуется заряжать каждый раз после боя, а не перед или во время, дабы не терять даже крохи боевого запала.

В конце пары Драгунов обещает, что эта тема будет в финальной контрольной. Кроме контрольной, для закрытия предмета предстоит сдать индивидуальную курсовую, описывающую принцип работы выбранного пси-устройства. Работу задали ещё в середине курса, но на текущий момент её принесли лишь два человека. Сергей, занятый непрерывным зазубриванием, за неё ещё и не сажился. У старика есть одна корыстная мысль – попросить Юрия достать ему хоть какое-то подобие документации и написать работу про тридцатьтройку – распятие. Но он не представляет, насколько это вообще осуществимо.

Сложная часть дня подходит к концу. Чувствуя облегчение и свободу в распределении оставшегося времени, Сергей выбирается из аудитории. Он бы с удовольствием провёл обед в одиночестве, но ему неловко объяснять это Уолтеру.

Товарищи вновь отправляются в пищеблок. В этот раз уже не спеша. Уолтер шумно и много рассуждает про предстоя-

щие экзамены, а Сергей больше молчит. Коридоры, всё ещё освещаемые солнечным светом, почему-то постоянно намекают Сергею на дрему. Видимо, он не высыпается последнее время.

– Ты уже писал курсовую? – спрашивает Уолтер.

– В сотый раз тебе отвечаю – нет, ты сам видел, чем я был занят последний час. За это время ничего не изменилось!

– А идеи есть?

– Не совсем. Попробую что-то найти в общем доступе. Или, может, Юра что-то подскажет.

– Этот? Ты спутал размер его мозга и мышц.

– Возможно, у него есть доступ к каким-то документам.

Они же там вечно с техникой возятся.

– А пойдёшь после обеда прослушать солдатские стишки? А?

– Пойду, раз обещал. А ты не хочешь?

– Я загляну, но потом сразу в индивидуальный блок. Эта курсовая добавляет мне нервов! Даже желудок сбивается при работе.

Коридор заканчивается лестницей в столовую, а обед – приятной сытостью, что не добавляет Сергею болтливости. Впрочем, Уолтера это не смущает.

Вечер и летний воздух обволакивают всю парковую зону перед базой. Дойдя до назначенного места встречи, старики видят группу солдатиков – любителей стихов, перемешан-

ную с улыбочивыми кураторами. Сергей с Уолтером держатся в стороне, пока их не замечает Юрий. Привычно помахивая мощной лапой, парень подходит с виноватым видом.

– Извините, что-то задержка небольшая. Нам помещение должны были выделить, но пока там что-то не согласовано. – Пожимает плечами.

Сергей решает начать с места в карьер.

– Юра, слушай, у тебя нет какой-то доступной документации по вашему оборудованию? Мне курсовую по устройствам писать, а нет ни темы, ни устройства. Возможно, ты можешь мне чем-то интересным подсобить? Например, информацией по распятию. Это вообще идеально было бы.

– О нет, простите, Сергей. – Юрий чешет в затылке. – Нам пока к этому доступ не открыт. Если вообще будет когда-то открыт. Разве что по плазмомёту Шестоковича могу попробовать достать. Подойдёт? Обещают после закрытия первого этапа ввести нам всякую образовательную науку в этом плане. А пока ничего. Но я могу ребят поспрашивать ещё.

Уолтер сбоку радуется:

– «Образовательную науку». Какой слог!

– Жаль. Значит, так и будет.

Сергей, конечно, разочарован. Но это ощущение быстро угасает. Он чересчур устал от жизни, чтобы сильно расстраиваться из-за подобных мелочей. На секунду задумавшись, Юрий радостно предлагает выход:

– Напишите про эту шторку, что была модной два года назад. Моя мама такую прикупила сразу, как в рекламе увидела. Ну, которая ещё в душе вешается, чтобы Бог не подсматривал, когда ты моешься. Создаёт лёгкий и «практический безвредный», – цитирует он словосочетание рекламным голосом, – экран.

– Где вешается? – переспрашивает Сергей.

– В душе, – с готовностью отвечает парень.

– Ясно. Вот пропасть. Но я подумаю, спасибо.

Уолтер с интересом мгновенно включается в разговор:

– И дорогая шторка? Продаётся ещё хоть где-то?

– Тебе-то зачем?

Разочарование перерастает в лёгкую ироничную злость на Уолтера за его интерес к подобному низкокачественному товару. Уолтер не отвечает под вопросительным взглядом приятелей около десяти секунд, но, наконец, сдаётся и мрачно произносит:

– Я жутко стеснительный.

Сергей начинает посмеиваться, и даже Юрий старается сдержать улыбку после такого признания. На заднем плане раздаётся зазывающий оклик – один из солдат привлекает к себе внимание группы ожидающих. Он сообщает, что проблемы с помещением уже решены, и зрители грузятся в мягко расползшуюся дверь.

Приглушённый свет и доступ к умеренному бару делают вечер несколько интимнее. Сергей находит место с краю,

Юрий преданно следует за ним, отмахиваясь от девушек и приятелей. Видимо, ему крайне хочется узнать мнение старика. Сергею несколько неловко принимать такое к себе отношение.

– Эй, пошли сюда, тут есть стулья. – Уолтер в полумраке зовёт Сергея из своего угла. Но тот упрямо отказывается, хотя знает, что ему будет тяжело выстоять всё представление. Уолтер пожимает плечами и садится на свободный стул.

Темнота и отгороженность с двух сторон дают Сергею чувство сравнительного одиночества и шанс получить удовольствие от происходящего. Юрий, как хороший официант, совершенно незаметен. Зал перешёптывается, пока на сцену не выходит юный здоровяк привычной комплекции модифицированного солдата.

В поэзии Сергей ничего не понимает, да и особо ничего не любит, кроме Маяковского да пары стихов Есенина. Но стихи солдатика всё-таки западают ему в душу. Старость и сентиментальность или, быть может, накопившийся стресс порой даже увлажняют глаза. Особенно его трогает одно произведение, где мужчина и женщина после смерти всё пытаются найти друг друга. Но не могут, поскольку думают, что умер лишь второй в их паре.

Под занавес все хлопают. День давно перерос в вечер, несмотря на усталость в ломящихся ногах, Сергей очень рад проведённому времени. Из зала крабом выползает Уолтер с затёкшей спиной.

– Мне понравилось. Действительно неплохо, – сообщает англичанин уже поджидающим его у выхода Сергею и Юрию.

– А вам как? – несколько заискивающе спрашивает Юра, заглядывая Сергею в лицо.

Тем временем Уолтер, не давая произнести ни слова, продолжает высказывать своё мнение:

– У современных поэтов действительно есть будущее. Да это и модно сейчас – солдат, а ещё когда он будет с фронта! Должно стать хорошей эмблемой для его продвижения! Да и для авторитета армии!

– Сергей, так что вы думаете? – повторяет вопрос Юрий.

– Если этот старый попугай замолчит хоть на секунду, я смогу похвалить твоего приятеля. Я рад, что пришёл. Хотя, конечно, до классиков ему ещё нужно подтянуться.

– Но для его возраста неплохо? Ведь верно? – вспыхивает счастьем Юрий. – Я так рад, что вам понравилось!

Уолтер вновь переключает диалог на себя:

– Ему нужно сделать свой канал и читать стихи там! Понимаю, это старомодно, но так многие начинали. Поверь, я кучу лет в рекламе. Хочешь, я подскажу ему, как это лучше сделать? – произносит англичанин, подбоченившись.

– Не знаю, я слышал, что там сейчас всё сложно, конкуренция дикая. Из-за ранжирования популярных тем.

– Ранжирование – отличная вещь! – Уолтер оживляется ещё сильнее. – Когда была полная свобода выбора, люди терялись, а сейчас ты смотришь то, что тебе правда интерес-

но. Алгоритм подбора в ранжировании просто невероятен! С интуитивными составляющими и полным штатом аналитиков и телепатов.

– В любом случае это нужно делать не раньше чем через две-три недели. Когда обезьянка упадёт с вершины, – парирует Юрий с тоской.

Сергей плохо ориентируется в этой теме, поэтому решает уточнить:

– Что за обезьяна?

– Шимпанзе, одетый в детскую одежду, на гравитационном скутере разъезжает под весёлую песню, в которой поют: «Шимпанзе на гравитационном скутере». Этот ролик уже неделю забирает весь бесплатный трафик. А платный трафик мой приятель не потянет, – грустно заключает Юрий. – Хотя шимпанзе действительно забавный, – добавляет он. А затем оживляется, обращаясь к Сергею: – Хотите посмотреть?

– Отстань от меня со своей макакой. Я что, идиот? Неужели и через сто лет люди по-прежнему будут тратить своё время на просмотр шимпанзе в детской одежде, разъезжающих под забавную музыку?

– Так его повсюду крутят, неужели вы не видели? – Юрий удивлён, и в его вопросе звучит извинение.

– Нет, – отрезает Сергей.

– Кстати! А напишу-ка я курсовую про интуитивную составляющую каналов в Сети, – оживляется Уолтер. – Отлич-

ная тема!

«И правда отличная», – думает Сергей с сожалением, что не ему эта идея пришла в голову.

– Я побежал писать, пока запал есть! – с воодушевлением сообщает Уолтер.

– Мне тоже пора, – кивает Сергей.

Быстро попрощавшись, старики отправляются в сторону своих белых клеток. Юрий остаётся с ребятами, его ждёт молодой и полный эмоций вечер. Уолтер недоволен темпом движения Сергея и вскоре оставляет того одного.

Неплохие стихи погружают Сергея в себя, заставляя возвращаться к реальности лишь в моменты волнения об экзаменах. Перед самым входом в здание старик замечает недавнего инженера, секунду колеблется, подходить ли к нему, но настроения нет. Сергей лишь кивает, получая кивок с расслабленной улыбкой в ответ, и ныряет в расплзшиеся сияющие двери.

Помещение с длинными коридорами. Приятный пол и мягкие тапки-кеды, практически поглощающие звуки шагов. Предчувствуя рабочий вечер в одиночестве, Сергей начинает несколько грустить. До приёма следующего креста ещё так много времени! Ничему не спасти старика от этого настроения.

Развалившись на кровати, Сергей выискивает в доступных библиотеках информацию по шторке от Бога. Устройство каждого такого прибора одинаковое, а дизайн Сергей

выбирает оригинальный – такой себе огромный лист клёна. Поскольку информации не очень много, старик пытается её чем-то дополнить. Разведение текста общими фразами делает тот всё более жидким, так что Сергей решает включить в работу расчёты. Это может стать большим плюсом. Но расчёты нужно переделывать исходя из его личных начальных параметров. Это значит, что делать их нужно самостоятельно. Через два с половиной часа Сергей чертовски устаёт и бросает недоделанную курсовую. Хорошо, что он вообще за неё сел. Старик валится на кровать. До креста ещё полчаса. Если сейчас перестать что-либо делать, он останется один на один с собственными ночными мыслями о семье. В последнее время Сергей открывает всё больше граней в таком ощущении, как разлука. Как нелепо было давать этому чувству одно общее слово для названия!

Старик залезает в терминал вновь и смотрит чёртов ролик про шимпанзе. Улыбается. У него мелькает мысль: а что, если все остальные люди смотрят этот ролик с тем же чувством, что и он? Открывают лишь затем, чтобы отвлечь себя от жизни. Тогда все люди невероятно одиноки, а этот шимпанзе... Нет, не так: а этот шимпанзе – шимпанзе Одиночества. Единственный шлюз между человеком и той хлещущей пустотой, которую так усердно выбривают все годы войны. И на пустых местах, порезанных, – там никого. Человек сам, именно с той гранью разлуки, когда понимаешь: даже обратиться или позвать... ты просто не имеешь права.

Сергей скатывается с кровати и принимает крест.

Глава 2

Лопата Жени натывается на кусок металла. Он начинает лихорадочно откапывать свою находку. Значительная яма почти полностью скрывает сутулого человечка на тонких конечностях. Тяжёлое дыхание сквозь давно грязную маску. Мужчина приседает и очищает найденное нечто от земли руками в двух парах дырявых перчаток, одни поверх других. Под грязью обломок приклада.

Ничего стоящего.

Женя садится на дно и облакачивается о черенок лопаты.

Ничего стоящего всю неделю. Достает и выкидывает на склад таких же копеечных находок рядом с ямой. По крайней мере, можно сдать на металлолом. Женя с тяжёлым сердцем думает о синтетическом бульоне, на две трети разбавленном водой. Это то, что сегодня ему предстоит получить на ужин. И то же сделать для мамы. Она его снова будет изводить. Как он всё это ненавидит! Эту вечную нищету. Чёрные тучи превращают воздух в парилку, и человек вынужден стирать грязным рукавом пятнышки пота со лба. Встаёт: время продолжить раскопки. Женя думает, что у него есть шанс найти другие куски орудия. Может, даже целые детали.

Их городок стоит на холме, закрывающем от сильных бурь. С почвой тоже повезло: тот кислотный яд, который протекает на равнинах, тут не задерживается. Можно спо-

койно сесть, не нужна специальная обувь. Или вот – копать.

Лопата натывается на что-то ещё. Если бы это была мина! Женя продал бы её и смог бы жить месяц, не заботясь о будущем. Какая же это мина? Наверняка будет бессмысленный хлам. Заговаривая удачу, Женя делает вид, что ничего от неё не ждёт.

Ещё один бесполезный обломок древнего ружья! Мужчина чертыхается и пинает ногой край своей ямы.

На заднем плане раздаются радостные покрякивания. Женя выглядывает и видит проклятого пухлого Джо. Мерзкий, гадкий, мелкий тип. Купил территорию рядом с Женей у местных заправил. Выкапывает оттуда вечно что-то и радуется.

Все! Все в округе знали, что Женя тогда копил на этот участок. И, если бы его мать была чуть менее требовательной, участок уже был бы его. А теперь он вынужден терпеть насмешки этого подлеца.

– Чего? Нашёл что-то? – не выдавая своей ненависти, с улыбкой спрашивает Женя у Джо.

– Ах-ха! О да! Смотри! – Джо показывает бесформенный кусок металла. – Генератор! Знаешь, сколько это стоит?

Женя не может отсюда разобрать, что это и сколько оно может стоить, но он сгорает от зависти.

– Да, делишки у меня неплохи! Отличное место! А у тебя как, соседка? – мерзким радостным голоском продолжает Джо.

– О! У меня тоже день сегодня удачный. Смотри! – Женя залезает в яму, отрывает кусок бесформенной хламиды, в которую одет, и заматывает в него кусок ружья. Выбирается, снимает защитную повязку, растягивает лицо в самой счастливой улыбке. – Вот! Это будет сегодня мой кусок белого мяса! – Радостно трясёт.

– О-о-о! – глупо сложив свои крупные губы, тянет Джо. Вечно он звуками общается. Что за тип! – Поздравляю-поздравляю.

– И я тебя, соседка, – радостно отвечает Женя.

Настроения нет, впереди только крошечная темень ночи. Пора собираться. Женя сваливает свой металлолом на тряпку, заворачивает и взваливает на спину. Машет на прощание рукой Джо и направляется в сторону дома.

Тяжёлая ноша и привычный пейзаж.

Вскоре начинаются сколоченные из кусков битых камней и завалов расплавленного асфальта разнообразные постройки их городка. Или посёлка? Когда Женю спрашивают проезжающие по дороге челноки, он им всем отвечает, что это мелкий городок. Чёрные коробки контейнеров, крошечные юрты или низкие крыши землянок ютятся вокруг небольшого реинкарнатора и источника фильтрованной воды. Всё это ему осточертело! Мужчина кашляет – давно пора поменять повязку, но денег нет. Хорошо, что ветер несёт из Порты чистый воздух. Или Женя просто убеждает себя в этом? Там у них стоит самый настоящий очистительный завод. А тут –

только слабые отголоски. Но лучше, чем ничего. Женя погружён в размышления о круговороте тех жалких копеек, которые он умудряется заработать, раскапывая окраины Красной равнины. Археологи уже давно выкопали всё стоящее тут и перебрались на сами Красные Пески. Вот бы ему попалась мина! Может, он собрал бы все пожитки и уехал так далеко, как только можно. Но мать... Её оставить нельзя. Да, именно в ней причина!

Женя отпирает рыжий, собранный из битого стройматериала и глины домик. Тёплый жёлтый свет от практически вечных грибных ламп, в нос врзается запах человеческого жилища. Сваливает металл при входе.

– Ты? – старческий голос из груди мятого рванья.

– Я. – Уставший за день Женя снимает повязку. – Меняла сегодня фильтр на окне?

– Если надо, поменяй сам. Я в этом доме много не дышу.

– Я целый день рою эту проклятую всеми грязь! Устаю, как... Могла бы и поменять.

– И что, нарыл что-то, копатель? – В голосе звучит сарказм.

Женя молчит. Садится на старый, с расползающимися ножками стул, стягивает прохудившиеся в нескольких местах ботинки. Огромная, предназначенная для защиты ступни от повышенной кислотности подошва стёрта почти наполовину.

– Что молчишь? Рабочник!

Женя ненавидит это, он чувствует несправедливость упрёков. Ему кажется, что он постоянно работает и единственный что-то делает для этого дома. Он тихо стучит кулаком по стене.

– Если бы ты был мужиком, а не говном, давно бы уже отправился на Красную равнину. Просто боишься боли, вот и всё. Жили бы нормально, жрали бы что-то получше синтетического бульона. У аборигенов бы мясо ментотараканов купили. Или даже синтезированное. Вот чем ты будешь меня сегодня кормить? Постарайся что-то придумать.

– Ты же знаешь, у нас ничего нового не появилось! Продам хлам, что сегодня выкопал, может, будет тебе на медовицу. Ты же любишь медовицу?

– Когда это ещё будет?! Сколько я могу терпеть эту горячую воду на завтрак и ужин? Ты видел, что Жанке муж приносит? Видел?

Женя старается не встречать. По тону слышно, что мать успокаивается, главное – успеть в этот период времени протолкнуть ей синтетический бульон. А потом ретироваться в какой-нибудь угол. Крошечный домик практически оставляет Женю без личного пространства. Где взять деньги на медовицу? Нужно завтра постараться найти что-то получше. И желательно с самого утра. Реально ли это? Женя гонит от себя эту мысль. Нужно просто прожить ещё один день. Ещё одну бессонную ночь. Холод накрывает их городок.

Мать ужинает и засыпает. Женя допивает остатки пита-

тельной жижи из пластмассовой упаковки. Их блок супов давно подходит к концу. Как он потянет это всё купить? Непонятно. В идеале не нужна им медовица. А нужен новый фильтр. Но матери всё равно. Она чересчур любит сладкое. Она не всегда была такой, это болезнь таза всё усугубила. Женя хочет наорать на неё, ответить чем-то на все свои мучения. Но вместо этого он тихонько бросает в угол пластмассовую чашку. В сердцах, так сказать. А затем трусливо проверяет, не разбудил ли этим грозную женщину. Что он за человек? Стараясь не шуметь, надевает серую повязку, натягивает привычные ботинки. Потерпите ещё, пожалуйста. Он обязательно найдёт что-то стоящее!

Выходит, впереди тянется дорога. Иногда ночью по ней ползут огоньки – вереницы челноков или мусорщиков. Все они тянутся в Порт – город на краю Красной равнины.

Красная равнина – это местная достопримечательность. Если где-то ещё сохранились достопримечательности. Говорят, это был источник Катаклизма или военная база. Кто-то говорит, что тут происходило огромное сражение, спровоцировавшее волну. Женя не знает. Одно точно: на самой Красной равнине и вокруг большие скопления искажений и различного древнего хлама. За одно и второе отвешивают крупные суммы. Женя размышляет, смог бы он попасть на равнину, стать успешным археологом. Сейчас это слово приобрело несколько иной оттенок. Он смотрит в чёрное небо. Давно бы покончил с жизнью. Или силёнок бы не хватило? Пра-

ва ли его мать?

Сама Красная равнина – это пустыня алого песка, который вруны считают какой-то преобразованной кровью. Что интересно, на ней отсутствуют реинкарнаторы. Женя пытается представить себя с гигантским автоматом за плечами, бредущим с горой находок в рюкзаке. Что бы тогда она сказала? А? Повернулся бы у неё тогда язык?

Он бы тогда покупал медовицу себе.

Завтра тяжёлый день. Нужно идти спать. Женя отправляется в дом. Печь тлеет возле горы грязных тряпок, среди которых спит его мать. Он занимает место напротив, максимально отдаляясь.

Утро.

Мать ещё спит. Женя думает, что можно было бы стать алкоголиком. Говорят, это помогает забыться. Но мама ему не разрешит. Как-то он пришёл подвыпив. Она устраивала ему скандалы ещё три дня. Оно того не стоит.

Женя заливает в себя горячую похлёбку. Наливает порцию матери. Осторожно трогает её за плечо. Пока она сонная, быстро одевается, хватая сваленный в кучу металл и выходит из дома. Он не выспался, настроение ужасное. Женя ненавидит всех вокруг и себя ещё сильнее, чем обычно. Это всё они виноваты! И Джо, это всё он! Этот замечательный участок должен был принадлежать Жене.

Тощий человек, выкатив бёдра вперёд, сутуло идёт к пло-

щади с реинкарнатором в центре городка. Женя вновь смотрит на дорогу. И в небо. Куда ему теперь бежать? Интересно, скольким ещё людям, как ему, хочется издохнуть прямо на месте?

Но ничего не выйдет.

Серое искажение реинкарнатора окружено белым кирпичом. Рядом гора грязной человеческой одежды. Жене нужны мусорщики. Аборигены тоже скупают металлолом, но обычно меняют его на свои товары. Жене сейчас такое не подходит. Мусорщики – основные поставщики товаров по всей пустыне. Огромные, сбитые из когда-то молодых столбиков дерева чу-чу раскладки сейчас практически пусты. Из-за размера пропустить их невозможно. По мере приближения всё чётче видно изъеденное пустыней и временем дерево. Фигура в дорожном пыльном плаще уже ждёт путника с металлоломом.

Мусорщик – обмотанный грязными бинтами, скрывающими все выступающие на поверхность участки плоти. Отсутствует правый глаз. Женя особо не задаётся вопросом «почему?». Ему многое в этой жизни безразлично. Но он слышал, что это часть религиозных взглядов или условие принятия в клан. Что же это за клан, что нужно где-то свой глаз оставить? Женя устало сваливает перед мусорщиком хлам. От нечего делать он бесстыдно пялится на замотанное в бинты худое лицо. Грязные полоски ткани делают мусорщика похожим на какую-то куклу болеющего человека. Вы-

даёт его только живой, двигающийся глаз с потёками свалывшейся пыли в углу.

Мусорщик достаёт деньги и отсчитывает Жене довольно честную сумму. Несмотря на это, Женя начинает хныкать, упрашивая повысить вознаграждение. Ему сейчас не до выбора методов. Мусорщик игнорирует его потуги, молча забирает металл иссушенными ручонками и скрывается в глубине раскладок с ящиками.

Женя в сердцах пинает врытый деревянный столбик, быстро разворачивается и уходит. Чтобы не получить от охранников. Вдруг им что-нибудь взбредёт в голову.

Пока утро, нужно успеть хоть что-то выкопать.

К своей яме он добирается почти одновременно с Джо.

– Ну что, с началом тяжёлого рабочего дня вас, соседка? – приторно приветствует его мерзавец.

– И вас, – огрызается Женя и скорее прыгает в яму, чтобы не видеть радостное лицо с этими сочными губами. И чего он без маски ходит? Или нравится от химического отравления каждый раз умирать?

Потая и чертыхаясь, Женя продолжает раскопки. У него есть своя система, и Женя уверен: скоро ему должно повезти. Шансы растут с каждым днём!

К концу дня настроение пропадает полностью. Женя ничего не нашёл. Вообще. И жрать хочется невыносимо. Одним бульоном сыт не будешь. Он больше не может это терпеть. Стараясь не шуметь, Женя выбирается из ямы так, что-

бы Джо его не застал. Чёрные с прослойками ярко-жёлтого тучи красиво покрывают небо. Женя возвращается в город. Центр оживлённо бурлит чахлыми остатками жизни: несколько человек что-то продают мусорщикам. Женя заглядывает к аборигенам и покупает у тех пару лепёшек. Уходят все деньги, заработанные вчера. А фильтр на окно? О медовице не может быть и речи.

Вымотанный за день, Женя воровато съедает одну лепёшку.

В тихом одиночестве бредёт обратно, перебирая лихие мысли. К вечеру температура значительно падает, и пальцы в дырявых перчатках приходится кутать в вонючие тряпки.

Добравшись до дома, почти час Женя мнётся перед дверью. Страх мешает вернуться. Он хочет как можно меньше времени провести в этом проклятом гараже. Ближе к ночи Женя слышит из строения режущий сердце плач своей матери. Собравшись с силами, он отпирает дверь и молча заваливается в дом.

– За что ты меня так ненавидишь? Что я тебе такого сделала? Наверно, и медовицу не принёс? – голосит нечто грязное, протягивая кривые руки из горы хлама.

– У них не было медовицы. Я купил тебе лепёшку. Сам вот ничего не ел ещё. – Женя трусливо протягивает продолговатый хлеб гряде тряпья. Оттуда вырывается рука и грубо бьёт его по запястью. Лепешка летит в угол комнаты.

– Убирайся со своей подачкой! Ты не сын, а кусок дерьма!

Что ты за мужчина, если не можешь позаботиться о своей матери? Как мне с тобой не повезло!

Женю пожирает обида. Он на четвереньках пробирается в угол и подбирает испачканную, но такую заманчивую лепёшку.

– Дай сюда! – повелевает властный голос из тряпок. Женя с сожалением отдаёт. – Убирайся из дома! Сегодня я хочу ночевать тут одна.

Человек в рванье покорно выходит из маленькой груды стройматериала, который можно назвать хижинкой. Он с силой пинает кусок асфальта и пробивает себе ботинок ещё в одном месте. Садится на уступ, хватается за голову. Ему совершенно не интересно, что делать дальше. Он давно застыл в «сейчас». Как и этот проклятый стареющий мир. Женя погружается в пучину своего несчастного положения и бродит там ещё около двух часов.

Словно очнувшись, он понимает, что зверски замёрз. Ночной холод и сидение на одном месте практически обездвижили его ноги. Мужчина встаёт, немного растирает голень, мочится, помогая себе негнушимися ледяными пальцами, и заходит в спящий дом. Тихо, чтобы никто не проснулся, Женя залезает под вожделенную грудку воняющего тряпья, заменяющую ему ложе. Тепло и дневной труд мгновенно его отключают, позволяя встать только часам к десяти.

Сегодня будет его день! Но сначала нужно принести хво-

роста для самодельной печки, выменянной в хорошие дни у аборигенов. Печь собрана хитрым способом и выпускает весь яд пережжённых веток наружу.

Женя выбирается в ссохшийся палисадник рядом с городом. Холмы битого камня – говорят, это остовы древних многоэтажек – высятся среди высохшего и выгоревшего насаждения деревьев чу-чу. Далеко забредать опасно, поэтому Женя на скорую руку нахватывает небольшую вязанку, осторожно озираясь по сторонам. Наконец непонятный шум спугивает его. Чёрт с ним, не хватало ещё неделю провести в реинкарнаторе.

День он встречает возле обломков моста. Словно кости огромной рыбы, топорщится тот иглами арматуры, подсвеченный зеленоватым горизонтом. Какие-то очередные химические испарения добавляют сказочности бредущему оборванцу с грудой палок за спиной. Ветер гонит с равнины красноватые вихри, заставляя человека сильнее прижимать повязку к лицу. Вот бы накопить на защитные очки!

Придя к яме намного позже обычного, Женя неистово бросается копать. Но к вечеру все его усилия заканчиваются ничем. Женя готов выть от безысходности. Что делать? Никто не одолжит ему денег! Подходит к концу даже запас упаковок супов.

На следующий день всё повторяется. Только у матери хватает сил, чтобы на него орать. Женя начинает больше времени проводить в яме, лишь бы не сталкиваться с этой жен-

щиной так часто. За неделю он выкапывает всего несколько жалких кусков металла. Приходится сокращать свой рацион почти в ноль. Дни тянутся одинаково: мужчина встаёт, приносит хворост или ведро мутной воды, а затем до самого вечера роет яму. Позднее возвращение, стоны и ругань матери (как она только держится?) и апатичный сон.

В четверг Женя делит последнюю половинку супа на две пластмассовые миски. А к вечеру его яма вновь пуста. Такое уже было. Так бывает. Вот что он твердит себе. В прошлый раз после подобного простоя он нашёл мину. Будет ли так же? Наверняка!

Мужчина добредает до проклятой ямы. Джо уже роет. Ну и пусть. Женя забирается в вытянутый котлован. Огромное количество его усилий, превратившихся в отсутствие земли. Забирается и садится на землю. Он сидит так около четырёх часов, ничего не делая. Сил почти нет, но причина не в этом. Ему страшно копать и вновь ничего не найти. Не найти свою мину. Что, если и сегодня снова ничего? Ответа нет.

Он смотрит в небо. Просить или проклинать? Вот что он пытается понять. Хотя он уже просит и уже проклинает. Эта мысль отрезвляет.

Женя берёт лопату и неистово вгрызается в землю. Всё по системе, идеальный расчёт. Сегодня он не совершит ни одной ошибки. Сегодня у него нет на них права.

К вечеру Женя находит один кусок защитной пластины.
Один.

Смешно.

Женя и вправду начинает хихикать. Ничего забавнее в жизни он не встречал, готов поклясться. Он затыкает рот грязной рукой, пытаясь не привлечь Джо, но смех вырывается хриплыми похрюкиваниями. Один кусок защитной пластины. Теперь-то он спасён.

– Так Ты думаешь? – спрашивает он у неба. – За дело ли человечество получило то, что оно сейчас имеет? – Женя не знает, но знает, что он лично ничего Ему не сделал. Ничего плохого. Мужчина складывается пополам и хочет рыдать. Но почему-то у него не получается.

Женя собирает вещи, берёт свою находку и отправляется домой. Мысли просто испаряются из его головы, он бороздит подсознание. Перед самым домом словно кто-то дёргает рычаг, и Женю пробивает страх перед матерью. Острее, чем обычно, он парализует его, держащегося за кривой гвоздь, служащий ручкой.

Не в силах войти, Женя садится возле двери. Дырявые ботинки морозят его ступни, мужчина жалко жмёт ноги одну к другой. Острой иглой сознание вновь пронизывает отчаяние.

Внезапно на дне этого неистового отчаяния рождается мысль.

Джо. Это всё он виноват!

У Жени даже начинает дёргаться нижняя губа. Как он его ненавидит! Он забрал его кусок земли. Все знали об этом!

И он не мог не знать. Женя берёт деревянную лопату и тихонько пробирается по городку обратно к своей яме. Вернее, к яме Джо.

Да. Это будет выход. Он просто возьмёт немного из того, что ему и так причиталось. Джо просто не оставил ему выбора. Он сам виноват.

Женя представляет, как принесёт матери завтра две медуницы. Что она тогда скажет?

Нужно быть начеку. Совсем не хочется встретить какую-то злополучную шайку, которая будет мучить и убьёт его только к рассвету.

Женя добирается до ямы. Тут всё знакомо, как свои пять пальцев, но кромешная темень ночи усложняет задачу. Он достаёт лопату и вонзает в грунт. Пальцы, даже в перчатках, чувствуют холод черенка. Внезапно Женя понимает, что недалеко от него идёт какая-то возня.

Верный попутчик – страх – поднимает волоски на его теле и наполняет ноги ватой. Всё-таки он ненавидит боль. На животе Женя выползает из ямы. Шум на секунду замолкает. Женя, практически не дыша, застывает. Звук возобновляется. Женя собирается ползти так далеко, как только выйдет, но что-то заставляет его остаться на месте. Этот звук – он идёт со стороны ЕГО ямы. Немного поколебавшись, человек начинает двигаться навстречу странному шуму. Кто-то роет его яму! Женя понимает это, в нём начинают расти злость и обида. Кто-то по ночам лазит и роет его яму! Как он рань-

ше не заметил? Вот почему в ней никогда ничего нет! Конечно, кто-то крадёт всю его удачу. Обида и жалость к себе сжирают человека изнутри. Он примеряет к руке лопату, а холод, пожирающий тепло с трущегося об землю живота, почти не способен его сейчас взволновать. Осторожно подбираясь к краю, Женя замирает. На дне ямы крошечная темнота. Разобрать что-то невозможно. Но есть лёгкое фосфоресцирующее пятно. Разгадка приходит довольно быстро: мужчина на дне ямы снимает с пятна тряпку, и это оказывается грибная лампа. А грабитель – Джо. Мелкий, мерзкий, ужасный гад! Женя не может найти слова ненависти для этого типа. Тот открывает лампу только на секунду, видимо, сверяя курс своих раскопок, но не желая привлекать внимание, и возвращает тряпку на место. Женя не может сдержаться – с ужасным воплем бросается на подлеца, пытаясь осыпать градом ударов. Джо в ужасе оборачивается, лампа с грибами падает, рассыпая мягкие светящиеся куски вокруг. Он пытается закрыться руками, кажется, это стоит ему пары сломанных пальцев.

– Ты-ы-ы! – только ужасно тянет Женя, слов у него нет.

– Подожди, нет! Я только сейчас, я никогда раньше!

– Не верю! – Женя начинает бить Джо лопатой вновь. Получая рассечения и забившись в угол, грабитель начинает хныкать. – У. Тебя. Же. Куча. Находок, – сопровождая каждое слово ударом и паузой, выкрикивает Женя.

– Не-е-ет! – рыдая и надувая пухлые губы, в ответ воет

Джо. Женя в удивлении замолкает. – Я нахожу только жалкие куски металла. Даже повязку купить не могу. А ты всё время что-то откапываешь! Везунчик. Я не мог тебе в этом признаться! – хнычет, размазывая кривыми пальцами по лицу кровь и грязь, Джо.

– У меня тоже ни хрена нет! – в сердцах выкрикивает Женя.

– Так что же ты тут делаешь среди ночи?

Словно подбитый, Женя стоит и молчит. Его лопата немного опускается. Ошарашенный догадкой, Джо с обидой шипит, глядя в лицо противнику:

– Ты? Ты пришёл копать мою яму! – он пытается вымолвить что-то ещё, но его жирные губы только вертятся в круговороте ненависти. На глазах выступают новые слёзы обиды. – Ты-ы-ы! – Теперь Джо тянет свою речь. Его рука в темноте нащупывает откопанный кусок металла. Он хватает его ещё целыми пальцами правой руки и вонзает снизу вверх прямо в живот Жене. Люди сцепляются, катятся по дну ямы, но минуты одного из них сочтены. Скоро в изнеможении они замирают. Женя с ненавистью пожирает в темноте глазами фигуру рядом, пока его живот набит сгустком ужасающей предсмертной боли.

Человек умирает.

Яркая белая вспышка. Сначала непонятно, кто ты и что ты такое. Люди и предметы вокруг не имеют смысла, только вращающееся небо. Лёгкая эйфория с тошнотой приводит

Женю в себя. Он привычно садится в пыли реинкарнатора, постепенно вспоминая всё случившееся. Интересно, сколько прошло дней? Обычное время, которое нужно для возрождения в реинкарнаторе, – около семи дней. Женя надеется, что прошло не больше двух-трёх. Иначе мать его убьёт повторно. Чёртов Джо! Ничего, он ему ещё отомстит. Теперь это война!

Первым делом Женя проверяет тряпки на себе. Всё, кроме ботинок, сносно. Что делать? Он с усердием забирается в гору одежды рядом с реинкарнатором. Отрывает кусок от одной рубашки, делает себе подобие маски. Спустя полчаса поисков рядом с ним возрождается какая-то непонятная женщина с пропитым лицом. Женя с вождением провожает взглядом её ужасную фигуру. Он не был с женщиной уже более трёх лет. А вот и ботинки. Даже, может, лучше, чем были его. По крайней мере, подошва выше. Женя быстро хватается за свою находку и, не оборачиваясь, скрывается за ближайшим скоплением домиков. Не хватало умереть вновь. У него есть дело – Джо. Он должен отомстить этому мерзавцу. Полный сил и решимости, Женя отправляется домой: сначала отчитаться матери. Как она справлялась всё это время? Голодала? Ноги-то у неё не слушаются нормально.

Стремительно добравшись до дома, Женя думает, что и сам бы не против поесть. Их запасы синтетического бульона давно должны были иссякнуть. И лопаты больше нет. Без стука он вламывается в дверь. Он был в настоящей драке!

Пусть мать об этом знает!

В груди тряпья посреди комнаты сидит неопределённых размеров старуха и жуёт изделие аборигенов из мёда ментоножки. Женя застывает в удивлении. Кажется, ему удалось удивить и свою мать.

– Откуда? – просто спрашивает человек, указывая на медовицу.

– Тебя не было! Что мне было делать? – Мать пытается сказать это грозным голосом, но у неё не выходит.

– Откуда, мама?! – капризно орёт Женя.

– Ну, я знала, что ты рано или поздно погибнешь там. Оставишь меня одну. Так что пришлось прятать понемногу твой металл. Чтобы прожить в экстренном случае.

– Ты у меня воровала?! А прятала, наверно, под свой хлам? – Он хватается за голову. – Что ты... Как ты? Жанке продала за бесценнок, наверно?!

– Надо лучше обо мне заботиться! – виновато огрызается мать.

Женя хлопает дверью и выбегает на улицу. Ходит взад-вперёд перед домом, пиная периодически стоящий рядом валун. Постепенно у Жени в голове рождается план. Ничего. Он им всем покажет! Всем отомстит!

Утренний энтузиазм вновь переполняет человека. Теперь он не может дожидаться ночи.

Убивая время, Женя бесполезно слоняется по городу. Пустой желудок не даёт ему возможности спокойно осесть в ка-

ком-то одном месте. Словно абориген по мусоркам, он шляется повсюду, лишь к вечеру возвращаясь домой.

Женя осторожно заглядывает сквозь одному ему известную щель в комнату. Мать посасывает остатки медовицы, бросая вороватые взгляды на дверь. Жене всё время кажется, что она способна увидеть его и за ней. От этого сводит и без того пустые кишки. Сколько можно сосать эту чёртову сладость? Она же не вечная.

Через полтора часа (наконец!) мать засыпает. Отлично.

Женя проскальзывает в комнату. Осторожно поддевает палкой тлеющую печь. Это будет её расплатой. Ничего, переживёт. Посмотрим, как ей это понравится! Хотя, конечно, это будет лишь временной мерой. Когда он выкопает мину, купит намного лучшую печь. Не коптящую так ядом. Он слышал, аборигены даже могут сложить её из камней.

Мужчина выбирается из дома и вываливает угольки на землю. Посыпает содержимое печи песком. На таком холоде она скоро совсем остынет. Женя всё равно не рискует брать её, даже тряпкой. Надёжней продеть палку. Он спешит на площадь к реинкарнатору. Сегодня ноша тяжелее обычного. Возле деревянных раскладок его встречает мусорщик. Тот же или нет, понять сложно. В нетерпении Женя обменивает печку на пачку супов, новый набор повязок и тупой, но большой нож. Теперь очередь Джо! Он у него получит. Получит, как от настоящего мужчины. Теперь он вырос. Он практически воин. Особо не таясь, Женя идёт по ули-

цам к берлоге Джо. Так вышло, что в маленьком городишке несложно знать, кто где живёт. Тем более где живёт такой прохвост, как Джо.

Ближе к его норе Женю пробивает лёгкий страх. А что, если Джо его ждёт? Опасаясь каких-то уловок, Женя делает крюк и надёжно прячет набор супов и повязок в своём тайнике. Удостоверившись, что всё хорошо, он возвращается к дому Джо. И вновь Женю начинают грызть сомнения. А что, если тот сейчас роет их ямы? Сам, в темноте. Обида трясёт Женино тело. Нет, тогда он сядет и будет ждать этого гада в его тёмной комнате. Как мститель. За всё, что тот сделал!

Добравшись до хилой лачуги, Женя понимает, что в ней нет окон. Понять, есть ли там кто-то, невозможно. Значит, Женя будет его караулить тут. Несмотря ни на что. Через час, околевая от холода и голода, Женя почти готов сдаться и идти домой. Но удача всё-таки становится на его сторону. Дверь натужно открывается, выпуская из дома сгорбившегося чёрного человека, роющего в лохмотьях, чтобы справиться нужду. Движения его медленны и нечётки. Женя срывается с места, и... на миг онемевшие колени подводят его, подгибаясь. Чёрный человек замечает тень и делает попытку захлопнуть дверь. Женя, сам себе представляясь ураганом, успевает остановить Джо. На самом деле попытка того слишком вяла, чтобы иметь успех. Человек с ножом наваливается на чёрного человека и продавливая его в дом. Оба падают

на пол. Женя видит белое лицо Джо с пятнышками крови на пересохших пухлых губах, язвы и выцветшие остатки волос. Химическое отравление и лучевая болезнь. Мучительная смерть с последующим перерождением – вот что ждёт Джо. Оба понимают это. Но Женя пришёл не для этого. Он желает почувствовать себя победителем.

– Ну что, что ты теперь мне скажешь? – Джо молчит: видимо, падение доконало его. – Кто теперь сильнее? Кто тут теперь настоящий мужчина? – Не дожидаясь ответа, Женя подносит к свету свой нож. – Этот ножичек, видишь, он для тебя. Так будет с каждым, кто зайдёт на мою территорию. Заруби это себе на носу. Заруби! Понял? – Женя сам смеётся над своей «шуткой».

Помахивая ножом, он смотрит на Джо. У того в глазах нет ничего, кроме усталости. Женя примеряется и с силой вонзает свой тупой нож врагу в живот. А затем ещё раз. И так много раз подряд, хотя человек под ним уже мёртв. Затем Женю тошнит. Он блюёт на пол. Проходит ещё полчаса, и тело убитого начинает серебристо светиться, проваливаясь сквозь землю и растворяясь в ней. Нечасто наблюдая это, Женя проводит сквозь него рукой, встречая слабое сопротивление. Немного придя в себя, человек с ножом решает обыскать дом. Но в помещении ничего не оказывается. У Джо совершенно ничего нет, кроме такой же горы мусорных тряпок. Тем не менее Женя забирает кривой бесполезный табурет. Опустошённый, он отправляется домой. Что

ему теперь делать? Ночевать на улице страшно. И так же страшно увидеть мать. Она убьёт его. Но ей стоит его понять. Он защищал её и свою территорию. Устав тащить бесполезный табурет, Женя его просто выбрасывает. Делает пару попыток поломать, чтобы никому не достался, но табурет на удивление прочный. Оставив эту затею, в своём странном состоянии продолжает путь домой.

Женя делает крюк, желая забрать спрятанные пакеты с едой и повязки. О да, он настоящий самец. Его плечи вновь наливаются силой, когда он видит свои трофеи. Повинуясь минутному порыву, Женя сгребаёт купленные предметы и направляется к старой Шалине.

Уже перед рассветом он добредает до необходимого заведения. После пары минут неистового стука Шалина открывает. Обвешанная бусами и всевозможными индейскими амулетами старуха с изрытым, словно пересохший каньон, лицом.

– Чего?

– Я клиент!

– Все клиенты уже или ещё. А ты похож на оборванца.

Плати или вали.

– У меня набор новых повязок и супов. Подойдёт?

– Покажи. – Старуха кривым глазом оценивает товар. – Давай. – Забирает сухой рукой. Оборачивается в комнату. – Нина, работа! – Женя от вожделения буквально не может устоять на месте. Появляется припухшая от алкоголя

и нездорового питания женщина. Когда-то она могла бы претендовать на твёрдого середнячка. Жизнь не пожалела её, но мужчина перед ней неприхотлив. Проститутка берёт Женю за руку и ведёт сквозь хохочущую содомию. Замшелая резная мебель, куски статуй и картины. Всё явно стаскивалось и устанавливалось тут без особого разбора. Станный жёлто-коричневый свет добавляет окружающему оттенок выцветшей грязи. Женя с Ниной минуют две человеческие особи с круглыми стеклянными аквариумами на головах, присоединёнными трубками к дымящемуся устройству. В конце пути Женю ожидает комната, завешанная плешивым красным бархатом. Чётко слышен шум из соседних помещений. Жене кажется, что он попал в сказку о высшем обществе. Чистый воздух от новых фильтров обдаёт его лёгкие блаженством. Уже за одно это он готов отдать чёртовы супы. Пялясь на пышные бёдра, Женя падает с проституткой на настоящую, сбитую из дерева кровать.

– У тебя полчаса, ловелас, – замечает женщина.

Женя справляется намного быстрее. Валяясь и смотря на свой непривычно обнажённый грязный живот, он ощущает себя счастливым королём. Теперь его жизнь пойдёт совсем другим чередом. Он наконец стал чем-то большим! Неожиданно обида и злость поднимаются в нём, и Женя решает рассказать всё женщине, очаровавшей его этой ночью. Он рыдает и жалуется на свою жизнь. Женя даже не против, когда женщина закуривает, портя его минуты чистого возду-

ха. Он ещё никогда не был так свободен. А Нина всё слушает и даже гладит Женю по голове. Ей правда жаль его. Он чувствует это. Наверно, между ними какая-то связь. Женя решает признаться в любви. Он осыпает женщину комплиментами и готов целовать ей ноги. Но гадкая старуха всё портит. Она вламывается и бесстыдно торопит его, говорит, что он ноет тут уже на десять минут больше, чем было позволено. Ей удаётся выгнать Женю, только пригрозив своими громилами. Мужчина собирает пожитки и уходит. Ничего, ему громилы уже не страшны. Он убьёт их всех!

– Я вернусь за тобой, – бросает он Нине, разворачивается и уходит из борделя. Истощённый, но бесстрашный, добирается домой. Холодная комната встречает его приветливой грудой тряпья. Он падает на своё ложе и проваливается в сон.

Утро начинается с рыдающей матери. Женя просыпается, но продолжает плотно сжимать веки. Ему нечего сказать. Старая женщина рыдает навзрыд, ноет и всячески пытается привлечь внимание сына. Пару раз она даже бросает в его сторону пригоршни пыли, заменяющей пол. Наконец, Женя сдаётся и «просыпается».

– Сволочь. Ублюдок. Ты продал мою печь.

– Нашу печь.

– Ах ты ж, скотина! Ты... – Она хнычет. – Ты меня ненавидишь. Хочешь моих мучений? Ты не просто разочарование. Из-за таких, как ты, Бог и проклял нас! – Она тычет

в Женю указательным пальцем. – Ты понимаешь хоть, что наделал?

Женя трусливо молчит. Утром с бравадой почему-то сложнее. Но всё равно то, что было вчера... Ему уже не вернуться назад.

– Это ты не понимаешь! Я вырос. У меня появилась женщина!

– Кто? – Мать на секунду замирает. – Кто у тебя появился? А как же я? – Она хватается пригоршни пыли и бросает в его сторону вновь. Жене грозят дьявольские дни, но тут землю сотрясает удар. Затем ещё один. Они с матерью замирают. Женя мчится к окну, поднимает его. Небо на горизонте пылает синим и оранжевым. Вспышки безжалостно пожирают чёрные тучи – пси-буря. Мать в страхе замолкает и закапывается в грудку тряпок. Огромные глаза на старом лице бороздят Женю. Тот в ужасе выбирается из их домика. Неистовый ветер забивается под все полы его рванья и нагоняет песок в глаза. Широким и плоским куском цемента, словно ставней, Женя закрывает единственное окно. Вламывается обратно в комнату, выхватывает из своего ложа клоки тряпок и затыкает ими все щели. Мать парализованно следит за действиями сына. Заканчивая, в ужасе и с интересом Женя выглядывает в крошечную щель у окна.

– Не делай. Не смотри, не смотри, – причитает мать за спиной. Но Женя чересчур любит наблюдать за несущейся волной. Сначала небо рождает на землю огненный дождь. Крас-

ный, словно пылающая кровь. Через пару секунда он начинает тревожно стучать по их выпуклой крыше и ставне. На улице становится светлее, чем днём. Оранжевые с синим вспышки молниями идут к поверхности, оглашая всё страшными раскатами грома. Путникам сейчас несладко. В ближайшие дни реинкарнатор будет ломиться от приезжих. А затем должна прокатиться пси-волна. Волна изменений. Вот с ней лучше вообще никак не контактировать. Женя знает это, поэтому наглухо залепляет окно и закапывается в свою грудку тряпья.

Крошечная версия Катаклизма длится весь день, грохоча на улице и вызывая лёгкие приступы галлюцинаций с паникой в моменты пси-ударов. Женя валяется под тряпками, зная, что любые ужасы, которые он увидит на мгновение в комнате, будут ненастоящими и тем не менее способными ему навредить каким-то извращённым способом. Голод отступает на второй план. Так же, как и сон.

Ближе к ночи всё стихает. Первыми пропадают пси-удары. Последними уходят оранжевые вспышки. Женя выбирается из-под тряпок и провожает огни взглядом.

И тут наружу выбирается новый монстр – пустой желудок. Женя мается, пытаясь как-то совладать с ним и заснуть, но получается плохо. Особенно мешает мать. Он слышит, как та старается бесшумно жевать свои запасы под тряпками. Злость и зависть накрывают маленького человека рядом с ней. В конце концов Женя засыпает в обнимку со своим

ножом.

Утром он спешно выбирается из хижины и отправляется к яме. Заслонку на окне решает пока оставить. По дороге смотрит на нож – как же не хочется его продавать! Жене кажется, что без этого ножа он снова станет тем бесполезным слюнтяем. Не то, что сейчас. Переваривая мысль о новом себе, Женя уже привычно выпрямляет спину и сворачивает прямо на тропу, не скрываясь от возможных грабителей. Давайте, вот он я!

Тем не менее, благополучно сойдя с хорошо просматриваемой дороги, он чувствует облегчение. И даже немного горбится, прижимаясь к спасительной земле.

Яма привычно кажется символом безысходности. Женя думает, пристало ли ему теперь самому рыть жёсткую землю? Может, брать какой-то оброк с Джо? Но этот гад ещё не воскрес. Мечты помогают скрываться от сосущего желудка. К полудню Женя понимает, что сил у него, в принципе, почти не осталось, и тут его лопата утыкается во что-то выпуклое. Бережно, как умеет каждый из их городка, Женя обкапывает находку. Боясь поверить в увиденное, он осторожно достаёт из земли неразорвавшийся снаряд времён до Катаклизма. Ну что?! Съели?! Как вам такое?! Он не знает, к кому обращает свой внутренний монолог. Но Женя уверен, что теперь все они поплатятся. Нина, жди его! Он выкупит её из этого рабства. Женя изрывает всё вокруг, но, похоже, пока это единственный снаряд. Шансы найти второй такой же,

неразорвавшийся, в ближайшем радиусе ничтожны. Его система, все эти мучения – они стоили чего-то! Они дали результат! Или дал результат он сам – похоже, у него теперь всё получается. Это его счастливые часы. Он готов визжать от счастья. Как же он заслужил этот снаряд!

– Что, прикусили язык? – обращается он к небу.

Женя осторожно закутывает тяжёлую находку и отправляется к рынку. Плечи расправлены, нож гордо молотит по бедру. Лучше всем обходить его стороной! Резво шагая по дороге, мужчина распределяет в голове предположительную сумму выручки. Дорогу окружают обломки и продуваемые остовы древних многоэтажек.

Возле самого подхода к посёлку он ясно понимает, что мог бы найти что-то и получше. Ему однозначно не будет достаточно. Это немного разочаровывает.

Горячий удар. Женя падает.

Нелепо изгибая шею и тяжело дыша, он видит двух идущих к нему мужчин в противогазах, один держит длинное самодельное ружьё.

– Нет! Пожалуйста! – Кажется, Женя плачет, он тянет к ним руку. Боль и смерть не так важны. Важна НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ. Это его снаряд! Он рыл его почти два сезона. Каждый божий день Женя шёл в проклятую яму и рыл её в поисках этого снаряда. Ему должно было повезти! Ему – не им! Только не сейчас!

– Умоляю! – Слёзы и сопли текут по его лицу. Не желая

больше тратить патроны, люди медленно доходят до Жени, силящегося переместиться и встать перед ними на колени. Второй из мужчин длинным острым ножом перерезает раненому горло. Женя даже не сопротивляется, а забытьё смерти принимает как возможность не думать о произошедшем.

Белый свет и вращающийся мир. Карусель и хорошее самочувствие с головокружением. Сначала Жене приятно, но затем память возвращается. Словно чёрная вода заливает его сверху, и он просто теряет возможность дышать. Женя хватается ртом воздух и бессмысленно мнёт своё тряпье. Затем приходит злость, он рвёт куски одежды, катается и молотит руками землю. Его лицо чернеет от поднимаемой пыли, только бороздки от слёз и соплей делают его ещё более жалким. Это необычайно веселит пару скупающих охранников рынка. Женя приходит в себя только к полудню, стоя на коленях посреди реинкарнатора с безвольно опущенными руками. Сил нет, а то приятное ощущение, с которым он возродился, судя по всему, было сытостью. Или «не голодом». Уже сказать сложно. Женя берёт себе первые попавшиеся ботинки из кучи и надевает сверху пару новых тряпок взамен испорченных. Мысль идти и рыть что-то в яме вызывает волновые приступы безысходности, смешанной с тошнотой.

Нищета. Вот то страшное слово, которое убивает всё в человеке. Работа ради ещё одного дня.

Женя добредает до дома и падает на свой камень. Тут он проводит время до сумерек, остановившимся взглядом гля-

дя на небо и безвольно опустив руки вдоль тела.

Почему он вдруг решил, что ему может повезти?

Почему он вдруг решил, что в этом мире есть какая-то справедливость? Что-то, кроме невидимой боли, наибольшей для каждого встречного? Или это его персональный ад? Тогда за что? Он ничего плохого не сделал! Ничего! Женя рыдает без слёз. Влаги в организме осталось слишком мало. Его тело просто временами трясёт. Нина! Вот кто поймёт его душу, кто знает, что делать! Она знает, она подскажет.

Сначала на негнущихся ногах, затем всё твёрже и твёрже Женя направляется к борделю. Что он будет делать? Трезвого понимания нет. Словно одержимый, человек добирается до злополучного здания, под завязку набитого крепкими ублюдками. Мужчина жалобно хнычет про себя, утирая нос. Что теперь? Ясно, что без денег сухорукая старуха не пустит его даже на порог. Может, её умолять?

Женя понимает бессмысленность данного действия. Прячась среди невысоких построек, он обходит бордель по кругу. Странное нагромождённое здание вызывает полёт фантазии. Кажется, вот тут должно быть окно Нины. А что, если она сейчас с кем-то? Не с ним! Женю пронизывает ревность. Ничего, они вместе убегут отсюда в Порт. Он станет настоящим мужчиной, мужем ей. Главное – собраться и действовать, самое сложное – первый шаг. Женя с разгона бросается к сооружению – только лишь затем, чтобы трусливо затормозить перед кривой стеной. Торчащая арматура и скрепы

дают лёгкую опору для ног и рук. Взбираясь, Женя смотрит вниз и понимает: можно что-нибудь сломать, упав отсюда. А потом его будут пытать и потешаться, пока не убьют. Он откидывает эту мысль, впиваясь взглядом вперёд. Боль, новая порция её – вот всё, что он сейчас получит. Кажется, он чересчур старается, сжимая пальцы и хватаясь за очередной уступ.

Окно. Женя находит одну из многочисленных щелей. Как-кая-то женщина пьяно возится с тощим мужчиной. Нина? Приступ ненависти.

Нет, это не она. Женя поднимается ещё выше. Ну, хотя бы у него появляется шанс разбиться насмерть. Ещё одно окно, закрытое ставней. Мужчина приподнимает её и видит, как Нина выдворяет какого-то посетителя. Спутанные волосы, голая. Женю пронзают вождление и зависть. Он наваливается на окно, но этого недостаточно. Страх упасть назад прижимает его к стене вновь. Нужно только постучать. Женя осторожно колотит в пластик. Нина, готовая прикурить, слышит его. Чертыхается, приоткрывает ставню.

– Ты ещё что за мудила? – гневно спрашивает женщина.

– Нина, это я! Пусти. – Женя не знает, что добавить.

– Кто – я? – На секунду она заминается. – А, ты тот чудик!

Я вспомнила! – На автомате она начинает открывать окно, но затем останавливается, замерев с сигаретой в отведённой назад руке. – Что ты тут делаешь?

– Я пришёл за тобой! Я спасу тебя, мы убежим в Порт.

У нас всё получится. Давай, поторопись! – шипит Женя в приоткрытое окно.

– Что? Ты охренел? Зачем мне сбегать с тобой?

Женя не уверен, но её искривлённое лицо наводит на мысль, что Нина сердится.

– Ну как же? Как же та искра? Наше пламя любви?

– Что? – Нина глупо открывает рот и сильно выпучивает глаза, крутя шей, странно осматриваясь по сторонам. – Слушай, мне тебя, конечно, жаль, и у тебя куча херни всякой случилась. Но тут всем, знаешь ли, несладко. Времени у меня осталось не так уж и много до... сам понимаешь чего. Так что нужно пахать. И вообще – мне тут нравится, я тут всё знаю. Живу получше многих. Тебя, например.

Женю парализует. Как она может так? Он чувствует разговор повсюду. Все против него! Даже самые близкие бьют в открытую спину. А он лез ради неё наверх! Женя хочет издать рык, но получается мерзкий писк. Отчаяние придаёт ему сил, и он наваливается на полуоткрытое окно. Нина взвизгивает, а мужчина в лохмотьях неуклюже вваливается в комнату, выдавливая собой новенький фильтр и распахивая плохо прикрытую решётку. Женщина бросается к двери; обезумев, Женя вскакивает, больно ударяется об угол кровати, но всё равно успевает схватить проститутку за шею. Они падают на дверь и сползают с неё вдоль косяка. Нина в ужасе скребёт пальцами вокруг в поисках чего-то, что поможет ей освободиться, пока Женя неистово её душит. Страх придаёт

сил: если он не справится, то его ждёт ужасная смерть. Дряблая голая задница и дёргающиеся кудри немного возбуждают маленького мужчину. И даже медленно расползающаяся лужа мочи не может этого изменить.

Постепенно Женя понимает, что проститутка давно мертва. А сюда может кто-то вломиться. Что ему делать? Ему конец! В ужасе он кидается к двери, пытается её чем-то припереть, бежит к окну, хватается за раму, но вдруг замирает.

Комната!

Может, тут что-то есть? Женя бегло обыскивает всё, раскидывая предметы вокруг. Труп женщины уже начинает светиться – скоро пойдёт «на дно». Пачка сигарет, копеечные побрякушки да косметика. И склад чайных за сегодняшнюю ночь. Немного для проститутки, но так много для Жени. Он распахивает всё по карманам, суёт выдавленный из окна фильтр под мышку, наскоро навешивает на него тряпьё, задерживает дыхание и выходит из комнаты. Теперь он просто посетитель. Упёршись взглядом в пол, Женя сбегает по лестнице, проходит хохочущего первого охранника. Подходит к двери, кивает второму, не веря и не анализируя происходящее, дожидается открытия двери и молча уходит.

Да, у него есть стиль. Так вам, мерзкие людишки!

Отойдя от борделя метров на десять, Женя припускает изо всех сил. Что теперь будет? Ему конец! Всё просто. Нина воскреснет, расскажет о произошедшем, его найдут, вывезут в пустыню и привяжут на территории чумных канни-

балов. Эти твари варят сильные целебные зелья из дерева чу, как и шаманы аборигенов. Даже умеют из тонких молодых трубочек делать лечащий каркас, по которому циркулирует лекарство. Они помещают человека в регенерирующее искажение и жрут в течение недель, набивая периодически трубочками чу. Вот что ждёт его и маму! О боже! Зачем, зачем он это сделал?

Женю лихорадит, он делает крюк, сбрасывая вещи в тайник. Всеми своими действиями он сам себе напоминает бьющегося в конвульсиях. Какие-то бессмысленные трепыхания перед расплатой. Зачем, зачем он это делает? Откупиться от бандитов, крышующих бордель, всё равно денег не хватит. Подобной суммы у него за всю жизнь не набралось бы. Он даже не знает, куда теперь идти. Женя находит какой-то остов древней многоэтажки и забивается в бетонный угол, садится на корточки, прячет лицо в ладони и готовится жалеть себя всё оставшееся ему время.

Ночь озаряется, и человек видит на горизонте привычные оранжевые вспышки. Опять? Совсем недавно уже была одна буря. Сейчас прятаться всё равно уже смысла нет. Расстояние до дома огромное, а к себе его никто не пустит. Лучше так, лучше временное забытьё и сытость, идущая за ним. Женя отстранённо наблюдает, как одинокий прохожий куда-то бежит. Скорее всего, заколачивать свою нору. Прохожий бросает беглый взгляд на очередного отчаявшегося, сидящего под малиновым небом, и трусливо продолжает свой

путь. Женя возвращает взор к ползущей пси-буре. Интересно, как это – погибнуть от неё? Наверняка и правда ужасно. По спине пробегает холодок. Он по-прежнему адски боится боли. На горизонте рождается необычная оранжевая вспышка, и круговая волна начинает стремительный путь к сидящему человеку. Женя взвизгивает и нерешительно вскакивает. Ему не успеть, вспышка накрывает его и укатывается дальше.

Оранжевая теплота, Женя любим, беспричинно любим, просто по определению. Ему хорошо, тела нет. А ещё благодарность, неизвестно кому и за что, но такая неистовая, что сдержать её просто невозможно. Он парит в этом ощущении полсекунды. Женя падает во что-то неправильное, в порочную грязь. Он понимает: это его тело. Ещё пару секунд сохраняется ощущение невыносимой мерзости происходящего. Кажется, он получил оргазм и обмочился. Позитивная волна! Он про такое только слышал! Женя сидит на земле в собственных испражнениях, пытаюсь воссоздать то, что он только что ощутил, этот внутренний покой и счастье. Теперь вся его жизнь будет просто воспоминанием об этом моменте? Наверно, человеческая память сгладит всё, позволив ему жить дальше. Сколько лет на это уйдёт? Женя задумывается, но раскат грома отвлекает его. Скорее всего, пси-буря заканчивается, так и не начавшись.

Одинокая вспышка, и Женя видит что-то странное на горизонте. Какую-то парящую чертовщину. Женя не знает, что

это, но, привычно не отдавая себе отчёт в действиях, двигается в сторону пятна.

Спустившись с небольшого холма, Женя понимает, что этот кусок территории полон скелетов прошлого – остовов домов и обломков камня. Некогда эти завалы послужили жителям в качестве материала для их построек. Сейчас же они мешают Жене увидеть, туда ли он двигается. Выбрав ориентиром самые высокие развалины на пути, мужчина бежит под стихающим небом. Скоро оно совсем погаснет, и Женя уже точно ничего не увидит в кромешной темноте. Вот здание. Рывками сменяющая направление лестница выглядит опасно. Отсутствующие перила и обрезанная везде, где это только возможно, арматура не добавляют ей надёжности. Женя летит по пролётам, кое-где ему приходится подтягиваться, глупо болтая ногами в поисках опоры, или проползать дырявый пролёт на животе.

Тяжёлое дыхание и колышущееся сердце становятся расплатой за последний оставшийся этаж. От пола практически ничего не осталось. Пригнувшись, Женя сидит и молится ещё об одном всплохе. Текут минуты, а небо только темнеет. Будет ли наутро то пятно, что он увидел? Может, это просто галлюцинация или очередной остов? Стоит ли оно того? Женя думает, что у него сейчас просто не осталось в жизни ничего, кроме вот таких призрачных шансов непонятно на что. Неизвестно даже, стоят ли они того.

Вспышка! Она обжигает Женю надеждой. Он успевает

глазами схватить тёмное нечто и приблизительный маршрут своего дальнейшего движения.

Осторожно слезть, только бы не разбиться. Только бы не погибнуть. Куда более медленно и осмотрительно Женя спускается по остаткам лестницы.

После всего проделанного трясутся ноги. Но это от ажиотажа. То, что он видел, парило над землёй. А значит, это связано с гравитационным искажением. Неужели ему повезёт вновь? Женя боится даже сформулировать мысль, словно это может отпугнуть какую-то удачу. Сейчас он будет осторожен, он больше не допустит подобных ошибок.

Интерес перерастает в охоту. Небо полностью гаснет, и мужчина передвигается в крошечной темноте. Равнина таит в себе множество опасностей, но загнанный в угол человек просто не способен думать о них.

Петляя и сбиваясь, Женя находит один ориентир за другим.

Свет. Почти отсутствующий и практически невидный. Но Женя, пробирающийся в слепой темноте, не может пропустить его с такого близкого расстояния. Свет выманивает его и позволяет оценить контуры встретившейся ему фигуры. Женя не уверен, но похоже на нагромождение барахла, парящего в воздухе. Рядом с барахлом – непонятные небольшие холмики, к которым идут натянутые тросы. Видимо, возвышения удерживают весь этот хлам и не дают ему улететь в неизвестном направлении. Что хлам именно па-

рит, сомневаться невозможно. Женя видит, как порывы воздуха легко колышут массивную кучу. Только натягиваются со скрипом верёвки. Странно, но куча не набирает высоту, она держится на слабо меняющемся расстоянии от земли, совершая только раскачивания в стороны.

Женя уже собирается подползти ближе, как слышит непонятный писклявый крик. Или плач. Однозначно понять невозможно. Звук пугает и ужасно раздражает, исходя прямо из тёмного нагромождения. Странная случайность заставляет его замереть.

И тут одна из стен недалеко от Жени трескается отваливающейся фигурой человека. Явно высоченного мужчины с длинной палкой в руке. Женя легко угадывает в очертаниях популярное ружьё пустошей – «носорог». Дорогая и надёжная штука. Мужчина охранял кучу, привалив себя хламом и спрятавшись за камнем. Случайность взбудоражила его, спасая при этом Женю от ловушки.

Куча тоже надламывается – по ней идёт светлая полоса открывающейся двери, впуская охранника внутрь, а Женя успевает заметить молодую ухоженную женщину с дёргающимся маленьким человеком на руках.

Младенец.

Младенец!

Женя понимает, что за крик так раздражал его. Ребёнок! Он не верит в увиденное. Ребёнок. Просто невероятно! Детей не было уже лет двадцать пять. Дети просто перестали

рождаться. Но Женя только что видел Младенца. И тот кричит, словно доказывая: я жив, я существую, ты не ошибся.

И всё равно мужчина не может поверить. Этого просто не может быть! Это не просто чудо, это просто невозможно...

Словно ударенный током, Женя неуклюже пробирается ближе к дому. Если мужчина был не один, сейчас прозвучит выстрел. Но Женя добирается до барахла живым. Он должен убедиться.

– ...старается. Ты видишь, ей тут не нравится. Всё равно после удара мало кто будет слоняться. Тем более среди домов. – Усталый голос женщины слабо доносится сквозь стены. Женя трусливо прикрывает ладонью рот. То ли от удивления, то ли опасаясь выдать себя неосторожным словом.

А ребёнок всё ещё кричит.

– Ты же знаешь, это временно. Мы тут всего на неделю, может, меньше. Мне это нравится ничуть не больше, – виноватый голос мужчины. – Дай мне её, может, у папы получится успокоить. – Дальше идут непонятные пощёлкивания и набор звуков, смешанный с приторно-ласковыми словами. Женя не может понять, зачем мужчина это всё издаёт, но через пару минут ребёнок замолкает.

Понятно, что сейчас мужчина вновь выйдет из парящего дома. Женя в ужасе удаляется прочь. Сначала медленно и тихо, а затем со всех ног.

Чудо! Он только что видел чудо! У людей на равнине ро-

дился ребёнок.

Он думал, что снаряд и Нина были его шансами. Были его удачей. Как же он ошибался! Это были лишь шаги. На пути к ЭТОМУ.

К чуду!

И за это чудо ему щедро заплатят. Заплатят так много, как он ещё никогда не видел. Так много, что он сможет купить весь городок, всех проституток и построить личный воздухоочистительный завод, если такой ему вдруг понадобится. Заплатят, нет, не эти мелкие червяки – дураки из борделя. У них просто нет таких денег, он не пойдёт разменивать увиденное на их жалость. И не мусорщики. Ему заплатят Тофу.

Их город чересчур мал для Тофу. Хотя, Женя уверен, рано или поздно те доберутся и до таких крошечных посёлков. Сейчас их чёрные башни располагаются в любом более-менее приличном скоплении людей. Они верят, что ад просто «провалился» на Землю за все её грехи. Человечество именно поэтому не может умереть, потому что уже мертво и просто отбывает наказание. Религия Тофу – боль. Чем больше боли выносит человек, тем ближе всеобщее спасение. Ведь в аду положено страдать, искупая вину. Впрочем, религия не мешает им быть монополистами смерти – каким-то образом они могут покрыть человека и весь его скарб некой ментальной печатью. Погибая, такой человек возрождается в ближайшем реинкарнаторе, но со всеми опечатанными позитками. После перерождения печать спадает – и всё по но-

вой. Ограбить такого человека невозможно.

Женя много раз слышал всю эту болтовню и, как все, люто ненавидит жрецов боли. Он уверен: Великий Катаклизм случился из-за них. Иначе откуда столько познаний о смерти? Сам он никогда в жизни не ставил печать, но сейчас это и не важно. Он прекрасно умел прятать свои пожитки. До недавнего времени.

Ещё каждый знает, что Тофу щедро скупают все чудеса равнины и последствия пси-бурь. Например, после прохождения позитивной волны можно встретить кота. Словно привет из того, древнего мира. А коты им особенно нужны. Тофу распинают и пытаются этих существ так долго, как только позволит животный организм. Тофу верят в энергию боли, используют её для своих магических ритуалов и получают из неё силу. Волшебные существа из прошлого дорого вознаграждаются. Женя знает это. А ещё жрецы справедливы: они чётко следуют своим правилам.

Сложно даже представить, какую сумму Тофу выплатят за младенца.

Жене всё равно, что они будут делать с визжащим человечком. Награда даже не позволяет сомневаться. К сожалению, он не сможет один справиться с вооружённым мужчиной. Ему нужна надёжная команда – ещё один-два напарника. Лучше один – доля не резиновая. И это не должны быть ублюдки – охранники караванов. Нет, лучше пусть это будут чёрные археологи. Кто-то, кто посещает Красные Пески

каждый день и сможет в целости доставить ребёнка к чёрной башне. Плюс этот кто-то должен ему поверить. А ещё у археологов есть какой-то свой сложный кодекс, применимый к найденным чудесам равнины. Женя слышал о нём. Он надеется, что кодекс не позволит им легко оставить его без ручки.

Сейчас Жене нужно как-то добраться до Порты. Найти там подходящих людей. И успеть обратно до того, как семья с ребёнком уйдёт. Как же у него мало времени! Идеальным вариантом было бы сразу пойти к Тофу. Но те вряд ли ему поверят. Или ещё хуже – поверят, но когда они придут, мужчину с барахлом и ребёнком не обнаружат. В таком случае Женю ждёт что-то похуже смерти от каннибалов. Его будут мучить и перерождать ещё множество лет подряд. Женя содрогается от мысли о подобном.

Ему везёт, и он без происшествий покидает нагромождение развалин. Впереди маячит низкорослый городок. Сначала Женя двигается бегом, но затем ему приходится перейти на быстрый шаг. Всё-таки он не самый спортивный человек. Женя делает круг к тайнику, забирает награбленное у Нины. Его мозги закипают – он лихорадочно делит проценты с вознаграждения, видит, как его убивают, и продумывает, что купить в дорогу. Пока Женя копается в мыслях, на горизонте появляется гнилой нарост реинкарнатора, словно давно отмерший кусок гангрены, обёрнутый белым кирпичом. Женя отчётливо видит, как скользит прямоугольная заслон-

ка в толстой металлической двери сарая рядом с возрождающим искажением. Это мусорщик или охранник тарашится из стальной ночлежки на бегущего сумасшедшего.

Через десять секунд рука Жени бешено молотит в металлическую дверь. Заслонка вновь отъезжает, и охранник нарочно лениво скалится из отверстия, задавая глупые вопросы.

– Что надо?

– Зови мусорщика! У меня товар! Срочно-о-о! – срывается и верещит на последнем слове Женя, оглядываясь по сторонам.

Видимо, мусорщик внутри поднимается, потому что охранник как-то резко замолкает и тихо щёлкает засовами. Впрочем, всё равно делая всё специально медленно.

Женя заскакивает и достаёт хлам мёртвой проститутки, зачем-то демонстрируя его в вытянутых руках. Словно обезумев, он замирает с выпученными глазами. Мусорщик равнодушно осматривает товар, наконец, спрашивает:

– Сколько?

– Набор путешественника на неделю, вместо масок – противогаз и нательная граната.

Не торгуясь, мусорщик соглашается, взвешивая на руке новенький фильтр. Словно огонь, по спине Жени бегают глаза и холодные сопла автоматов охранников.

Женя лихорадочно вываливается из закрытого помещения, на секунду прислоняется к стене. Если бы не стресс, его

давно уже пожирал бы сон. Мужчина смотрит в тёмное, без звёзд, небо.

– Помоги мне! – Он смотрит вверх, по коже бежит дрожь. Не имея больше времени, Женя перебежками бросается к тайнику. Прячет всё, кроме натальной гранаты. Усталый, добирается обратно к развалинам домов. Здесь ему нужно укромное место. У него только один способ обеспечить себе контроль над выплатой доли. Женин план выглядит следующим образом. После того как наёмники добудут ребёнка, Женя будет угрожать смертью себе и ребёнку от гранаты. Нехитрая система будет приходить в действие, в случае его гибели взрывая вместе с ним и рядом стоящих. Никто не знает, будет ребёнок воскрешаться или исчезнет, как и все прочие чудеса равнины. Кроме того, если ребёнок и воскреснет, то в местном реинкарнаторе под взорами других алчных ублюдков. Так что наёмники предпочтут дать Жене донести мелкого до чёрной башни и гарантированно забрать свои и без того гигантские деньги.

Чтобы подстраховаться, Женя хочет спрятать гранату в развалинах и подобрать её только уже перед самым концом – когда получит ребёнка. Так его будет сложнее разоблачить. План не очень хорош, но другого у Жени нет. Было бы времени побольше!

А теперь обратно.

Начинает светать.

У Жени всего несколько часов до выхода. Лучше ему при-

биться к остальным путникам и сумасшедшим, в лохмотьях тянущимся из городка. Они курсируют, следуя за караваном мусорщиков. Так безопаснее, и если караван погибнет, некоторые одинокие счастливики могут поживиться его остатками. Башни Тофу в городке нет, так что ценные товары без печатей тоже останутся в ядовитых песках.

Женя забирает вещи из тайника и, тяжело дыша, добирается до криво сбитых загонов. Разбитые деревянные навесы щерятся частоколом поломанных лавок. Человек двадцать пять, хаотично распределившись, спят – кто на досках, кто на горе тряпок. Пыль является королевой здешних мест. Женя приглядывает пустующий угол и, стараясь никого не задеть, пробирается в него. Садится. Доски неприятно упираются в ягодицы. Мужчина позволяет себе, наконец, расслабиться и, облачиваясь на спинку, закрывает глаза. От усталости мир идёт кругом. При этом характер заработанной усталости таков, что мешает прийти спасительному сну.

Женя снимает повязку. Непривычно обдувается нижняя половина лица. Какое-то время мужчина сидит в ступоре, предаваясь странным ощущениям. В горле появляется необычный привкус. Или Женя себя накручивает? Всё-таки и эта повязка уже никуда не годилась, так что разницы практически быть не должно. Он рассматривает тёмное пятно в области рта на валяющемся под ногами лоскуте. Повязка видится в пыли пухлым мёртвым червем. Женя ещё раз вдыхает отравленный воздух полной грудью и достаёт набор

профилактических таблеток, купленных в комплекте. Даже противогаз полностью не спасёт его от химического отравления, а таблетки помогут организму дольше сопротивляться. Семь штук, как и заказывал. Женя достаёт первую, бросает в рот. Проглатывает, таблетка остро идёт по горлу, оставляя болезненные ощущения. Жутко хочется пить. Женя достаёт пустую флягу – её он наполнит из фильтрованного колодца уже перед самым выходом. Вешает флягу на пояс, пряча её среди гор просторных лохмотьев, служащих одеждой. Задумавшись, сидит просто так ещё пару минут. Его пожирают страхи и стресс. А вдруг ничего не выйдет? Хочется вскочить и всех торопить. Эй, запускайте караван! Усталость отступает. Погрузившись в свои мысли, Женя почему-то теребит нижнюю губу, страшно оттопыривая её вниз и показывая красные с жёлтым дёсны.

В себя его приводит приступ мерзкого кашля. Справившись с ним, таки надевает противогаз. Снимает свои старые ботинки, достаёт новые. С удовольствием рассматривает покупку через круглые окна противогаза – ношенные, но полностью целые ботинки путешественника. Огромная подошва из специального пружинящего материала будет держать его ступни на безопасном расстоянии от жара кислотных или щелочных поверхностей, разъедающих плоть за пару часов. И последнее – «швабра». Женя достаёт и рассматривает её. Поскольку спать на равнине нереально, приходится привязывать себя на ночлег к подобным раскладным деревяшкам.

Спать сидя Жене доводилось лишь несколько раз – ничего, с этим поможет свыкнуться тяжёлый дневной переход.

Женя натягивает ботинки, свои оставляет под лавкой. Кутается плотнее в лохмотья и валится на твёрдые доски. Ожидание выхода и волнение не дают заснуть, словно открытую рану, тербя мозг. Женя боится не успеть обратно, боится погибнуть по дороге, боится, что его найдут бандиты, отвечающие за проститутку. Он боится, что его попробуют ограбить люди рядом (хотя община скитальцев за такое калечит воришку и бросает среди равнины). Женя боится, что у него всё выйдет, и боится быстро не заснуть – ведь впереди долгий и сложный переход через пустоши.

В терзаниях он проводит мучительно долгие три часа, пока ведущий не начинает голосить странным заунывным голосом – караван мусорщиков трогается. А значит, скитальцы в лохмотьях должны спешить.

Тёмные и растрёпанные, словно всполошённые вороны, они тянутся из города. Круглые головы противогазов и капюшоны с повязками. Эти люди не выглядят счастливыми. Впереди маячит обоз мусорщиков на электромоторе. Грузёные носильщики тянут огромные рюкзаки, а взбодрённые охранники, словно злобные овчарки, пасут свою человеческую отару, то тут, то там подгоняя рабочих.

Женя мог бы дойти до города, таща на спине какой-то груз. Заодно и заработать. Но он не уверен в том, что сможет дойти и без обременительного рюкзака.

Мужчина рад – наконец они в пути. Он рад и испуган – приходится покинуть привычную клоаку поселения. Выйдя из городка, Женя приостанавливается, оглядывается на знакомое до боли скопление домиков. Не двигаясь, он рассматривает его в стеклянные круги противогаза. Женя не отдаёт себе отчёт в действиях.

Последний человек равнодушно минует зазевавшегося путника.

Женя ждёт ещё секунд пять, а затем бежит следом, тяжело пыхтя в плотной резине.

Первые полдня они двигаются сквозь скелеты многоэтажек. Обдуваемые всеми ветрами, те создают причудливые звуки, нарушаемые иногда только перекрикивающимися охранниками. Женя дёргается и забивается подальше в толпу при любом их странном сочетании. Иногда караван впереди останавливается, охранники проверяют очередное здание на наличие опасности, и движение продолжается. Солнце невыносимо парит сквозь чёрные тучи. На границе разрушенного города обоз делает остановку. Люди валяются в пыль прямо там, где стояли. Некоторые, особо выносливые, начинают раскладывать свои швабры. Видимо, сказывается привычка спать на них. Измождённый Женя к таким не принадлежит. Усталость прошлых дней и неподготовленность добивают его ноги. Женя обнимает колени и пытается дать им максимум отдыха. Противогаз ужасно мешает и ограничива-

ет обзор. Но болезненный кашель и пошатывания некоторых идущих рядом прогоняют мысль снять его даже на время. Таблетка и глоток воды позволяют расслабиться сильнее – Женю начинает клонить в сон.

Караван впереди заканчивает свою трапезу спустя час, и процессия опять трогается. Несколько отдохнувшие ноги поднимают Женю над пылью и двигают вперёд.

Город заканчивается, уступая место настоящей равнине и её ядовитому ветру. Кашель по бокам усиливается. Холодает. Солнце за тучами двигается к горизонту. Через несколько часов всё, о чём может думать Женя, – это как сделать ещё один шаг. Он даже не сразу замечает, что кутающаяся фигура рядом с ним падает, она ещё двигается – а другие странники кидаются разбирать её лохмотья. Человек вяло отбивается, но химическое отравление оставляет в нём не много сил. Видимо, они уже спустились с защищённой поверхности холмов, и на оголённом лице упавшего Женя успевают заметить ожоги от соприкосновения с почвой. Стараясь не смотреть в ту сторону, Женя волевым усилием ускоряет свои больные шаги. Падальщики, все вокруг падальщики. Его самого разорвут, если он упадёт. Только три дня ему нужно продержаться! Только три дня. Женя смотрит в чёрное небо с оранжевыми просветами от звезды. Равнина никогда никуда не спешит, в отличие от Жени.

Ближе к ночи они видят на горизонте зазов. Крупные точки постреливают в воздух, чем жутко пугают часть людей

в лохмотьях, на радость глумящимся охранникам.

– Они не выйдут за черту, – хрипло выдаёт один из идущих рядом с Женей (голос заставляет с непривычки содрогнуться). Погружённый в монотонное движение, Женя потом ещё долго вспоминает этот инцидент. Зазы названы так в честь одноимённого стероида, вызывающего сильное привыкание. Стероид провоцирует бурный рост не только мышечной массы, но и всего тела, напоминая этим свойством гормон роста. Кроме того, стероид повышает сопротивляемость химическому отравлению и радиации, но делает принимающего агрессивным и снижает интеллект. Многие в пустыне подсаживаются на заз. Особенно он популярен у носильщиков караванов, как у касты. Перейдя определённую черту в его употреблении, изменить уже ничего нельзя. Постепенно такой человек становится огромным куском пустоголовых мышц, зависимых от ещё одной дозы. Преображённые люди покидают города и сбиваются в собственные банды. Часто промышляют грабежом караванов. Поскольку в обычных городах заза ждёт постоянная смерть, они собираются возле собственных, отбитых реинкарнаторов или промышляют как наёмники на строго определённых территориях.

Ночь приносит отдых и холод. Ноги и руки Жени трясутся. Он предпринимает несколько попыток, прежде чем ему удастся разложить непривычную швабру на треноге. Мужчина панически оглядывается, пытаясь оценить, насколько

окружающие могут распознать в нём неопытного путешественника. Но, кажется, остальным просто не до него. Часть людей остаётся стоять – их швабры либо повреждены, либо отсутствуют. Таких называют «прислоняющиеся». Когда все начнут засыпать, они будут пытаться на кого-то облокотиться. Жене очень жаль их. Он видит, как пожилой мужчина, не дождавшись, когда все заснут, пытается прислониться то к одному, то к другому путешественнику. Его гонят пинками, и на третьем моменте становится понятно: у мужчины просто не осталось сил. Он падает на ядовитую землю. Если простоять так на коленях ещё минут десять – пятнадцать, дойти до города на своих двоих у мужчины уже не получится. Сначала Женю гложет интерес – сможет ли тот подняться? Но тревожный сон наступает, пожирает его, измождённого, раньше. Швабра низкая, и спать вприсядку оказывается невыносимо. Женя много раз просыпается, трясась от холода. Из-за сильно сжатых челюстей сводит скулы. Просыпаясь второй раз, Женя понимает, что к нему прислонился один из мелких путешественников. Сначала он лихорадочно трогает спрятанные на груди пожитки. Всё на месте. Тяжёлый сон и усталость делают его мысли медленными, и Женя долго размышляет, прогонять ли человечка. Но тёплый бок рядом приносит в разы больше удовольствия, чем страх быть ограбленным. А маленькие габариты подлеца повышают шансы, что швабра не сломается.

К утру Женя обнаруживает себя прижавшимся к мелкому

человеку. Их обоих бьёт дрожь, но восходящее солнце обещает душную теплоту. Впервые Женя рад ей. С криком он прогоняет прислонившегося прочь, норовя больнее ударить его ботинком. Разобравшись с проблемой, он делает пару глотков воды, экономя, мочится и принимает две таблетки. одну против химической заразы, летающей в воздухе; вторую (крупную) – пищевую. Временами организм начинает дёргать болезненный кашель. Пока очень лёгкий. Но со временем, Женя знает, кашель и боль в груди станут невыносимыми. Зычные крики охранников долетают до их маленькой стаи в лохмотьях. Караван вновь трогается. От сидения ночью на одном месте и холода ноги не сильно отдохнули и напоминают трубки, наполненные камнями. Женя с ужасом думает, что не выдержит ещё один день. Была бы у него лежащая швабра! Но на неё не хватило денег. Женя лелеет мысль о том, чтобы лечь, ласкает её, пока их процессия двигается через причудливые завитки пыли на равнинах.

Временами они минуют стеклянные «деревья» – оплавленный песок и пыль от ударов молний во время пси-бурь.

Через два часа Женя замечает некоторое волнение среди части людей. Оторвав взгляд от рывкамидвигающихся ступней, он видит, что и охранники ведут себя подозрительно. Ещё через полчаса караван останавливается, странно сжимая лагерь и распаковывая плотные палатки с поддонами.

Буря! Мысль прожигает, Женя не знает, что делать. Химическая буря – теперь отчётливо видно на горизонте ка-

кое-то тёмное и далёкое уплотнение.

Он не единственный, кто это понимает. Какой-то несчастный начинает метаться среди остановившейся группы. Он пытается хватать людей за плечи, но его сталкивают в пыль.

– Продайте мне таблетку, просто таблетку! Даю три повязки по приходе. Даже пачку дам!

Все молча стоят и смотрят на его истерику. Зачем этому человеку так нужно в город? Женя не знает. Что такое таблетка и какую именно из них хочет получить мечущийся, ни у кого вопросов не возникает. Женя судорожно сжимает свой набор химического сопротивления. Он не верит в мифические повязки «по приходе». Не готов рисковать. Хотя за одну таблетку – заманчиво. Но Жене нужно ещё вернуться обратно. Конечно, он мог бы обменять повязки у мусорщика... Но мало ли что ещё будет.

Мужчина кидается прямо к Жене.

– Эй, ты, в противогазе! Тебе же не так нужны таблетки. Хочешь повязки? – Мужчина смотрит Жене в лицо широко открытыми красными слезящимися глазами над потемневшим лоскутом. Пыль ещё сильнее оттеняет белки, забиваясь и подчёркивая каждую морщинку. Женя ещё раз радуется, что его противогаз имеет стёкла. Он отпихивает просящего, алчность куда-то пропадает, уступая место животному страху погибнуть без этих таблеток. Погибнуть в ближайшие дни или даже часы! Жене кажется, что он не обменял бы сейчас даже одну капсулу ни на какие деньги. Почему-то таблетки

химсопротивления становятся самым ценным в мире.

Просящий сгибается от невыносимого кашля, придя в себя, кидается к следующему носящему противогаз, но и там получает молчаливый пинок. Раздосадованный, просящий бросается на него с кулаками – и получает удар по спине.

– Не надо, не надо! – воет мужчина с земли, но люди уже накидываются и забивают бунтаря ногами. Женя сильнее сжимает заветные припасы на груди и отодвигается на пару шагов от неприятного зрелища. К чёрту имущество несчастного – драться за него сейчас очень опасно. Чего тот так переживает? Воскреснет в Порту через неделю. Вряд ли на равнине есть ещё хоть один ребёнок в радиусе десятков тысяч километров, так куда он спешит? Главное – не встрять в эту чертовщину!

Быстро закончив, люди сбиваются в круг, присаживаются спинами к равнине и тщательно кутают все выступающие части тела. Женя прикладывает все силы, чтобы не отстать от остальных. Если бы не постоянно преследующий его страх, он бы почувствовал даже уют. Они опять находят друг друга со странным мелким путешественником. Женя проникается непонятной симпатией к этому человеку. Что погнало его в Порт? Или он идёт ещё дальше?

Буквально на глазах день чернеет, и ядовитый ветер, смешанный с пылью, больно сечёт любой миллиметр выступающей кожи. Через несколько часов людей почти полностью заносит. Даже противогаз не спасает, группу постоянно сотря-

сает кашель. Словно хищный зверь, буря вырывает то одного, то другого человека из стаи. Женя буквально чувствует, как его лёгкие забиваются чем-то инородным. Словно битым камнем, с болью трущимся обо все внутренности при каждом вдохе. Лишь изредка кто-то пытается обогреть умирающего, но куда чаще стая просто сжимается сильнее, стараясь сохранить территорию для дыхания. После тяжёлой ночи ноги быстро затекают, но Женя терпит боль, временами быстро растирая онемевшие конечности.

Буря уходит так же быстро, как пришла. Люди начинают откапывать себя из пыльных заносов. Жене ужасно хочется пить, он распрямляется и... неожиданно падает на подогнувшихся ногах! По телу прокатывается ужас. К нему тут же кидается часть путешественников, страх придаёт сил, и Женя вскакивает на делающих восьмёрки конечностях. Он упирается в колени руками и приходит в себя. Кажется, его готовы были растерзать.

Согнутый, он устремляет остановившийся взгляд на копошащихся мародёров, случайно замечая, как его мелкий приятель выкапывает чей-то отличный нож. Вот бы Жене такой! Мелкий быстро прячет находку под полу, ловя Женин завистливый взгляд. Тем временем охранники вырывают свои палатки, складывают их и недовольными окриками погоняют носильщиков. До Жени доходит, что он потерял половину светового дня. Чудо в виде ребёнка стремительно ускользает из рук! Нельзя допустить, чтобы все эти мучения были

напрасными.

Остаток дня Женя с усилием толкает болезненные ноги в огромных ботинках вперёд. Остервенение приходит и уходит волнами, даруя силы или оставляя с ощущением истощения и пустоты.

Несмотря на всю злость, ночь Женя встречает с благодарностью. Сидя на швабре, он просовывает под противогаз очередную порцию пищи. После бури кашель становится проблемой. Зато на вторую ночь сон приходит куда легче. Утром Женя привычно отталкивает от себя прижавшегося мелкого подлеца. Пугает то, что сегодня у одного путешественника с треском ломается тренога, обвешанная двумя «прислонившимися». Мужчина долго проклиная их и гонит на плохо гнущихся ногах. Женя задумывается, а стоит ли его тёплый спутник таких рисков. Погружённый в размышления, неспешно достаёт и принимает таблетку от химического отравления. Сегодня он должен был дойти. Но в Порту они будут только завтра. Ускорить караван у него не получится. Да и идти быстрее Женя просто физически не способен. Придётся смириться.

Стабильные пейзажи равнины начинают сменяться странными выпуклостями – бывшие постройки, обветренные, торчащие из песка. Шагать становится легче: охранники выводят караван на остатки древней дороги, через несколько часов устраивая передышку. Ориентируясь на других путешественников, Женя валится на островки древнего камня.

Шершавый и тёплый, он не разъедает и позволяет вытянуть ноги. Конечности делают это с трудом и болезненно. Чересчур далеко выставив ногу, Женя зарабатывает ужасную судорогу. Он корчится от боли, колотя сведённую мышцу. Некоторые с надеждой смотрят на его мучения. «Не будет вам такой радости», – думает Женя, приходя в себя.

Каравану наплевать на бредущих за ним, поэтому он трогается, и ночлег ожидает путников на участке без спасительных островков.

Женя тревожно оглядывает свою швабру и решает просыпаться и гонять мелкого негодяя каждый раз, как тот будет прислоняться. Но болезненная дрёма отпускает только утром. Маленький подлец просыпается от движения Жени и стремительно удаляется на загибающихся ногах, вызывающих ужас на его замотанном лице.

Впереди последний участок! Женя чувствует гордость и страх – он так далеко зашёл! Нужно не погибнуть, пройти этот кусок. Вскоре опять появляются остатки дороги и прямоугольные выступы развалин бывших зданий.

Камни имеют одинаковый цвет и сливаются с пейзажем. Воздух улучшается – видимо, они совсем близко к очистительному заводу в Порту. Женя слышал, что его обещают обнести огромным куполом и уменьшить мощность. Хотя, если выйдет афера с ребёнком, у Жени будет личный завод.

От нечего делать Женя пытается придумать, чем он займётся, когда получит своё богатство. В основном мысли сво-

дятся к роскоши, пропитанной похотью. А может, власть?

Выстрел выкидывает Женю из грёз. Нет-нет-нет! Только не это! Женя видит большую группу нападающих, вспышки и хлопки их орудий смешивают караван. Охранники, в явном меньшинстве, отстреливаются из-за электромобиля, но огонь по ним идёт со всех сторон. К ужасу Жени, сзади, за спиной, тоже поднимаются какие-то всполохи, пытаюсь сразить защищающихся. Вместе с тем эти неумелые выстрелы рязят и разбегающихся путников, имеющих посредственное отношение к каравану. Женя бросается бегом от обрывка дороги, окружённого довольно крупными остатками зданий (судя по всему, и являющихся причиной выбора места для атаки). Спотыкаясь и паникуя, Женя вбегает внутрь чего-то, имеющего три стены. Он ищет путь сквозь развалины в попытке скрыться от жалящих всё пуль. Впереди виднеются остатки плит, по которым можно залезть выше, и это спасение! Женя карабкается вверх, обдирая руки и больно отбив колено. Второй этаж открывает трагическую картину гибели каравана, у начала которого чёрными фекалиями валяются трупы в лохмотьях. Замерев на секунду, Женя слышит звук у себя за спиной. В ужасе он мгновенно оборачивается и замечается сорвавшегося с пролёта ниже своего мелкого прислоняющегося. Тот висит и глупо шевелится, видимо, ища короткими ногами пропавшую опору. Часть одежды спадает, и Женя замечает, что перед ним перепачканная молодая девушка. Женя кидается к ней, на секун-

ду замирает – женщина, молодая, симпатичная – и бьёт её по тонким кистям. Звук упавшего тела. Женя алчно спускается следом, перестрелка стихает. Кажется, женщина сильно ушиблась и повредила ногу. Она глупо глотает полными губами воздух. Женя быстро забирается той под лохмотья, нащупывает ручку желанного ножа. Женщина цепко хватается его руку, почему-то не желая уступить, немного крови выступает у неё из носа, Женю это пугает, он лихорадочно трясёт находку, пока не отбирает её с куском хлипкой одежды.

Путь наверх.

Главное – не сорваться, как глупая девчонка. Минуя пролёт, Женя благополучно слезает с другой стороны. Если обойти мёртвый караван, сможет ли он найти путь в Порт самостоятельно? В этот город, стоящий на Красных Песках, полных чудес и людей, умеющих их добывать?

Остатки дороги будут ему указателем. Женя припускает изо всех своих жалких сил. Теперь у него не будет охранников, задающих темп. Нельзя давать себе поблажку!

День только начался.

Солнце, закрытое чёрными тучами поднявшейся пыли, душно пожирает равнину. Жара. Мужчина лет тридцати пяти осторожно пробирается среди жёлтых пышущих разломов и нагромождений асфальтовых кораллов. Его предельно

осторожные движения то и дело срываются в безрассудную торопливость. Те, кто хотят выжить в Красных Песках, так не поступают.

Даже у самого края.

Граница Красных Песков нечёткая, но всё же, пересекая её, ты однозначно это понимаешь. Чувствуешь во всём – пропадает гнетущее ощущение, временами появляются признаки чахлой растительности, песок становится нормальным – в нём больше от цвета пыли. Алый цвет ещё сохраняется, но это уже не тот кроваво-чёрный пепел.

Человек видит наступающие островки местной травы – словно плохо выбритая щетина, они жидко пробиваются, несмотря на всю радиацию. Человек видит их и стремится туда. Несколько дней постоянного кошмара грозят, наконец, смениться на кошмар с передышками. И случится это через каких-то пару тысяч шагов. Духота ехидно грызёт его лохмотья, стараясь вытянуть за эти шаги из тела как можно больше жизни. Сейчас человеку, должно быть, ужасно жарко – на голове болтается резина дряхлого противогаза.

Человек возбуждённо ускоряется.

Монета только перелезает через очередной Великан – намеренную свалку битого асфальта и почерневших камней – таких себе барханов, призванных хоть немного тормозить вездесущую пыль и не давать ей продувать эту территорию совсем уж насквозь. На боку тревожно вибрирует индикатор пси-поля, предупреждая о растущем уровне излучения. Мо-

нета и без него хорошо знает, что на такие холмы вечно прикатывает всякую дрянь. Но этот холм ему известен как свои пять пальцев, тут никаких страшных эффектов не наблюдается, кроме аномального роста клеток. Да и тот выражен слабо, так что мгновенно заработать рак не получится. В любом случае ночевать Монета тут не собирается. Левая рука ожидаемо пронизывается отступившей было болью – перевязка достаточно тугая, чтобы цикада не пролезла. Но заживающая под действием искажения рана возобновляет попытки существа выбраться, причиняя тупую ломоту, отдающую в сердце и голову. Лучи солнца, жгущие сквозь ядовитые газы, только усугубляют это ощущение. Мерзкая тварь в руке, пытающаяся прорыть туннель к печени археолога.

Монета поправляет натёрший всё старый рюкзак. Прочная ткань с лёгким скрипом ползает по его защитному комбинезону. Каждый раз, ощущая в руке его вес, Монета внутренне чертыхается: достаточно тяжёл, но недостаточно ценен. Кроме снастей и медикаментов, в рюкзаке пара крутящихся камней, обломки древних считающих машин и два нервных узла ментотаракана. Основную нагрузку создаёт надёжный автомат-веер за спиной. Не лучший поход в Красные Пески, но и не худший. Найденные предметы – не самое важное, что несёт с равнины Монета. Нечто поистине ценное – информация, добытая с огромным трудом, то, что он уже не сможет потерять.

«Вот дурень», – думает Монета, валяясь на холме и с бо-

лезненной лентой рассматривая человека. Так спешит. Неужто он никогда не бывал на этом броду? А даже если нет? Ему что, задницу напекло? Или попал в горелку и сожгло все мозги? Сам Монета уверен, что никогда не будет так дёргаться в Красных Песках.

Где-то тут находится пара гремлинов. Сучьи дети. Заезвался – и как минимум потеряешь ногу, а там считай, что сразу в реинкарнатор, – или сам застрелишься, или медленно умрёшь на жаре от потери крови. Монете ничуть не жаль того идиота. Все, кто идут сюда, – моральные уроды, блевотина общества. А общество сейчас и само не золотое.

Монета прикидывает, много ли у прохожего может быть ценного. Печатей Тофу вроде не видно, но отсюда точно не разберёшь. По вещам – нищий. Можно попробовать спасти для начала, вдруг он приведёт его к своей заначке?

Делать выбор нужно сейчас, потому что скоро его не будет. Монета решает, что пристрелить неизвестного всегда успеется и стоит для начала узнать, что это вообще за тип. Он скрипит зубами и спешит к броду. Спешит он по-своему. Чёртово солнце!

Человек успевает пройти полтысячи шагов, прежде чем его правая ступня уходит в радиоактивный песок. Человек дёргается, отчаянно воеет и растягивается на земле. Нога стремительно погружается в алую поверхность равнины. В безучастной пустоте проносится пощёлкивание.

Обычно звуки на равнине почти отсутствуют. Гремлины

роет вглубь. Человек выдёргивает из-за пояса огромный нож, хватает его двумя руками и всаживает в землю. Гремлин отпускает ногу, и жертва с серым лицом на четвереньках кидается прочь. Любой на его месте тоже уповал бы лишь на чудо. Нож так и остаётся воткнутым. Молодец, так гремлина теперь будет сложнее копать.

Монета уже подобрался к краю брода и старательно закрепляет каменные ступни. Делает всё правильно и обстоятельно (хотя крики идиота жутко мешают) – не хочет быть следующим и оставить всё собранное какому-то более осторожному мерзавцу.

Человек падает повторно. Опухшая нога вновь уходит в землю. На этот раз за ней в пыль проваливается и локоть. Гремлины часто двигаются по несколько. Как только человеческое подсознание породило такую гадость? Обычно эти искажения предпочитают древние, нетронутые дома – выползают по ночам из обветшалых предметов мебели или из-под кроватей, материализуясь буквально из ничего.

Но в Красных Песках приспособились по-своему. Тут гремлины закапывают тело жертвы живьём, оставляя только голову, и осторожно жрут, чтобы человек как можно дольше не перешёл в реинкарнатор. Именно по их примеру и действуют чумные каннибалы. Только те ещё напихивают человека молодыми ветками чу и гоняют по его телу сок, излечивая страшные раны.

Тем временем, несмотря ни на что, странный человек бо-

рется, отчаянно пытаюсь оттянуть неизбежное и отложить свои мучения ещё на пару мгновений. Вот над поверхностью показывается нога, мелькает в воздухе и вновь исчезает.

Солнце серым пятном в чёрном небе и взлетающие тучи алой пыли.

Гремлины принимают каменные ступни за камни, никакой логики в движении валуна по пустыне нет, но, судя по всему, этими мелкими тварями не двигает что-то, хоть отдалённо напоминающее человеческую логику. Монета успевает в последний момент, словно герой пьесы с дурной драматургией. Он всаживает свой нож возле локтя пойманного и резко тянет того за шиворот вверх. Получается не очень удачно: человек судорожно цепляется и чуть было не сбрасывает в песок самого Монету. Археолог даёт человеку оплеуху и предпринимает ещё одну попытку, на этот раз более удачную: ставит свободную ногу незнакомца на свою ступню, выдёргивает нож и втыкает его возле словленной ноги, судя по всему, цепляя и спасаемого, но выбирать не приходится. Монета уже не думает, что минуту назад был готов оставить этого мужчину умирать, – им двигает некий азарт спасителя, он хочет довести до конца начатое дело.

Человек, видимо, отходит от первого ужаса погони и уже просто старается сохранять равновесие, судорожно цепляясь за хамелеонку Монеты.

– Шагать придётся одновременно, вместе поднимая и опуская ступни. – Монета скептически осматривает пра-

вую ногу незнакомца. – Если подумаешь упасть и меня за собой потянуть, брошу тут, так что смотри в оба!

Смертельно бледный человек молча кивает. Только что уйдя от неизбежного, он не собирается опять делать глупости.

Солнце игриво кидает вниз жгучие лучи, почти полностью рассеянные чёрными облаками, заботливо поддерживая общую бессодержательность пейзажа. Две фигуры, обнявшись, словно пара влюблённых, неуклюже двигаются к концу брода. Гремлины, раззадоренные происшедшей драмой, носятся вокруг, создавая вздыбленные горки багровой пыли. За фигурами людей тянется тоненький кровавый след, почти неразличимый на алом песке.

Городок, сбитый из жестяных листов и прочего хлама, – очередной мусорник из людей. Над горизонтом возвышается громадина треснувшего корабля. Словно мёртвый, начавший разлагаться кит, смотрит он в небо развороченными внутренностями. Рядом с кораблём башня из неестественно чёрного отполированного камня в форме тянущейся к небу длани. Пыль повсюду. Ветер несёт её с равнины, забивая горло, глаза. Всё, чтобы только досадить городку. Немногочисленная растительность – и та покрыта чёртовой пылью. Солнце тоже немилосердно варит всё живое под собой.

Жить тут – настоящее мучение. Но Порт живёт. Человеческое упрямство, замешенное на жажде наживы, побеждает и пыль, и адскую жару.

Клизмач деловито копается в своих колбах и прочем хламе со стеллажей. Обширная полуземлянка завалена доверху тем, что обычные люди назвали бы барахлом. Вонь уже давно стала привычной для любого жителя: вода чересчур ценна, чтобы разбазаривать её на что-то, кроме питья. Но аромат хибарки Клизмача – особенный. Монета отряхивает, как может, мужчину, а затем и себя. Привычно сдвигает плотно прилегающие защитные очки на макушку и раскупоривает застёжки очистительной маски, массивно переходящей на плечи. Та всё равно не спасает от ЭТОГО.

– О, давай-давай, тащи его сюда, кто это такой? – В руках Клизмача тут же возникает электронный блокнот.

– Бросай своё рукоделие и помогай. – Тон Монеты не терпит возражений.

– А-а-а... – глухо тянет хозяин хижины, не находя ничего лучше в ответ.

Клизмач – врач-недоучка из какого-то крупного города, непонятно почему подавшийся в Порт. Монета уверен, что тот спит и видит, как бы добиться признания общества через раскрытие тайн Красных Песков. Небось представляет, как все ползают перед его несравненным гением, вытацившим человечество из текущего положения вещей. Клизмач скушает любую информацию об опасностях равнины и порож-

дениях, обитающих на её территории. Такому дай волю – он и мать будет резать, только чтобы узнать больше о том, как охотится какая-то гадость. А ещё Клизмач подрабатывает, латая больных и раненых в Порту. Монета считает Клизмача самым положительным из местной публики. Кроме того, у археолога с Клизмачом схожие увлечения.

– Да не его. Меня сначала почини, в левой – цикада, можешь потом себе оставить – как плату.

Вместе они сбрасывают человека с раненой ногой в угол, и Клизмач семенит за баночкой тухлого мяса ментотаракана. Выманить цикаду не так и сложно, главное – не перестараться. Монета считает, что его руки – это не то, чем можно спокойно разбрасываться. Потом переродиться и новые печати у Тофу покупать – всё влетит в копеечку. Монета достаёт дезактиватор, смачивает тряпку и одной рукой тщательно проходится по своему обмундированию. Снимает хамелеонку, армейский бронезилет с накладками на плечи и сдвигает комбинезон до пояса, оставаясь в небольшой системе трубок с нюхачом, прижатым к телу. Клизмач делает надрез на руке в месте цикады, плотно прикладывая туда банку. Скользящая капля вылезает из раны, шевеля вместо ножек множеством крошечных человеческих пальцев. Клизмач захлопывает сосуд, отставляет и начинает заниматься открывшейся дыркой. Зашив края, Клизмач отходит за бинтом. Монета смотрит на неприглядно стянутое отверстие в стежках, трогает красный край.

– Не лезь, куда не просят. – Возвратившись, Клизмач заканчивает перевязку. Руку дёргает тупой болью. Закончив с Монетой, Клизмач принимается за принесённого.

В сумке у Монеты ещё полбанки спиртного, но двигаться сил не хватает, накатывает «отходняк». Это чувство знают все археологи – оно неизменно превращает в кисель твоё тело и мозги после недель, проведённых в Красных Песках под руку с инородными ужасами, – когда всё заканчивается и ты наконец-то понимаешь, что снова жив и можешь нюхать весь этот гадюшник. У Клизмача даже есть теория, что все искатели подсаживаются на это чувство и потом не могут покинуть из-за него Порт.

Монета, обнявшийся с рукой и впавший в ступор, пропускает весь процесс того, как тучный врач колдует над вторым пациентом.

Приблизительно через час хозяин хибарки присаживается рядом с Монетой, глотает из грязной глиняной бутылки и протягивает её гостю.

– Будешь? Глотни, не помешает. – Монета со стеклянными глазами присасывается к посудине и закашливается.

– Всё удивляюсь, как ты можешь сосать такую кислоту. – Монета вытирает слезинки с глаз. Всё-таки дрянь помогает прийти в себя – от такой даже парализованный затанцует. Клизмач довольно хмыкает. Он гордится тем, какую гадость способен пить его закалённый организм.

– Ты лучше скажи, нарыл ли что-то новенькое?

– Да. – Тяжело вздыхая, Монета делает паузу, давая время огню спуститься по своему желудку, и продолжает с лёгким энтузиазмом в голосе: – Думаю, тебе понравится. Я прошёлся от того места на восток. Шесть дней топал. Пока не увидел вот это. – Монета с трудом поднимает комбинезон и залезает в нагрудный карман, выуживая оттуда аккуратный кусок промасленной бумаги. Протягивает его Клизмачу. Врач осторожно разворачивает – внутри гравированный элемент шлема, науш. Не несущий ценности хлам. Для обычных обывателей. Но у Монеты с Клизмачом другое мнение и одна общая тайна.

– Легион Вас то-са. Всё сходится. – Клизмач вертит в руках науш. Говорить не о чем. – Я лучше спрячу это у себя. Пошли глянем. – Врач безжалостно поднимается и потягивается своим полным телом. Смотрит на вяло карабкающегося вверх Монету и помогает ему подняться. Всё-таки старик не так и плох. Для Порты – так вообще святой. Монета на всякий случай ещё раз бросает взгляд на тело принесённого им человека – судя по всему, тому сейчас не до них – и ковыляет за пожилым приятелем.

Завешенная тряпьем, третьей комнатка является лишь условно. А по вони – ещё и даёт сто очков вперёд. Монета считает, что этот смрад охраняет хлам Клизмача надёжней вечно спящего Хомяка. Чем тот и занимается в данный момент. Даже самый последний вор в своём уме не полезет сюда – если ему и хватит снаряжения пробыть тут достаточно

долго, то после всё равно найти такого полоумного не составит большой сложности. Единственным во всей Вселенной, по мнению Монеты, кто может переносить эту вонь стоически, является Хомяк, чем и заслуживает непоколебимое уважение. Вон, дрыхнет, как всегда, зараза, всё нипочём. Клизмач когда-то спас Хомяка от множественной смерти. Выкупил, поставил на ноги. Не по доброте душевной – оставил себе парня вечным охранником. Стрелять Хомяк умеет отлично. (Чего только на Пески полез? Тут это умение не в числе первых.) Хомяк на самом деле и не против – денег особо у него никогда не водилось, зато теперь сыт и крыша над головой. Мотаться никуда не нужно – сидишь в хибаре, вот и всё. Комфорт, вернее, отсутствие дискомфорта Хомяк ценит больше всего. А ещё Хомяк мечтает о подвигах, валяясь в бздящей землянке Клизмача с налитыми сумасшедшими глазами.

Посередине второй комнаты стоит стол. Хлам, живущий на столе, отправляется на пол, снесённый руками Клизмача. Пальцы врача осторожно пробегают под столом, пытаясь угадать скрытое в чреве ссохшегося куска мёртвого дерева. Щелчок, и Монета бережно тянет на себя кусок крышки.

Карта Красных Песков с кучей мельчайших корявых надписей, прицепленных клочков исписанной бумаги и просто переделанных фрагментов загадочно отражается в двух парах глаз. Люди с гордостью молчат. Насладившись, Клизмач протягивает Монете малюсенький карандаш, источен-

ный с двух сторон. Бледный археолог наклоняется над открывшимся холстом, болезненно прижимая раненую руку.

– Смотри, тут и тут мы несколько ошибались. Тут многоэтажка идёт чуть севернее, вот так, перерисуй потом, хорошо? Вот тут радиации – ложкой накладывай, вот тут химическое озеро. Тут я пробовал сунуться, сплошные духовки и фосфорные бомбы неразорвавшиеся, мерзости всякой уйма, короче, не полез, ясно и так. Тут их и накрыли, я даже видел куски «джунглей». – Карандаш Монеты устало путешествует по разрисованному куску плотной кожи, нанося новые отрывки. – Видел столбы – тут и тут. А тут я видел Жадность (Клизмач присвистывает), обойти нереально, нужно отвлекать. Холм великана, так и так, тут песок застывает, как от жара, идти – просто сказка, тут песок снова начинается, тут кратер, отличный, копал там дней пять, всё в кошмарном состоянии, и такая эмблемка, – Монета стучит в науш своим карандашиком, – встречается так часто, как блохи на башке Хомяка.

– М-да... – протягивает врач. Монета находит в себе силы самодовольно улыбнуться. – Тебе бы время, ты б и Господу в зад залез, везучий прохвост. Знаешь, я тут припоминаю, кратер-то каких размеров был?

– Такого я ещё не видел.

– Отлично, просто отлично! Против Вас то-са стояло всего около десятка ангелов...

– А поддержкой не пожертвуешь! – Усталые глаза Моне-

ты нервно загораются. – Значит, осталось поглядеть, кто там из них такую штуку мог грохнуть! Может, из боевых у них всего пару и было?

– Э, э, ты губу-то подзакатай. – Тон Клизмача не соответствует произнесённому, его лысина безумно качается взад-вперёд. Он тоже заведён. – Ты иди отлёживайся пока, я тут почитаю, теперь моя работа.

Стол возвращается в своё обыденное состояние. Монета счастливо выбирается в меньшую вонь, жуёт скопившуюся гадкую слюну и смачно сплёвывает.

– Эй, ты всё ещё у меня, мудила! – услышав плевков, взвизгивает врач.

– Да моё говно чище твоей халупы! – Монета глядит на принесённого им человека, через боль накручивая комбинезон обратно на своё белёсое тело.

– Так и быть, счёт за лечение можешь оплатить, когда впаришь найденное барахло, – великодушно протягивает Клизмач.

– Я же тебе цикаду отдал, сукин сын!

– Расценки растут – кризис, – пожимает плечами врач.

Монета сплёвывает ещё раз, надевает на чёрствы́е кисти плотные перчатки с электростатическими вкладками на пальцах, возвращает на место очки, маску и отправляется к мусорщикам.

Чернота пустого сна трескается открывающимися глазами – шум внизу будит осторожного Монету. Археолог может позволить себе снять на пару дней комнатку на корабле по приходе с равнины. Почти пустое помещение отапливается ночью и проветривается днём. Дорого, но комфортно. Тем более что Монете нужен максимальный отдых после похода. Археолог берёт свой крошечный личный терминал, сверяет время. Он проспал около двадцати двух часов. Отлично, но теперь невыносимо хочется жрать. Комната обставлена скупо, но уютно, а контроль температуры позволяет пройти по ней без защитного обмундирования. Монета спал полностью голым, наслаждаясь отсутствием сложного комбинезона.

Археолог встаёт, звонко мочится в закрывающееся металлическое ведро в углу, надевает только комбинезон, берёт с собой нож, вешает на грудь пропуск и отправляется в бар внизу. Комната надёжно закрывается, администрация следит за своим статусом, а сам корабль набит плечистыми охранниками, часть которых сидит на зазе. Кроме того, археолог опечатан. По мере приближения к бару класс комнат ухудшается, но Монету не волнует их контингент.

Спроси археолога прямо – он никогда не признается, что внутренне считает себя слишком мягким и сентименталь-

ным. Кроме того, Монета думает, что этот мир ни к чему хорошему не может прийти в принципе: все только стареют и не умирают. Единственное спасение – хобби. Бессмысленное хобби в мире невидимой боли, терзающее его своей неприменимостью. Временами на Монету накатывается состояние отчаяния, он думает: а зачем и кому вообще нужно то, что он делает? Но всё же куда чаще археолог со страстью отдаётся своему увлечению – Монете нравится собирать информацию о мире, в котором он живёт, и складывать в некое подобие книги. Такой себе географический справочник от дилетанта. Монета не имеет никакого понятия, как следует писать подобные книги, он просто узнаёт и записывает, даже что-то схематически зарисовывает. Иногда его мучает надежда, что это кому-то пригодится. Какому-то последнему человеку на Земле. Этому бесконечно несчастному существу. Монета гонит от себя эти мысли, считая их проявлением той, достающей его, собственной слабости. Именно из-за хобби он так легко сошёлся с Клизмачом. Только Клизмача интересуют исключительно Красные Пески и их клады. А Монете интересен весь мир. Никто не знает об этом увлечении – друзей сейчас заводить не принято, так что Монета закапывается в свои наброски с самостоятельностью настоящего интроверта.

И вот этот момент – он заслужил отдых, сытный завтрак и беседу с очередным странным типом. Общаться Монете сложно – от природы он молчун, но алкоголь всегда

был хорошим способом заполнить недостающие тебе чер-
ты. Археолог садится в освещённом жёлтым баре, насла-
ждаясь каждой проходящей секундой. Левая стена провале-
на внутрь длинной очередью металлических фильтров. Звук
от мелькающих за решётками вентиляторов почти не доле-
тает, поскольку на заднем плане, похрипывая, играет музыка
старого мира. Монета знает эту композицию – «Будет лет-
ний дождь», исполняет Рей Бредбери. Так сказал бармену
насмешливый человек, продавший пластинку вместе с про-
игрывателем. А любопытный археолог, в свою очередь, всё
выведал у бармена. Иногда он даже бравирует этим знанием
перед коллегами. Не многие тут могут считаться любителя-
ми музыки.

Монета заказывает себе у грудастой официантки тарелку
плесневого мха с прожаренной ножкой ментотаракана. Про
женщин можно будет подумать ближе к вечеру.

Большинство преуспевающих археологов предпочитают
питаться едой, похожей на ту (или той), которая бы-
ла до Большого Катаклизма. Монета слабо ориентируется
на чужое мнение и считает это блажью. Когда банка консер-
вов будет стоять как жареный таракан, он подумает. При-
канчивая высококалорийную пищу, Монета выбирает себе
цель. Его интровертность вызывает дискомфорт в предчув-
ствии первого контакта, но ажиотаж охотника помогает сгла-
дить данное ощущение. Утром в баре не так много персона-
жей. Компания в углу выглядит опасной и общается исклю-

чительно между собой. Другой угол занимает Фаита Иа Мамбуэй – абориген, произношение имени которого доставляет Монете настоящее наслаждение. Обычно аборигенов недолюбливают, но Мамбуэя тут все знают и терпят. Монета обязан огромным куском своей книги этому тихому человеку и питает к нему лишь уважение с завистью. Внутренне Монета понимает, что Фаита Иа Мамбуэй имеет куда более высокие моральные качества, чем он сам. Да и в жизни кое-что понял своей извращённой аборигенской мудростью. Он качественно отличается от множества своих сородичей – во-первых, он умеет говорить и читать на всеобщем, во-вторых, он ненавидит и презирает алкоголизм, как бич своего рода. Пожилой, во множестве татуировок, выбритые виски переходят в копну чёрных, не поддающихся химии волос. В уши, нос и губы Фаиты Иа Мамбуэя аккуратно вдето множество элементов древнего мира – крупные болты, гайки и какие-то фигурные микросхемы. Сам пожилой абориген сидит, придерживая на носу очки без одной дужки, привязанные к шее длинным шнурком, и читает настоящую бумажную книгу. За спиной, под курткой, мягко дышит его симбионт – лично им выращенная из головастика лягушка Ма-то. Земноводному ампутруют конечности, зашивают рот, снимают кожу на животе и прикладывают к лишённой кожи спине человека. Дальше идут три недели обрядов, связанных обычно с принятием наркотиков и литров сока чу, пока животное и человек не срастаются организмами. Жаба, живущая

в химических озёрах, отлично фильтрует кровь и наполняет её своими телами, помогая аборигену выжить в таких ядовитых местах, где не справляются лучшие костюмы. К сожалению, она практически бесполезна против радиации. Поэтому находки Фаиты Иа Мамбуэя обычно связаны именно с труднодоступными отравленными территориями. Это уже четвёртая жаба аборигена. Предыдущие погибли из-за сложной жизни искателя чудес. Монета недолюбливает мерзкое существо – уж больно жаба похожа на недоразвитого младенца с крупным ртом в стежках. Тот будто смотрит по сторонам и болезненно улыбается. Именно за это сходство аборигены и называют жабу Ма-то – «дитя яда». Монете хочется ударить существо в его желеобразное тело под упругой кожей и расплескать повсюду то, что выйдет наружу. Как-то он даже попросил Фаиту Иа Мамбуэя прикрыть рожу своему симбионту, но абориген считает, что так существо заскучает. Бр-р, Монету аж передёргивает.

Абориген остаётся как последний вариант, поскольку большинство историй о жизни и обычаях своего племени он уже рассказал.

В третьем углу бара сидит сам Монета. Ещё за одним столиком у левой стены находится странный тип в остроконечной шляпе, дырявой от пуль, и с имплантатом вместо глаза. Он ковыряет ложкой перевернутую вниз панцирем гигантскую мокрицу, выгребая из её пуза содержимое. Лицо странника выражает полнейшее разочарование.

И последний – чёрный монах у барной стойки. Старик бесконечно поглощает алкоголь, и не похоже, что он готов остановиться.

Монета колеблется между остроконечным и монахом. Монахи – опасные ребята с плохой славой. Их тоже недолюбливают (Монета давно заметил, что недолюбливают обычно всех). Странная каста пропагандирует что-то тесно связанное со смертью и отличное от учения Тофу. Рядом с монахом стоит сложная винтовка, явно энергетическая – настоящий шик в здешних местах, обычно все пользуются пороховым автоматическим оружием. Монета бросает взгляд на раздражённого мужчину с мокрицей, и интровертное естество археолога сжимается, представляя знакомство с этим недовольным типом. Наконец, археолог отдаёт предпочтение реальной опасности, избегая того варианта, который принесёт ему максимальный психологический дискомфорт.

Подсаживается к монаху.

– Пиво, – обращается он к бармену-повару. Тот понятливо кивает и берёт крупный стакан. – Угостить? – спрашивает Монета у монаха, с интересом наблюдающего за личностью, рискнувшей к нему приблизиться. Монета замечает пластинчатый защитный костюм под просторным чёрным плащом. Монах стар и лыс, его череп покрывает зловещая фотографическая татуировка кричащего человека, у которого вместо лица один круглый рот. Вытатуированный человек-рот обрамлён замысловатыми узорами, переходящими

стрелкой мимо бровей в нос. Когда монах моргает, на его веках видны такие же фотографически точные татуировки открытых глаз. Древнее иссушенное лицо покрыто глубокими морщинами настолько, что кажется, будто в них можно что-то спрятать. И рот – постоянно растянутый в лёгкую улыбку, вызывающий симпатию и ощущение иронии.

– Можно и угостить, добрый человек. – Монах отодвигает лежащий слева от него крупный металлический шлем-маску (прикрывающий в некотором смысле от старика Монету). Свою фразу монах произносит, как кажется археологу, несколько насмешливо.

– Второе пиво, пожалуйста, вот этому путнику за мой счёт.

– Градус лучше не понижать, так что я бы выпил настойки, добрый человек.

А монах не из робких. Монету это не смущает, он уже чувствует, что из этого разговора может выйти отличный материал.

– Тогда не нужно нам второе пиво, давайте остатки вон той бутылки, из которой вы ему наливаете.

Бармен кивает, всё ещё доливая до края первый пенный бокал. До Катаклизма пиво вроде делали из хмеля? Монета не уверен.

– Не убоялся сесть ко мне? С чего вдруг? – с интересом и насмешкой спрашивает монах, отправляя в себя мелкую стопку крепкой настойки, резко закинув голову назад

и показывая кадык. Бармен подвигает Монете бокал, поворачивается, с хлопком добавляет на стойку полупустую бутылку пойла аборигенов и сам бросает заинтересованный взгляд на Монету. Археолог молчит, выдерживая паузу. Бармен возвращается к своей рабочей рутине. Подвыпивший монах садится вполоборота к археологу и засовывает глубоко в рот оранжевую корку какого-то странного фрукта. Медленно жуёт, выпячивая старческие губы и внимательно рассматривая лицо Монеты.

– А нужно было убояться?

– Знаем, люди недоброе про нас говорят, – насмешливо заявляет монах, не отводя взгляда и орудуя при этом челюстями. Видимо, насмешливость – это просто его тон разговора. Не сильно-то подходит для монаха.

– Так это правда?

– Где-то да, где-то нет, – туманно отвечает монах, всё ещё не отводя взгляд. Наконец, отворачивается к стойке и интересуется: – Ты всегда вопросом на вопрос отвечаешь?

– Я просто люблю истории про равнину. Считаю это целью моей жизни. Хочу знать, во что превратился наш застывший мир, как в нём теперь существуют. Кроме того, я просто обязан был удостовериться, настолько ли вы плохи, как про вас говорят. И, если честно, теперь я разочарован. – Монета бросает на монаха взгляд с косой улыбкой. Тот радостно хмыкает от алкоголя и простой шутки. Монета отпивает пиво.

– Люди приукрасить любят, – соглашается монах,

несколько раскоординированно берёт бутылку, строит страшную рожу рюмке с расчётом на Монету. Жидкость наполняет прозрачный пластик, монах отворачивается от льющейся настойки к археологу, слегка проливает и одновременно уточняет: – Застывший мир? – Возвращается взглядом к бутылке в руке, рюмка наконец наполняется, и старик ставит бутылку на стойку.

– Да, мир, не меняющийся и не идущий никуда, – мы лишь стареем.

– Мир постоянно меняется! И даже если ты этого не видишь возле себя, то он меняется где-то ещё, – насмешливо заявляет монах и вновь выпивает, запрокидывая голову.

– Интересное мнение.

– Это не мнение. – Монах вообще не останавливается и уже вливает в себя новую стопку. Так он напьётся раньше, чем Монета хоть что-то узнает! Нужно срочно что-то делать! Как быстро разговорить монаха?

– Так о чём говорит твоя религия? Если в общих чертах.

– Религия? – иронично переспрашивает монах, рассматривая рюмку. Задумывается. Монета ожидает, будет ли она опрокинута. – Ладно. – Монах опускает рюмку, и Монета с готовностью поворачивается к нему, отпивая пару глотков из почти полного бокала. Алкоголь утром – не его стиль. – Ну вот, как ты правильно заметил, в последнее время никто не может умереть. Это ещё ладно, но никто новый не приходит сюда – не рождается, проще говоря. Души застряли,

проклятые своими деяниями. – Старик поднимает обе руки по бокам от себя, словно показывая что-то широкое. – Пока всё просто, верно? – Не ожидая ответа, монах продолжает: – А слышал ли ты про такую вещь, как позитивная волна? – Монах бросает взгляд на Монету, тот кивает. – Так вот, мы считаем, что Бог, как бы так сказать, – заболел. Возможно, даже очень серьёзно. Катаклизмы и прочее – проявления его болезни, посланные на Землю. Мы закупорились – плохо и нам, и ему. А позитивные волны – такие себе судороги, попытки вернуть мир в ситуацию былого равновесия. Слышал ли ты о том, что после такой волны можно встретить разные предметы прошлого и даже существ из исчезнувшего мира? – Монах опять бросает взгляд на Монету, тот вновь кивает. – Дальше самое интересное, о чём следует вспомнить. Задумывался ли ты, что реинкарнаторы не воскрешают сразу, а возвращают людей только с определённым промежутком? Задумывался? – Монета вновь кивает. – Так вот, мы верим, что, погибая, человек таки занимает положенное ему там место, – монах указывает пальцем вверх, – но просто не может удержаться. И чем больше людей погибает одновременно, тем медленнее их всех реинкарнаторы вернут обратно. И тем дольше масса этих людей будет находиться в положенном месте. Если время, как параметр, применимо к тому месту. Дальше дело остаётся за малым – позитивные волны могут помочь крошечной части всех душ на верных позициях проскользнуть на новый виток. Непонятно, как и в ка-

кой момент, но мы верим, что позитивные волны могут помочь им переродиться в новом теле – свежем розовом ребёнке. Как думаешь, стоит такая цель усилий?

Монета задумывается. Просто отлично, его картина мира обретает ещё один кусочек. Вот во что верят чёрные монахи!

– Может, и стоит. Скорее всего.

– Я тоже так думаю.

– А мне казалось, что будет больше похоже на проповедь.

– Проповеди уже давно выглядят именно так.

– То есть вы ходите и, как бы так сказать, отправляете как можно больше душ в небытие на короткий период времени?

– Совершенно верно. – Монах постукивает ладонью по рубью.

– А почему ты тогда спокойно в городе сидишь? Почему бы не взорвать сразу завод? Или ещё что-то не устроить?

– Грешен, – спокойно пожимает плечами монах. И наконец выпивает рюмку. Вновь подтягивает к себе бутылку и наполняет опустевший пластик.

– А с Тофу вы что не поделили?

Монах морщится при слове «Тофу».

– Ну, они как бы верят, что люди свалились за прегрешения в ад. Или, скорее, он к нам. – Монах обводит пустой бар полной рюмкой. – И все вокруг должны страдать, тем самым исполняя волю Господа и приближая наше общее спасение. А мы как бы этот процесс прерываем. Известно как. – Он глупо хмыкает.

Монета молча отпивает пиво, переваривая услышанные мысли. Монах, тоже задумываясь, на минуту склоняется над рюмкой. Затем, словно ожив, осмысленно продолжает:

– Давай я тебе эту свою... самую душевную. – Замолкает на мгновение и, обращаясь к небу, странным тоном заявляет (от его слов по телу Монеты бегут мурашки): – Отец наш небесный, шаги наши робкие восстанови! – Поднимает рюмку за археолога, опрокидывает.

Монета тоже отпивает.

С полминуты молчат.

– Так о чём тебе истории? – уточняет старик.

– Обо всём. Что и где ты видел, какие городки, их традиции. О себе – как дошёл до текущей точки в жизни.

– Как дошёл? – Монах хмыкает. – С рождения, что ли, тебе рассказывать?

– Если это интересно.

– Интересно?.. – насмешливо повторяет последнее слово монах и качает головой. – Мне повезло родиться в страшное время – перед Великим Катаклизмом. Из раннего детства почти ничего не помню, знаю только, что мы уже были без особых модификаторов – фабрики загибались, и родители думали лишь о том, как свести концы с концами. Да, именно такой я уже дряхлый, а ты что думал? Кстати, вот тебе информация для размышления: мы сейчас живём в мире имён. Понимаешь? – Окидывает Монету задорным взглядом. – Куда же тебе понять! Ладно, скажу иначе: мы живём в мире ми-

фа, ожившего и свалившегося на голову. Даже больше скажу: мы сами всегда жили в этом мире, только он не был настолько осязаем. Все подводные архетипы, проблемы, страхи – ожили. Представление о мире стало миром. Такая вот чокнутая причинно-следственная связь. Мы живём во сне, вот так даже точнее. Только это не сон твой или мой, а сон всего человечества. Желания и страхи оживают. Пример – ты знаешь, что люди до Катаклизма намного раньше старели. Так? – Монета согласно кивает, видя, что пьяный монах ждёт от него ответа. – А знаешь почему? Потому что человек теперь сам решает, сколько ему лет. Чем старше ты себя чувствуешь, тем старше ты становишься. И мы, – монах обводит круг пальцем перед собой, – всегда чувствуем себя несколько моложе. Хотим чувствовать. Ты знаешь, что человек может воскреснуть из реинкарнатора с новым шрамом? Слышал про такое? Смысл в том, что нечто причиняет тебе настолько сильную боль, что повреждает не только тебя самого, но и твоё представление о себе. – В порыве монах дотрагивается до руки Монеты. – Ты думаешь: «После такой боли я просто не могу воскреснуть целым». Ты даже не думаешь, ты так просто чувствуешь – и бац, у тебя уже увечье! – Монах радостно хлопает по столу, отклонившись назад, затем резко подаётся вперёд и заговорщицки обращается к Мнете: – Понимаешь, о чём я?

– Вроде бы да. Но тогда получается, что мы все должны обладать пси-способностями.

– В каком-то роде ты прав. – Монах радуется, что его поняли.

– Но где же все эти полчища людей, перемещающих предметы силой мысли? Я за всю жизнь встречал только одного псионика, если не считать Тофу, это очень редкий дар.

– Я не говорю, что мы все псионики. Я говорю, что мы все можем ими стать чисто гипотетически. Представим себе человека, не замусоренного предыдущими представлениями, знанием физических законов и так далее. Я думаю, что для такого человека практически не будет ничего невозможного при должном воспитании и стечении обстоятельств.

– Тогда безумцы должны иметь неограниченную власть.

– Безумцы и дети... – Монах задумывается. – Да, в моей теории всё ещё есть дыры. Но, согласись, что-то всё-таки работает.

– Детей не бывает.

– Если детей нет возле тебя, это не значит, что их нет где-то ещё.

Монета сдержанно хмыкает. Монах выливает себе остатки настойки. Судя по всему, это одна из последних его рюмок. Пауза затягивается, и Монета напоминает:

– Ты начал про своё детство.

– Да, точно. Так вот, из раннего детства я помню в основном тёмные подземелья и осыпающуюся с них землю или ещё какую-то гадость. Вой и глухие удары – вух, вух, вух, вух. Потом тишина. – Монах проводит перед собой ладонью,

словно показывая гладь. – Сильные, они каждый раз сотрясали наши подземелья. И взрослые – такие сосредоточенные, с каменными лицами, они просто обнимали нас и молчали. Страх, безысходность и вух (пауза), вух (пауза), вух, пробирающиеся под кожу. Сидишь и каждый раз не знаешь, чем это закончится. Мой брат – он был старше и уже понимал намного больше – прожил лет до тринадцати, погиб потом, когда уже и укрытие нашли. Всю жизнь молчал и только рисовал. Он брал любую бумагу – чистую, книжные листы, обои – ему было всё равно – и рисовал, отчаянно и неистово. Клянусь, никогда не видел ни до, ни после такой страсти к работе! И всё, что он рисовал, – это падающие вниз бомбы, схематично, одну за другой – сотни бомб. – Монах выпивает стопку, крутит в пальцах пустую тару, отставляет бутылку, хотя на дне ещё остаётся на один раз. – Постоянно – забредём в пустой дом, ляжем спать, а он нашёл уже какой-то уголёк. Ты просыпаешься – вокруг все обои в сотнях падающих бомб, и он стоит – рисует их. Может, и не ложился даже. А я сначала боюсь, такой, ужасно – и бомб, и брата, и ситуации, жду, прячусь под тряпками, что родители накидали. Мать сидит – глаза наслезённые выкатывает и ничего не делает, вечно её это расстраивало. А как она уйдёт – я бегу к нему, обнимаю, плачу, говорю, что же ты, братик мой, что же ты, поспи, поешь пойдя. А он молчит и рисует. Знал я – любит он меня, всю жизнь это знал. Не показывает, но меня, может, последнего только и любит среди всех. Людей. Не прожил он

много, истлел от всего этого.

Первые годы с неба шёл пепел, как снег, он сыпался, и ему не было конца. Я даже не знаю сколько – десять, двадцать лет. Подземелья и «вух» внезапно закончились, и мы стали много ходить, вечно куда-то шли. Как вспомню родителей – так это мы и дорога. Дети в противогазах, раньше это казалось страшным. Обломков строений тогда было намного больше, ветра ещё не сровняли всё в это равномерное поле. И мы грабили их остовы. Оставшийся супермаркет мог стать причиной войны нескольких группок людей. Жили в автомобилях, умывались влажными салфетками, родители заматывали нас в клеёнку и приматывали её шнурками к телу. Погода сошла с ума – ураганы, воздух и вода стали одним целым. Часто было холодно, но из-за пси-излучения не наступило полноценного ядерного ледникового периода. Чистая вода стала проблемой – ещё не было таких доступных фильтров, как сейчас. В первый год погибли весь скот и посе́вы, многие ели даже умерших облучённых животных, умирая от этого только быстрее. Людей оставалось ещё довольно много, честно говоря, их было невероятно много, как я сейчас вспоминаю. Хуже всего было с пси-полем – от него было не укрыться. Я видел стареющих детей моего возраста – безутешные родители баловали маленьких стариков последней едой и умирали вслед за ними. Люди сходили с ума от безысходности, а некоторые забирали перед этим с собой любимых. Я видел много трогательного, того, что растопи-

ло бы самое жестокое сердце. Видел и обратное. Наши ужасы становились всё более материальными, складываясь в какие-то общие образы. Тогда мы не знали, но это начинали появляться тени.

Помню, к нам прибилась собака, Ушка. Отец обмотал её клеёнкой, фильтр вырезал из противогаза – соорудил такой себе костюм, как мог. Помогала нам, выжили только благодаря ей – как кто-то идёт, она поскуливает, тихонько так, чтобы не выдать, всё понимала. Пеленгаторов тогда не было.

Был длинный переход – есть вообще нечего. Нам, конечно, не сказали, но мы всё поняли. И она опять всех спасла. Мы с братом думали, что лучше бы съели тогда кого-то из нас, чем её. Он молчал, но я видел это в его глазах. Словно это была не просто собака. – Монах поворачивается и пристально смотрит прямо в лицо Монете, и глаза старика на удивление холодны, выжженная пустота одинокого человека в обмельчавшем мире. По телу археолога идёт дрожь. Монах отворачивается. Повторяет: – Словно это была не просто собака, а то последнее, из-за чего мы всё ещё могли считаться людьми. Как чистый носок, а не пищевая плёнка. Или медленный, спокойный приём еды с семейным разговором. Собака давала нам понимание, что мы ещё можем кого-то любить и спасать. Что у нас нашлись на это силы. Человечность – огромная роскошь. И мы не смогли её себе позволить... Не там, не на той дороге. Честно – до сих пор думаю, что лучше бы мы объедали пальцы по кругу...

Уже тогда...

А потом мы осели. Нам повезло – мы нашли людей, не таких плохих, как другие. Таких же, как мы. И нашли вовремя – мир стал трескаться пси-бурями. Но для нас, по сравнению с предыдущим временем, – настали золотые годы. Мы жили в таком мерзком металлическом бункере. Когда-то это был захолустный музей гибридной войны. А нам он стал домом. Помню, как родители вытаскивали кукол из детских защитных костюмов и засовывали туда нас. При входе была жуткая комната из зелёного кафеля. Каждый пришедший подвергался нескольким минутам позора – его полностью раздевали, мыли специальной пеной и тёрли щётками на палках люди в костюмах. Не сильно помогало, но мы старались, как могли. Наше старшее поколение, пережившее Всемирный Катаклизм, оказалось недолговечным. Большая часть людей за сорок погибла в первые несколько лет. Радиация, пыль и пси-хлопки. Это коснулось и моих родителей. Остались только мы – дети злых и упорных менеджеров. Наши взрослые – они все там были менеджерами. Сейчас и профессию менеджера сложно представить. Такой себе недосредний класс. Способный перегрызть кому угодно глотку и переступить через любой труп. Ради своих детей! Нет никого опасней таких менеджеров, поверь мне, ты не видел и половины из того, что видел я. Отец всё шутил, что зато теперь ему не нужно ходить на работу. Он вообще весёлый был человек, святой практически. Помню, останемся в тем-

ноте, ещё до бункера, страшно, сидим, жмёмся друг к другу, у отца нож, пистолет и к нему вечно два патрона – он их не тратил никогда. Сидим так, чтобы, если кто-то зайдёт, у гостя за спиной быть. Ушка ещё в ногах. И я спрашиваю: «Пап, а как было жить до этого?» И он рассказывает чудеса всякие, как в воде люди моются, как людей вокруг столько, что дышать сложно, а ты с ними на работу едешь. Или что еду выбрасывали, или как где свет горел. А мы слушаем, где правда, а где приукрашено – не знаем, но верим, потому что хочется верить.

Уже в бункере были, как-то он возвращается, а нас к нему не пускают. Отдельно положили, должны были лечить, как нам тогда казалось. Один только укол сделали. Обезболивающий. Нас привели, через открытую дверь показывают, издалека, мол, позвал вас, что-то сказать хочет. А он лежит, фольгой блестящей накрыт, и только улыбается, искренне так. Я потом много лет голову ломал, чего это он улыбался-то. Даже злился на него – думал, может, он облегчение наконец ощутил. И уже потом, много лет спустя, мне Господь открыл: он рад был, даже не рассчитывал, что так долго протянет. И рад был каждому дню в этом бункере чёртовом – словно он довёл нас! Словно только об этом и думал! Словно Господа просил: дай я их доведу, а там ты уже со мной что хочешь делай... Довёл. Таки довёл! – Монах смеётся. – А Господь ему ещё пару лет с нами отсчитал, по милости. Славься, милость твоя! – Произнося это, монах поднимает

голову. Опускает. Вновь крутит рюмку, больше нет и намёка на насмешку. Переварив что-то внутри, старик продолжает: – Ты не думай, это был не тот милый и ухоженный бункер с ровными белыми стенами, которые изображали в литературе перед Катаклизмом, нет. Потолок бетонный и напоминающий хаотичную тёрку из выпуклостей. Такие же холодные двери, щитовые, вечно свисающие с потолков трубы. Стена из противогазов, щерящихся из секции при выходе. Она пугала всех, словно черепа, пялились они на входящих и выходящих людей. Выживших. Словно что-то означая собой. Взор сотен стеклянных глаз. Были такие штуки – назывались «педали». Это, собственно, велогенератор – если читать хочешь или просто там электричество нужно... Ты сам, вообще, читать умеешь? – Монета кивает. – Молодец. Так вот, если читать хочешь – крутишь, и будет тебе свет. Сначала отвлекало, а потом привык. Как лампочка загорится, противогазы осветит – аж кровь в жилах застывает, словно ждут они тебя тут. Тебя как ещё одного из тех, кто уже навсегда ушёл.

Со временем мы обставляли и обживали наше жилище, как умеют только дети, контролируемые малым количеством взрослых. Жили как-то, изучали окрестности, окропляя их телами любимых и друзей, тех, роднее кого мы не знали. Грабили последние супермаркеты. Брат – он умер от голода, пока мы учились не только красть, но и производить своё. Да, тринадцатый год ему пошёл, недолго после отца протянул.

Но мог выжить, сам ушёл, захотел так – говорю же, истлел.

А потом случилась точка невозврата. Впервые мы столкнулись с этим, когда старый Шура попал в радиационную вспышку. Мучаясь, он умер от облучения. А спустя дней десять вернулся домой. Ему пришлось плестись по пустыне без костюма. Он получил химическое отравление, дозу радиации и лёгкое пси-облучение. Умер через пару часов. Но за это время успел рассказать, как появился недалеко от нас на равнине. Через неделю он снова вернулся и так же мучительно умер. Бедняга. Всё, что он просил, – забрать его, когда он в следующий раз там появится. Мы прозвали его «бессмертный Шура». Как нам было представить, что теперь мы все бессмертные? Мы взяли лишний костюм и отправились по его координатам. Мы думали, что вспышка, которая погубила старика в первый раз, имела пси-искажение, не встречаемое нами ранее. Оказалось, все серьёзней. – Монах со смеющимися губами бросает холодный взгляд на Монету, вновь берёт бутылку и наливает себе последнюю стопку. – Ну, как тебе моя история? Интересно?

– Интересно. Но непрактично, прости. – Монета виновато пожимает плечами.

Монах смеётся. Опрокидывает рюмку.

– А что будет практично?

– Координаты бункеров, рассказы о каких-то территориях.

– Про бункеры – легко. Наш бывший бункер несколько се-

вернее Голда, знаешь, где это? – Монета кивает. – Там проходит большой тракт, восстановленный. На сороковом километре от Голда сворачиваешь на север, идёшь ещё около семнадцати километров, точно не знаю. Там на поверхности будет небольшой посёлок, центр посёлка – бункер. Запасись противорадиационными таблетками – уровень там хороший, продержится лет двадцать. Ещё один бункер знаю, если интересно.

– Интересно.

– От Нижнего Отстойника идёшь в сторону Сель Хуф. Где-то на середине пути начинаются коричневые джунгли, идёшь вдоль них, пока не увидишь остатки древнего города. Высокий пси-фон, тени, все дела. В него не заходишь – тебе нужен десятый километр до него. Возвращаешься, где-то там настоящий бункер, одно из государственных убежищ. К нам мужчина забрёл, не спасли его тогда. Рассказывал, как жили в том бункере, – мало ресурсов и глубокая консервация на десятки лет. Люди не выдерживали, один взорвал их систему фильтров, решил за других, как будет лучше. Прямо как мы. – Монах теребит свою робу и опять прыскает от смешка.

– Мужчина из государственного бункера? Он ничего не рассказывал про будущее? Может, был какой-то план? Или почему всё так сложилось?

– Будущее и план? Почему всё так сложилось? Нет. Никто уже не узнает, да и зачем? Рассказывал только, что, мол,

кроме бункеров, была программа какая-то ещё по спасению. Но ни он, ни я (точно) об этом ничего не знаю. Мысль у него была всего одна, параноидальная, – что люди всю жизнь свою просто шли к моменту самоуничтожения. Только о ней и говорил, о мысли. Схватит тебя, такой, ладонью корявой за рукав со своей кровати больничной и говорит про это, говорит, не заткнуть его вообще.

– Интересно, а что за программа? Восстановление Земли? Человечества? Может, клонирование?

– Ишь как заговорил! Клонирование, да, было бы интересно. Говорю же – не знаю. Если восстановление Земли, то как? Подробностей у меня нет, тебе нужно найти кого-то из правительства тех лет, пока они все не сошли с ума. Или записи какие-то архивные. А может, кто-то уже и знает, например, Тофу. Другие тебе не помогут. Что глаза загорелись? Повод для надежды себе придумал?

Монета отворачивается и делает пару больших глотков пива. И правда, чего это он? Ну была программа, может, какая-то. Но как же приятно думать, что, может, кто-то придёт и всех спасёт, всё изменится. Лучше не позволять себе подобных мыслей – плохо закончится. Но в дни отдыха, как этот, Монета может доставать из закоулков памяти информацию, которую только что дал ему монах, и смаковать такую возможность. Мысленно греть себя этим воспоминанием. А пока археолог закидывает свои переживания подальше.

– Молчишь? А я думал, ты со мной решишь поспорить про тягу людей к самоуничтожению. Вернее, с тем мертвецом, но донося свои мысли через меня. – Монах с сожалением крутит опустевшую бутылку.

– Тогда ты составил ошибочное представление обо мне как о человеке, святой отец.

– Правда? Тебя такое размышление о жизни не задевает? – без интереса замечает монах, пожирая взглядом мутный пластик.

– Бог первым проклял слабаков. Спросишь, откуда я это знаю, или и так понятно? – Монета задумывается. Сказывается долгий перерыв в алкоголе? Чего это он завёлся? – Чёрт, как сказал, так самому стало противно, словно перед какой-то публикой выступаю. Вот зачем я так? Смысл в том, что я вечно хнычу, вообще всё наше поколение вечно хнычет и жалуется. Как же ненавижу это в себе! Но сделать ничего не могу – ненавижу и хнычу. Хуже всего, когда это замечают другие, говорят: «Чего ты хнычешь?» Я их убить готов, готов больше никогда не показать своей слабости. А ведь они правы. Это съедает меня изнутри. Нужно перестать быть слюнтяем, нужно просто делать что-то, менять. Но нет. Некоторые вещи тянут к этому дну. Всё из-за отца – он страдал и молчал. И сейчас наверняка молчит и страдает. Вот откуда во мне эта тоска? И я не в силах ничего изменить. Знаешь, что нужно делать? Просто всё менять, разрывать порочный круг. Я хочу жить себе в удовольствие. Я

не хочу слепо приносить свою жизнь на чей-то алтарь. И надо было это сделать ещё тогда. В те ночи. Но нет, всё та же ослиная твёрдолобость мне говорила: «Нельзя сдаваться», и я упорно добивался своего текущего положения. Получил его, и что теперь? Нужно вовремя понимать, что тебе нужно и что нет. Иначе будешь расплачиваться вместе с другими за ваши ошибки. Ужасное дерьмо.

Монах серьёзно выслушивает не совсем связную тираду Монеты. Археолог допивает бокал, в первые секунды ему стыдно за откровенность. Но постепенно это чувство улетучивается, он радуется, что выговорился, и готов подписаться под каждым своим словом. Хотя всё ещё ждёт насмешки от монаха. Она поступает, но несколько с другой стороны.

– Вот и ты выговорился, – произносит старик. Так монах просто пытался вызвать его на откровенность? Что за хитрый чёрт! Да и зачем это ему? В веру будет вербовать? Монах продолжает: – Душевная беседа – самое большое богатство. Она возвращает нас к человечности в эти сложные времена, что делает её ещё ценнее. – Старик опускает прямой взгляд на Монету. – Можешь думать, что у меня тоже есть хобби. Порадовал своей глупостью ты мою душу. (Пауза.) Ну, мне пора.

– В таком состоянии?

– Дорога не ждёт. Приятный ты человек, археолог. Приятный и несчастный. Слабость во всём винишь. Слабости могут сделать нас людьми, без них мы... чёрт знает кто. Боги?

А людей так мало сейчас осталось, одни нелюди. Знаешь, куда я иду? На развалины под Отстойником, волю монастыря, а может, и Господа вершить.

– Какой-то ты неуверенный, как для верующего.

– У меня просто сложные взгляды.

– А зачем ты мне это рассказываешь?

– На всякий случай. Только учти: увижу за стенами – поступлю по вере.

– Пристрелишь?

– Помогу спастись в перспективе.

– Я никуда не собираюсь с Красных Песков в ближайшие годы, у меня тут... дело.

– Просто предупреждаю.

– Ладно, какой хоть Отстойник?

Монах подозрительно задумывается.

– Нижний.

Пауза.

– Спасибо, монах.

– И тебе, археолог. Будь здоров. – Монах осеняет Монету странным знаком, слезает с высокого стула, его ведёт, он кряхтит, выравнивая положение тела. Старый, слабый и хорошо экипированный. Интересный противник. Если за алкоголиком проследят из города, у него могут быть серьёзные проблемы. Монета размышляет об этом, провожая взглядом старика, убивающего путников и помешанного на человечности. Археолог уверен: рука изъеденного морщинами мо-

наха не дрогнет, спуская крючок на энергетическом ружье, если Монета окажется в его круглом прицеле. Мелькает предательская мысль: «Может, помочь старику выбраться из города?» Разговор и алкоголь сбивают Монету с цели. А его цель – отдых. Красные Пески со своей тайной ждут его. Они так близко подобрались с Клизмачом к эпицентру. Ленивая усталость и расслабленность не дают археологу подняться со стула, и монах напяливает своё металлическое ведро-шлем на голову, накидывает капюшон и кривой походкой покидает бар. Отойдёт ли он хоть на десять километров от Порта, перед тем как на него нападут?

Монета допивает остатки пива. Так, он пополнит свою карту ещё двумя объектами – бункерами, про которые узнал от монаха. Отлично получилось, только мало подробностей. Монета любит вносить записи про быт, вооружение, опасности, встречающиеся в разных уголках нового мира. Ничего, день только начался. Вечер – самое продуктивное время для подобного. Ещё сегодня нужно принять импульсную ванну – да, Монета просто обожает ощущение чистоты на своём теле. Кроме того – женщины. Главное – правильная очерёдность: сначала влагилица, потом чистота. Иначе деньги будут выкинуты на ветер.

Клизмач протирает влажной тряпкой странные растения

под скудной лампой дневного света. Очередной эксперимент, позаимствованный у аборигенов. В дверь стучат условной последовательностью – Монета заглянул из своего ковра.

– Ты откроешь или нет? – Клизмач оглядывается в сторону соседней комнаты с Хомяком. Парень скатывается с кровати и шаркает ко входу, повесив на плечо дробовик. Смотрит в сложное смотровое отверстие с зеркалом.

– Это Монета.

– Я знаю, что это Монета! Я тебя попросил открыть.

Хомяк флегматично открывает шлюз, смотрит, чтобы археолог вошёл, и закрывает первую дверь. Монета минует все тряпки, открывает вторую заслонку и оказывается в вонючей комнате своего приятеля. Сегодня он налегке – без сумок и веера, лишь пистолет на голенище да нож. Хомяк отправляется обратно на свой лежак.

– Не просыпался ещё мой трофей? – с ходу уточняет археолог.

– Нет, дрыхнет. – Клизмач заканчивает возиться с растениями и протирает тряпкой лоб, чтобы максимально использовать драгоценную влагу. – Сейчас разбудим. – Врач берёт одну из тёмных банок на полке и, ссутулившись, отправляется в комнату с путником, забывшимся сном. Монета идёт следом, поднимая свои очки и расстёгивая плотную маску. Вчетвером в комнате явно тесновато. Всё из-захлама и стеллажей с бумажными книгами. Клизмач усаживает-

ся на кровать со спящим, а Монета пристальной рассматривает свою находку – по-птичьи тощий, невысокий человек. Изъеденное химией лицо покрыто сложными ложбинками и грязными потёками пота, слабый подбородок переходит в шею с чёрным ободком – там, где заканчивался противогаз.

– Было что-то с собой? – спрашивает Клизмач.

– Только нож, питательные капсулы да несколько таблеток. Будто собирался в один конец, – доброжелательно произносит Монета. Настроение у него самое что ни на есть расслабленное. Сегодня был отличный день, таким же будет вечер, а впереди ещё пара дней отдыха.

– Они все сюда ползут в поисках лучшей жизни и богатства, а раскапывать что-то новое сложнее – нужно заходить всё дальше. Тут без опыта никак. Его лечение обойдётся тебе дороже, чем он сможет за себя заплатить.

Монета знает и сам, но ему досадно признаваться в этом Клизмачу. Тот сдерёт с археолога за лечение этого несчастного втридорога, а у человечка всё имущество – длинный нож да противогаз. На самом деле Монета уже давно мысленно списал со своих кредитов все расходы. Это легче, чем согласиться с доктором. Чёртов жирдяй, может, даже соврал Монете и сам уже допросил пациента.

Клизмач развинчивает банку и проносит под носом у спящего человека, тот ошарашенно вскакивает на кровати, упирается руками в жёсткий матрас и вращает выпуклыми гла-

зами, явно не понимая, что происходит. Клизмач хохочет, его небритая крупная шея колышется кадыком (седая щетина переплетается с тёмной, создаваядвигающийся узор). Врачу вторит привставший на локте ради такого дела Хомяк. Монете не смешны подобные реакции, он остаётся спокойным. Человек заканчивает приходить в себя и цепляется взглядом за Монету. Археолог на всякий случай поднимает плотную повязку маски выше на лицо, чтобы дать узнать себя.

– Хш... – хрипит, запинаясь, человек, вызывая очередную порцию хохота, сглатывает. – Ты тот, который меня притащил? – спрашивает человек.

Монета кивает. Клизмач тем временем развязывает застывшую повязку на ноге раненого. Мужчина дёргается, тянет руки и инстинктивно хочет забрать ногу.

– Эй, я тут тебе помочь пытаюсь.

– Кто ты, почему шёл с равнины и как ты можешь выкупить своё спасение? – Монета тихонько зевает. Чёрт, этот путник так сладко спал!

– Я? Я... – словно спрашивая самого себя, человек задумывается. – Я – Женя, копатель из городка под Портом, ну как городка, села, наверно, или городка, мне нравится говорить «городок»...

Женя сильно нервничает, это раздражает.

– Короче.

– Да, простите... конечно. А вы, вы археолог?

– Да.

– Я так сразу и подумал, у вас тут это. – Человечек заискивающе показывает себе на голову. – А там это. – Показывает зачем-то на подмышки. – И вообще...

– Короче.

– Да, простите, конечно. Я видел ребёнка! – Человек пучит глаза. Все замирают, рука Клизмача дёргается на больной ноге. – Ай. Простите, – почему-то за него извиняется Женя. Тишина, копатель продолжает, видимо, воспринимая это как сигнал говорить дальше. – Ребёнок. Настоящий, там, я покажу! Я его увидел, когда пси-буря началась, всё в сполохах. Но я не пропустил, я такой, я умный. Добрался – а там дом, летающий, и мужчина, он следил. И тут слышу, – Женя надувает губы, – крик, мерзкий, раздражающий, я чуть было не пошёл, но нет, остановился, а мужчина пошёл. Так бы, – Женя показывает трясущимися руками, будто он держит ружьё, – и всё, не увидел бы ничего. А он заходит, а там женщина, красивая, чистая. Я бы её, ну... Она бы, конечно, нет, я же – видите, какой. Но у неё был ребёнок, и он плакал. Это его крик, значит. Я ближе подошёл. Слушаю, говорят о чём-то.

В комнате висит тишина, Хомяк лежит с открытым ртом. Монета сохраняет расслабленность, главный вопрос сейчас – верить или не верить. Клизмач тупится в рану и заканчивает перевязку.

– О чём говорили мужчина и женщина? – спрашивает Мо-

нета.

– Сказали, что неделю там будут, сказали, что не нравится там кому-то. Ребёнку! Ребёнку там не нравится, а потом молчали только. Молчали, только мужик стал делать что-то странное.

– Что?

– Клацать, вроде языком, я не знаю, что это за хрень, урод просто какой-то...

– Как его нога? Сможет ходить? – равнодушно уточняет у Клизмача археолог.

Толстый врач напряжён, думает, верить или нет очередному сумасшедшему.

– Сможет, но ещё...

В этот момент Монета уже заканчивает резкий оборот и шпигует Хомяка в шею огромным боевым ножом, парень успевает перехватить руку, но недостаточно быстро, оседая. Клизмач выпучивает злые глаза на археолога.

– Ах ты ж...

Монета кидается к врачу, секунду тот пытается сопротивляться, тяжело пыхтя, но археолог легко прирезает слабого противника.

Застывший Женя переживает бойню на кровати. Когда Монета заканчивает, он отзывается:

– Мне половину. Расходимся от башни в разные стороны, это часть сделки – пусть за ней охранники Тофу присмотрят.

– Договорились. – Монета встаёт, оглядывается, выбирает

тряпку с кровати, вытирает нож и брызги крови со своего комбинезона. Срывает клочок одежды с выкатившего глаза Жени. В Порту он засунет эту ткань в гнедо к своему нюхачу, чтобы животное посчитало новый запах родным.

– Три дня ты шёл сюда, один валялся только что, значит, у нас ещё около трёх дней, и лучше поторопиться. Ты сидишь тут – я собираю вещи, найди что-нибудь – сожри пока. Мне нужно полтора часа, потом мы выдвигаемся. – Монета заходит в третью комнату, проводит по такому привычному столу, открывает карту.

В комнату заглядывает Женя.

– Что это? – жадно пережёвывая скукоженное яблоко, спрашивает мужчина.

– Тебя не касается. – Монета осторожно отделяет кожу, плотнее прижимает записки, окидывает карту взглядом. Почти все прикреплённые дополнения отпадут, хорошо, что они добыты кровью, многое просто так не забудешь. Тем не менее археолог пытается сохранить в голове увиденное. Он заворачивает свою драгоценность в кулёк и прячет за пазуху. Теперь к схранам. С собой нужно взять только самое главное и ценное. Монета больше никогда сюда не вернётся – за то, что он только что сделал, его ждёт суд археологов. Ничего приятного ему на нём не светит. Сначала на корабль, спрятать ненужное в схран. А из схрана – наоборот, взять всё необходимое с собой. Заменить фильтры на новые. Кроме того, у Монеты есть настоящее сокровище – электро-

магнитная аномалия, сбивающая простенькие пеленгаторы, использующиеся на просторах равнины. И, конечно, деньги. Потом к Тофу – опечататься в текущем состоянии, с таким лучше не шутить. Монета волнуется: только бы жрецы не поняли, что он скрывает от них такую тайну. Хотя – поверят ли?

Археолог быстро проходится по полкам Клизмача. Всё ценное спрятано, но запастись медикаментами никогда не бывает лишним. Он распахивает найденное по карманам куртки.

– Я постучу. Три быстрых удара, пауза, один удар. Понял? Повтори.

– Три быстрых удара, пауза, удар, – трясущимся голосом в ажиотаже повторяет Женя.

– Хорошо. Посмотришь вот в этот глазок. Видишь? Проверишь ещё раз, я ли это. Дверь открывается вот этим рычагом. Никому больше не открывай.

Монета нервно выходит из домика бывшего приятеля. Ставки чересчур высоки. Женя закрывает за ним дверь и окидывает алчным взором хибару. Сбиваясь с ног, он кидается искать всё ценное и лёгкое, что можно забрать у врага.

Тем временем археолог застёгивает хамелеонку и осторожно пробирается под чёрным небом. Что, если мелкий человек всё выдумал? Каков шанс, что на равнине появился ребёнок? Это не просто чудо, это больше. Это может быть чем

угодно – флагом надежды или предметом ненависти. Тем, чем можно объединить ВСЕХ. А Тофу? Они покупают аномалии за сумасшедшие деньги, сложно представить, сколько клан отдаст за младенца. Клизмач не верил до самого последнего момента. Монета чувствовал это. Хомяк же поверил сразу, просто потому что хотел верить.

Огненное солнце зло насмехается над бессмысленными терзаниями археолога – песчинки под ультрафиолетовыми лучами. Шансов нет. Но Монета верит, потому что он знает это поколение, они врут, врут и хнычут. Но кое-что человек не мог выдумать, он просто не дошёл бы своим сознанием до этого.

Монета помнит мать, её руки и как она клацает языком его брату. Или, может, сестре? А он лежит и думает: когда же поклацают ему? Кажется, это успокаивало. Или успокаивало само присутствие матери? Монета показывает пропуск на корабль.

Археолог забирает из комнаты всё снаряжение. Вернуть деньги за номер не получится, а может, так и лучше. Мало кто поверит, что он выкинул на ветер такую сумму.

Монета раскладывает перед выходом свою живую куртку аборигенов и излишне нервически поливает её соком чу – необходимость, позволяющая странной коже жить и менять свой цвет в зависимости от того, к чему она прислоняется. Археолог мочится в ведро и полностью экипируется, застёгивая каждый ремешок комбинезона и бронежилета. На-

кидывает куртку, не дожидаясь, пока сок впитается окончательно. Выходит с корабля, делает крюк, сбивая и проверяя слежку. Город, в принципе, охраняется местными управителями. Но лишним не будет. Археолог выходит на окраину, тщательно сверяясь с местностью, добирается до своего тайника. Долго, минут десять, сортирует вещи, с жалостью отказываясь от многих полезных предметов. Пристраивает на пояс аномалию в жёстком кожаном кисете. Крохотный пульсирующий комок не совсем безвреден – лёгкое пси-излучение приходится компенсировать амулетом аборигенов. Каркас, скрученный из племенной проволоки и благословлённый местным шаманом, отлично работает. На зависть всем технологиям.

Гора патронов тоже отправляется в сумку. И кредитки, сейчас часть из них пойдёт на новую печать. Расточительство – учитывая, что Монета ещё не потратил прошлую.

Археолог уверенной походкой возвращается в Порт. Теперь в чёрную башню. Тофу имеют тут крупный филиал – много заказов, состоятельные клиенты. И чудеса нового мира, текущие им в руки.

Возле входа Монету встречает пара солдат, зашитых в броню своего культа. Куда там бронежилету археолога – полноценная механическая броня, огромные круглые наплечники разрисованы крестами и сценами различных пыток. Археолог видит много бутафорского в этих устрашающих войнах, тем не менее тягаться с ними желания особого

не имеет.

– Я на печать.

Солдат кивает и пропускает Монету внутрь. Чёрный блестящий камень со всех сторон, высокий потолок, подавляющий входящих. Монета посыпает своё отражение пылью грязных сапог, внедряясь глубже. Возле каждой двери по два солдата – умирать жрецам Тофу неблагочестиво. А ненавидящих жрецов – полчища.

Середина дня, и очереди нет. Монета уже бывал тут много раз, поэтому он просто доходит до тёмного кожаного дивана и падает на него. Людей больше нет, но археолог ждёт, когда его позовут. Пустующие проходы и тишина испытывают его терпение, хотя он этого никак не показывает. На самом деле проходит всего несколько минут, и в приёмную входит служитель в огромном – двухметровом – колпаке с прорезями для глаз. Если бы потолки были ниже, человек бы просто не смог поместиться. Послушник Тофу молча кланяется, Монета достаёт заготовленную сумму. Руки немного дрожат. Ничего, послушник – это не то, из-за чего стоит переживать. Монета надеется, что жрец не сможет прочесть его мысли, и старательно гонит от себя всё услышанное недавно. То, что Тофу – псионики, Монета не сомневается. Чего он не знает, так это того, как далеко заходят их способности. Получив деньги, послушник жестом зовёт Монету за собой в зал для обряда. Длинный коридор гулко отзывается на их совместные шаги.

Шаг, шаг, шаг. Археолог решает постоянно перебирать в голове разговор с чёрным монахом. Вдруг поможет. Шаг, шаг, шаг. Огромные полукруглые двери с росписью открываются, давая обзор на длинный чёрный зал. Голубой свет бьёт откуда-то сверху.

Монету встречает традиционно толстый, покрытый множеством жировых складок Тофу с бельмом во весь глаз. Ноги жреца отделены ниже колена, он светит мерзкими культями, тем самым показывая высокий статус. Прибитая к кресту фигура на антигравитационной подушке – жрец уже никогда не сможет позволить себе слезть с деревянного орудия пыток и пройтись куда-то на своих двоих. Жирное тело покрыто различными воткнутыми иглами, ранками и религиозными татуировками. От сосков вниз тянутся цепи, поднимающие крюками за кожу свисающее брюхо и демонстрирующие пенис в крошечном капкане из металлической сетки. За жрецом двигается свита из мучающихся уродцев. Серые лица светятся какой-то депрессивной злостью. Калеки на длинных металлических протезах, карлик, кто-то в маске из кулька с рисунком головы животного, один мужчина, бьющий себя в грудь тощим кулаком, одетый в грязное свадебное платье времён ещё до Катаклизма. Такое могло бы стоить бешеных денег. Монете хочется сжечь всё это кодро фосфорной бомбой.

С тихим треском парящий крест подносит мерзкое существо к Монете. Археолог, в отличие от большинства, не бо-

ится Тофу, он испытает к ним стойкое отвращение, при этом признавая их силу. С такими лучше не ссориться.

– Я ненавижу себя. Ненавидь себя, – ритуально приветствует Монету жрец, возвышаясь над путником. Лицо гворящего расплывается, оставляя заметным только нечётко очерченный чёрным рот, вызывая концентрацию именно на нём. Огромный, он двигается гипнотической дырой, сбивая археолога с мысли и иногда давая заметить заточенные белоснежные зубы. Странная способность жрецов боли, объяснения которой Монета не знает.

– Мне нужна печать, – выпаливает Монета, систематически вспоминая убеждения чёрных монахов и размышляя, насколько они верны.

Тофу изучает мелкого человека под своими культиями ещё томительные тридцать секунд. Иногда Монета близок к тому, чтобы вспомнить то, что он что-то должен не помнить, но он успевает поймать себя на этом чудовищной самодисциплиной.

Наконец жрец отлетает назад, жестом обводит Монету и произносит:

– Страдай в мире.

В теле археолога поднимается какое-то ощущение неправильности, инородности. словно он только что сделал что-то мерзкое, например, совокупился со своей матерью. Немного подташнивает. Печать совершена. Монета не любит благодарить в этот момент, он предпочитает думать, что это

просто дело – выгодно им, выгодно ему. Никаких благодарностей, он честно отдал свои деньги. Археолог осматривает свои новенькие, поплёскивающие печати на веере. Да, эта стоит в другом месте. Археолог разворачивается и уходит. Послушник семенит следом, закрывает большую дверь.

Покой отрезается от постороннего мира. Жрец отлетает к своему углу. Через минуту в комнату входит другой служитель, в двухметровом чёрном колпаке на голове, подходит к кресту. Слегка кланяется, сгибаясь лишь в коленях.

– Я Константин, я ненавижу себя. Я Константин, ты не видишь меня. Он Константин, все ненавидят его, – начинает службу Константин, кланяясь вновь. Жрец смотрит вверх, беззвучно молясь. Константин вынимает ритуальный нож, включает электрическое лезвие и срезает с живота жреца полосу кожи с мясом. Константин бросает отрезанный кусок одному из уродцев, и тот пожирает его. Ритуал начинается...

Равнина гонит по своим красным барханам песчаные смерчи. Радиоактивная пыль и ядовитый песок танцуют сентиментальный танец. Монета, закутанный в хамелеонку, привычно следит за равномерностью дыхания через плотную маску, уходящую в плечи. Прикрытые тканью новенькие фильтры шелестят, превращая воздух нового мира в воздух старого. Археолог бросает взгляд на Женю – мелкий челове-

чек ожесточённо идёт следом, временами его ноги заплетаются, но он стабильно отвечает отказом на предложения отдохнуть. А Монета не спрашивает подобное без особой необходимости. Археолог чувствует исходящую от Жени одержимость, ему стыдно признаваться, но этот сумасшедший мужчина выносливей его.

Монета задумывается, насколько велик шанс, что он просто разнежился, имея в своём распоряжении только опасные, медленно проходимые участки и хорошую экипировку.

Два человека целенаправленно и с усилием идут на фоне чёрного неба и красного песка. Это лишь первый день, Монета прокладывает их путь через условно безопасный кусок равнины, позволяя сэкономить драгоценные полдня. Это его собственная тропа, нанесённая на карту. Археолог с интересом поглядывает на Женю, когда они минуют вспышки или парящие красные кристаллы остекленевшего песка. Мелкий человечек игнорирует их или не подаёт виду сквозь толстую резину противогоза. Неужели ему не любопытно или не страшно?

Монета даже специально проводит его мимо одного из столбов – возвышаясь над алым песком, вытянутый чёрный цилиндр облеплен скоплением иссушенных человеческих конечностей, сплетающихся то ли в любящих, то ли в старающихся уберечь от неизведанного объятиях. Необычные монументы раздавленным в какой-то бесформенный ком и запечённым человеческим телам. Монета не знает их

точного назначения, обычно столбы используют как индикаторы сильных пси-искажений.

Женя остаётся безучастным, и археолог жалеет, что пускай незначительно, но рисковал, сворачивая с изведанной тропки.

Измучив себя к концу дня, Монета проводит их через тонкий брод до небольшого укрытия под каменным великаном. Археолог достаёт подстилку и с удовольствием присаживается, бросает взгляд на застывшего перед ним человека в лохмотьях.словно чёрные палки, ноги Жени болезненно воткнуты в пыльное тело равнины.

– Чего стоишь, падай.

Женя пытается согнуть ноги в коленях, и у него это выходит с трудом, словно какой-то механизм внутри зажался. Мужчина облакачивается о ближайший камень и недоверчиво сползает на кусок защитной поверхности. Монета морщится, ему противен этот человечек, но не прогонять же его за это. Женя, наконец, отпускает руку и плюхается рядом, Монета видит, что тот просто уничтожен усталостью. Археолог открывает рюкзак и ищет блестящие шарики. Тем временем Женя разминает руками мышцы выше колен и пытается согнуть ноги. Это ему удаётся, видимо, принося приятную боль. Отыскав шарики, Монета протягивает пару человечку.

– Вот, спрячь куда-то в эти твои лохмотья. – Женя без вопросов забирает подарок грязной перчаткой, из-под рукава показывается кусок обветренной кожи с язвой. Подумав,

Монета решает уточнить: – Это от трескучек. Знаешь, кто такие? – Женя отрицательно машет противогазом с кругляшами стеклянных глаз. – Это такие мелкие тени. – При слове «тени» Женя дёргается, словно от удара. – Вечно трескочут так тихонько, иногда попискивают ещё. Бесформенные практически, чёрные, только глаза на непропорционально крупной голове да контур человеческий – две руки, две ноги. Как ляжешь спать, начнут вставать вокруг, ты сразу и не поймёшь. Но ты не бойся, их тут всего пара штук, и можно сказать, что они дружелюбные. Правда, любопытные. Трескучки берут у тебя что-то и заменяют его другим, своим. Каждый трескучка обычно берёт только один предмет. И когда я говорю «предмет», я имею в виду что угодно – если не хочешь проснуться с камнем вместо толстой кишки или желудка, всегда бери с собой такие стекляшки. Трескучки очень их любят и вместо твоего органа с радостью возьмут их. Иногда даже что-то хорошее приносят. Я слышал, одному парню так подогнали настоящий шар Поттера.

Женя лихорадочно распахивает за пазухой блестящие шары.

– Ты сильно губу не раскатывай, чаще всего это камни или ветка. – Монета посмеивается про себя. Наконец-то проняло. За жопу свою трясётся.

Археолог достаёт белковый порошок, размешивает его в воде, посыпает листиками чу и бросает пару щепоток индейских приправ. Делит ужин на две части, отсчитывает две

одинаковые порции таблеток – витамины, противорадиационное средство и таблетка от химии, даёт половину Жене. Не дай бог, сдохнет до срока проводничок.

Двое мужчин сидят под холмом, над ними возвышаются правильные грани обломков. Ветер облизывает их убежище, прогоняя веер из песчинок. Один мужчина постоянно поднимает и опускает противогаз, отправляя в рот на пальце правой руки собранную кашицу из жестяной чашки, плотно прикрытой сверху левой. Второй ест, спрятав рот и руки в плотно застёгнутую куртку, сливающуюся цветом с поверхностью. Археолог пристально вглядывается в горизонт сквозь защитные очки, врезающиеся огромным резиновым пластом ему в лицо. Ветер, состоящий из пыли и песка, тихонько стучится в оранжевые стёкла, пытаясь добраться до влажного содержимого. Солнце прячется за чёрными тучами, покрывая всё непроглядным пугающим мраком, перед этим помогая заметить на холме пять невнятных детских силуэтов с круглыми петушиными глазами. Силуэты в ожидании, когда путники смогут погрузиться в беспокойный сон. Стоят, не шевелясь, не реагируя на ветер и склонив головы на один бок.

Утром, едва только солнце начинает свой красный путь, Монета просыпается от попискивания будильника. Пора идти дальше, нужно только растолкать Женю. Археолог встает и замечает, что его спутник уже бодрствует. Женя сидит на вручённой ему швабре, обхватив противогаз матерчатой-

ми перчатками, в крупных петлях и дырках которых застыла пыль.

– Через полчаса выдвигаемся. – Археолог выбрасывает пару оставленных в рюкзаке трескучками радиоактивных камней.

Женя игнорирует его сообщение. Монета достаёт белковый порошок, посыпает порцией углеводов, заливает водой из фляжки и мешает всё ложкой. Делит завтрак и порцию таблеток, бросает взгляд на спутника. Может, ночью трескучки заменили тому мозг на булыжник?

– Вот твоя часть.

Женя встаёт и забирает свою порцию.

– Нам нужно торопиться. – Хриплый голос слабовольного человека из-под противогаза. Как же он раздражает Монету! Почему? Наверно, потому что он слаб, он так мерзко слаб, что Монете его даже жаль. Именно эта жалость больше всего и смущает археолога. Но есть у Жени и положительная сторона: слабость рождает страх, страх рождает контроль. А ещё то, что он сейчас может сделать Монету одним из самых богатых людей в оставшемся мире. Этом прибежище стариков. Молча они проглатывают мелкие питательные припасы, и Монета замечает, как Женина голова делает движение вперёд, сдерживая рвоту.

Момент – по телу археолога пробегает стресс, мгновенно уходя. Монета вскакивает, сдирает противогаз с лица идущего с ним мужчины. На резине остаётся клоч выцветавших

ВОЛОС.

Лучевая болезнь. Только не это!

– Голова болит сильно? Как часто рвота? – Женя заискивающе и трусливо смотрит на Монету. Молчит. – Ты говорить умеешь? Рвота и головная боль давно начались?

– Нет.

– Что – нет? Ты мне ответить можешь?

– Прости, прости меня. Прости.

С ним невозможно говорить. Монета напяливает противогаз обратно, Женя поправляет резину, подстраивая стёкла под уровень глаз.

– Почему ты не сказал? Я тоже хорош!

– Прости, пожалуйста, прости, – глухой звук из-под застывшего противогаза.

Монета молчит.

– Немедленно выходим.

Идиот наглотался на равнине радиоактивного песка с пылью. Вопрос теперь в том, как долго он сможет протянуть. Сейчас на нём перестанет что-то держаться – волосы, зубы. Сколько у них времени? Пока форма не очень сильная, нужно будет повысить ему дозу противорадиационных препаратов. Главное – дойти. Ничего, неделю этот точно протянет. Даже больше, с препаратами-то. Ничего. Монета успокаивается, сосредотачиваясь, – впереди сложный путь.

Красный песок привычно укладывается под шаги. Сколько уже лет археолог топчет его в поисках богатства? Бо-

гатства, чтобы что? Или это выживание? Монета ненавидит в себе подобные глупые страсти. Солнце поднимается в зенит, когда их ботинки ступают на ржаво-жёлтую поверхность. Монета вглядывается в пыль: где-то тут должен быть кусок дома, служащий ориентиром на остатки древней дороги.

– Перерыв на поссать, пострать и попить.

Совершая всё перечисленное по очереди, археолог раздумывает, стоит ли идти по трассе. С одной стороны, двигаться они будут быстрее. С другой – опасность выше. Передохнув, он принимает решение.

– Идти будем по дороге, так ты не настолько быстро загнёшься. Но делать это будем осторожно, ещё осторожней, чем на равнине, – там я всё знал.

Монета надеется на своего нюхача и на электромагнитную аномалию, прикрывающую их от большинства пеленгаторов, используемых мародёрами и грабителями.

Они двигаются сквозь жидкий лес из остатков зданий ещё несколько часов, до того момента, как нюхач на теле Монеты переползает в левую трубку. Археолог делает знак рукой Жене, и они прячутся за ближайшим утёсом. Теперь нужно понять: им пережить, скрываться или (возможно) просто пристрелить приближающуюся угрозу. Монета снимает веер с предохранителя.

– Расстреляешь их? – с заискивающей надеждой спрашивает Женья, судя по всему, верящий в неуязвимость своего

попутчика.

Археолог прижимает палец к тому месту на маске, где должны быть губы, и отрицательно качает головой. Он всегда предпочитает обходить опасность, поэтому и преуспел на Красных Песках.

Через несколько минут мимо них уже бредёт вялый отряд из шести человек. Монета насчитывает два обреза, три куска арматуры и нож. Голодные и вымотанные, они явно рыщут в поисках хоть какой-то наживы. Нюхач переползает по трубкам по мере того, как мародёры минуют спрятавшихся путников. Археолог ждёт, пока животное не вернётся в центр – самое комфортное место, и отправляется с Женей дальше.

Ночь путники встречают в развалинах древнего дома. Женя с наслаждением приземляется в удобную швабру, являющую собой раскладной набор палок с провисающими тряпками в виде сиденья и спинки. Временами его терзают приступы рвоты, и Монета считает каждый из них за три – человек однозначно утаивает часть проявлений лучевой болезни. Монете пока непонятно, с чем конкретно связана эта скрытность, одно точно: это «что-то» связано со страхом.

Ночь заглатывает их стоянку, понижая температуру. Монета плотнее закутывается в хамелеонку, на самом деле у него очень тёплый и непроницаемый комбинезон. Видимо, это движение в поисках уюта, какого-то древнего ощущения – тёплого и приятного. Тяжёлый день вымотал его, но почему-то сон всё не идёт. Мужчина прислушивается

к ночным звукам равнины – шелест фильтров да причудливый вой в дырках домов. Проклятое место, но, кажется, даже им можно любоваться. Женю давно терзает сложный сон, а Монета всё сидит и рассматривает однотонный пейзаж, немного прикрытый их каменным укрытием. Завтра будет плохо, если он не заснёт в ближайшее время. Мысли не дают покоя, то лёгкие и приятные, то пасмурные. Временами Монета хмыкает, вспоминая свои разговоры или победы. На ум приходит Клизмач, старый осёл. Археологу немного неприятно то, как они разошлись. Он знает: после воскрешения старый врач поднимет свои связи, возьмёт сбережения и будет добираться до них... до ребёнка. Если догонит, Монете... будет плохо. Не факт даже, что доктор будет на него злиться (скорее всего, он понимает, зачем это сделал археолог, что не менее страшно), и он просто поступит так, как считает необходимым. В своей странной голове.

Так же просто поступил Монета.

Как и любой.

Все давно стали простыми. Когда это случилось? После Катаклизма или до? Монета очень хотел бы узнать. Он думает, что это было всегда, но обстоятельства мешали всем, всем этим «простым людям», делать то, что они бы хотели.

Вокруг стихает всё, даже ветер. Рядом спит человек, но на равнине так тихо, что Монете кажется, будто он слышит своё сердце. «Ненавидь себя, ненавидь окружающих». Может, Тофу правы? Монета хмыкает. Когда он до-

шёл до этой мысли? В противовес археолог начинает перебирать в голове всё сказанное чёрным монахом. Тофу верят, что мы уже в аду (что же, поделом). Чёрные верят, что Бог заболел. Где правда? Монета думает, что Бог просто устал всех любить. Сам Монета не смог полюбить ни одного человека в этой жизни. У него нет никого ценного, никого, чьим мнением он бы дорожил или к кому бы прислушивался. Бог просто не справился с ними... с нами. Монета думает, как он ненавидит людей. Этих расчётливых сук. Таких же, как он. Монета опускает взгляд на Женю. Они вдвоём идут за чудом, таким чудом, каких не было двадцать лет нигде. За ребёнком. Он знает себя, знает, что пройдёт этот последний день так быстро, как только сможет. И спокойно застрелит родителей. Просто потому что так нужно. Лично для него. И родители – они тоже знают всё это. Живут наверняка с этой мыслью – когда-то кто-то придёт и застрелит их обоих, забереёт их ребёнка, рано или поздно. Может даже, это сближает их, и они молчат об этом вместе, страшно смотря иногда друг другу в глаза. А может... может, они даже любят друг друга. И сейчас не спят, сейчас им хорошо, словно в лихорадке, они любят друг друга. Веря до последнего и не веря, что им удастся скрыться от этого «кого-то». Почти убедив себя в этом за все месяцы. Но хранят боль и фатализм, который каждый из них чувствует сейчас в любом движении грязных тел. Где же Бог в такие ночи? Его нет, как всегда!

А задача Монеты лишь в том, чтобы именно он стал этим

«кем-то», вошедшим к ним в дом. Быть первым, потому что рано или поздно кто-то другой, уже не Монета... Вот и вся разница. Такие, как Женя, они повсюду. Они найдут этого ребёнка везде и приведут таких, как Монета. Ему не выжить тут.

И снова победит ничтожный!

Сейчас Монета погружён в тоску, но он знает: это лишь мысли. Те размышления, без которых Монета не был бы Монетой. Сейчас они прольются в ночь, а утром – полной энергии археолог пойдёт дальше. Под этот вывод человек в костюме незаметно засыпает.

Утро. Злой и раздражённый Монета просыпается от едва слышного попискивания электронных часов. Женя ещё спит, видно, его подкосила болезнь. Монета грубо будит своего спутника ударом ботинка по швабре. Тот даже не огрызается, просто радостно встречает очередное издевательство, словно так и должно быть. Чем снова раздражает Монету. Чтобы не вскипеть, археолог молчит. Делит таблетки и питание. Может, завтрак приведёт его в порядок?

Женя пытается перебороть рвоту, но сегодня у него это не выходит, Монета не даёт ему вывернуть дорогие препараты на серые пески – аккуратно заворачивает белую жижу в кулёк, выуженный из рюкзака.

– Сожрёшь потом.

Женя благодарно прячет кулёк к себе за пазуху.

Они вновь монотонно меряют путь шагами. Солнце подни-

мается в зенит, бросая вниз рассеянные ультрафиолетовые лучи. Монета липко дышит в нагретом костюме, поглядывая на пошатывающегося спутника. Только вопрос времени, когда тот упадёт. Нужно его вовремя поднять, чтобы не издох на потрескавшейся, иссушенной поверхности. Жарко, должно быть, в его резиновом противогазе. Постепенно проблема Жени отходит на задний план, и Монета мысленно составляет план дальнейшего пути, разбирая доступные варианты. Через час небо подаёт тревожный знак – тёмный горизонт угрожающе намекает на приближающуюся химическую бурю. Женя может её не пережить. Археолог пытается поднажать, выбрав целью бетонный коробок в километре от них, но его спутник не способен на ускорение. Он явно прикладывает какие-то чудовищные усилия, но их недостаточно. Монета подхватывает лёгкого человека за плечо, и... спустя мгновение Женя полностью облакачивается на спасительную опору.

– Эй! Ты своими тоже шаркай, – кричит сквозь нарастающий ветер археолог. Отравленная пыль уносит его сдержанный повязкой голос.

Тем не менее Женя его понимает, снимает часть веса и перекладывает обратно на здоровую ногу, нелепо подпрыгивая при шаге.

Буря сметает их за сто метров до спасительных стен. Несущаяся темнота клубом обрушивается на мужчин. Монета замирает и полностью затягивает капюшон куртки. Шквал вра-

щающегося песка приводит истощённого Женю в ужас. Он падает на колени и локти и, кажется, кричит. Монета не слышит его голоса, но ему кажется, что тот непременно кричит. За те полсекунды, пока сбивающимися ладонями археолог затягивает круг повязок на лице, его спутника заносит песок и непроглядная темень. Монета присаживается, удерживая свой взгляд на той точке, где скрылись из виду древние стены, и, не смотря вниз (всё равно бесполезно), шарит рукой в поисках Жени. Найдя что-то, по консистенции напоминающее ткань, он дёргает человека вверх. Пальцы одной руки неспособны это сделать, и Монета почти теряет свою находку. Чёртов идиот! Погубит их обоих! Монета собирает в кулак больше ткани, перекидывая автомат за спину и подключая вторую руку, присаживаясь, со всей силы тянет свою ношу ногами и спиной. Женя вырывается из кутерьмы, обвисший и безвольный. Археолог орёт на него, пытаясь привести в чувство, бьёт по резине противогаза. Бесполезно – Монета не слышит даже своего голоса в адском вое вокруг. Тогда археолог хватается сильнее и волоком тянет своего спутника в ту сторону, где, он надеется, можно встретить стены. Спустя сто метров Монета ничего не находит, матерится про себя и старается не верить в то, что промахнулся. Возможно, просто нужно ещё немного пройти. Мелкая дисперсионная пыль проникает даже сквозь его хрипящие фильтры, работающие сейчас на износ. Монета тащит Женю дальше, ещё более неистово, но сомнения грызут его на каждом шагу. Сей-

час выгоднее всего будет закопаться, переждать бурю. Так у этого идиота появится возможность выжить. Через пятьдесят метров археолог отчаивается, но продолжает тащить свою сдавшуюся ношу дальше.

Касание, кажется, плечом! Монета отпускает одну руку и трогает нагретый за день бетон. Угол дома! Видимо, ощущение расстояния растворилось в этой чёртовой кутерьме! Монета радостно тянет спутника вдоль стены. А вот проход внутрь. Оба проваливаются в серый квадрат. Глаза удивляются, получив способность видеть дальше десяти сантиметров впереди себя. Клубящийся, слепо бьющийся в стены песок – вот что предстаёт их взору. Но лучше, чем там. Монета ищет самое глубокое из целых помещений, усаживает там Женю.

– Ты жив?! – орёт он на ухо спутнику, склоняясь над ним. Тишина. Протирает стёкла противогаса, выхватывая из кармана фонарик, светит. Чёрные-чёрные точки с живыми ползающими глазами. Его спутник плачет. Видимо, страдает, что умрёт и не заберёт свою долю за чудо. Жив! Монета радостно отвешивает подзатыльник едва не погубившему их обоим человеку. Археолог показывает Жене, чтобы тот замотал фильтр своего противогаса глубоко в лохмотья. Кажется, Жене и так не хватает воздуха, но археолога это не волнует. Монета уверен, что под резиной Женя сейчас болтается в своей липкой желчи – блевотине из пустого желудка. Но археологу не до этого скулящего человека. Он сам усаживает-

ся рядом, пряча свои дорогостоящие фильтры в куртку. Дышать сразу становится почти нечем. Археолог откидывается и расслабляется, он сосредоточенно представляет, как набирает вес и теплоту каждая из его конечностей, параллельно замедляя биение сердца. Вдох, медленный, на счёт шесть, выдох. Опять посчитать до шести, вдох, посчитать до семи. Выдох, посчитать до семи. Вдох, посчитать до восьми, нет, пока сложно – ещё одышка... Археолог наращивает промежуток до двадцати четырёх, убирая и убирая рабочий объём фильтров. Но засиживаться так не стоит – мозг начнёт галлюцинировать от недостатка кислорода.

Через полчаса буря, стремительно рокоча, укатывается вдаль. Женя трогает археолога за плечо, вызывая раздражение, – Монета как раз возвращается из своего состояния, сокращая до нормальной задержку в дыхании. Придя в себя, археолог разминает плечи, встаёт, достаёт нож и прикладывает к затрясшемуся спутнику. Тот семенит ножками под холодным лезвием и прячется в свои лохмотья.

– Не трогай нож, я тебя раньше прирежу. – Пауза. – Если ещё один раз ты решишь убить себя и меня до того, как мы отнесём ребёнка Тофу, клянусь, я найду тебя. И отнесу таким теням, о которых ты даже понятия не имеешь. Поверь.

Женя только молчит, пауза, из-под противогаза раздаются всхлипывания. Монете страшно представить, сколько всякого дерьма уже под этой резиной. На самом деле он не знает таких теней, которые бы сравнились с чумными каннибала-

ми. Но неизведанное всегда пугает больше. А археолог хочет, чтобы его проводник, наконец, собрался. Монета отпускает Женю и принимается за поверхностную чистку фильтров. Буря отняла у них несколько часов точно. Ещё нужно будет накачать этого лекарствами. Пожрать бы сейчас чего-то нормального!

Через девяносто минут они вновь отправляются в путь. А ещё через пять часов солнце скрывается за горизонтом, а шаркающий Женя выходит вперёд – теперь его очередь показывать дорогу. Привычно согнувшись, он пробирается по знакомым ландшафтам. Ощущение такое, будто он не был тут много месяцев. Оказавшись так близко к цели, Монета, наконец, допускает до себя пару сдерживаемых мыслей. Он пытается отодвинуть их, но каждая из них нарастает и тербит вторую – он боится, что дом уже скрылся, что родители переместили свою стоянку. Выслеживать Монета умеет плохо, и их, скорее всего, настигнут Клизмач и те, кого он возьмёт с собой. Чёрная возможность, она страшит археолога, висит над его сознанием. Но вторая мысль, она жжёт уже немолодого охотника за чудесами – что, если это почти конец? Самый большой его куш, самый большой куш за всю историю. Что, если совсем скоро ему не понадобятся кредиты – больше никогда, в принципе? Может, он сможет стать человечнее. Как там говорил монах? Сможет себе позволить быть человечнее, у него будут для этого средства.

Гремит выстрел. Сбитый с толку множеством людей, ню-

хач бесполезен в посёлках. Женя становится столбом – в него попали? Монета обхватывает своего спутника за плечи и запихивает в ближайший пролёт бывшей высотки, разворачивает, оглядывает – ран нет. Женя понимает, что снова на грани ошибки, и начинает странно махать руками. Видимо, это знак, что он в норме. Монета вручает ему фонарь и пинком отправляет за камень в конце комнаты.

Убегая на кривых ногах, Женя шипит:

– Ребёнок! Только я знаю! Только я...

– Да помню я, заткнись и свети. Только им в лицо, а не на меня, – грубо перебивает его Монета.

Выглядывает – четверо (биты и палки) и ещё двое (ружья) за укрытиями. За спиной в потолок бьёт светлый луч.

– Эй, путник! Мы видим: ты хорошо вооружён. Уходи, нам нужна только эта мразь, что с тобой. Он убил нашу шлюху. Уходи – сэкономишь патроны, и нам спокойней, – кричит человек в стальной сварной маске на лице – видимо, главный. Судя по всему, он уверен, что никто не будет заступаться за такого мелкого и ничтожного человека. Археолог бросает взгляд на Женю – испуганные глаза, забившись в угол, ждёт судьбы. Убил кого-то? Да ладно?

Интересно, они давно за ними следят? И вот узнали же этого гада, да ещё и в сумерках, переходящих в ночь! Нет чтобы позже его прессануть!

Монета бегло окидывает взглядом укрытие – есть тупиковый пролёт с правой стороны от Жени, наполненный битыми

кусками дома. И лестница на остатки второго этажа.

– Хорошо! Я поднимусь наверх, и вам оттуда меня так просто не выкурить. Забирайте его и пиздуйте! Кто ко мне сунется – отправлю в реинкарнатор!

– Только я знаю! – плача и вращая головой, поднимается из-за камня Женя. Монета раздражённо машет ему рукой, напоминая, чтобы тот скрылся и светил на вход.

– Смотри, путник, соврёшь нам – отправишься к каннибалам вместе с этим. Мамаша его уже у них. – Женя дёргается. – Ты слышал, мразь? Ничего, раньше отправишься – раньше вернёшься! – Кричащий идиот в прямоугольной маске похохатывает над своими шутками. Мрази, таких тут... да все. Монету они не волнуют. Он относится к ним как к стихии – никого не винит. Просто есть такое воплощение природы, и сейчас Монете нужно справляться с ним, а не с радиационным мусором.

Монета кидается в чёрный пролёт, садится среди камней, выстраивая отличный обзор, и быстро закапывает свои ноги в разъедающий обычную одежду песок.

– Ты много говоришь. Считай до десяти и делай что нужно. Если какой-то пидор ко мне сунется, у меня тут есть полубоймы для него, – сделано огрызается археолог, параллельно затыкая уши специальными берушами на маске и полностью затягивая на лице приспособленную для этого хамелеонку. Он отсчитывает время, представляя, как живая ткань превращает его в тёмный камень. Так охотятся абор-

ригены, сучьи дети, выпившие у него много крови. Хорошо с ними дружить, разбираться в обычаях. Знают ли тут о подобном? Вряд ли. Монета даже заходится на секунду ненужным азартом, но подавляет его, представляя, как сейчас от него просто погибнет и ЧТО при этом он потеряет. Нет, эта дикая безмозглая шваль с равнины для него не противник. Он пристраивает замотанный автомат под руку. Теперь дышать нужно поверхностно, почти не двигая грудью.

Невнятно переговариваясь, в комнату заходят два человека для проверки. Арматура и бита. Осматриваются, вжимаюсь в стены. По Монете пробегает огонь, когда один проходит взглядом по его тёмному углу. Второй замечает Женю и загорается в ожидании занимательного развлечения насильем.

– Тут этот! Мразь!

– Чисто, – подтверждает второй.

«Идиоты, ничего не умеющие, кроме как мучить и трахаться», – думает археолог.

В комнату вваливаются ещё трое... Ближайший к Жене, из первой пары, достаёт нож и подходит к камню. Тем временем главный при входе кричит:

– Путник, мы вниз...

Монета пускает огненную очередь (от крайнего с винтовкой до дальнего с ножом). Адский грохот выстрелов в закрытом помещении оглушает и приводит в инстинктивный ужас. Мужчина в грязной повязке с ножом ещё только падает, как

Монета уже вскакивает, вырывая свои ноги из песка, – и всё равно слишком медленно. Нужно убить последнего при входе, пока тот не улизнул! Кто знает, какие это повлечёт последствия! Монета немного выглядывает и прячется, пуля из самопальной винтовки больно бьёт его в грудь сквозь бронжилет, немного сгибая и заставляя облокотиться на стену. Может, сломала ребро, адреналин, вкачиваясь в кровь, сглаживает все ощущения. Женя отчаянно жестикулирует: видимо, бывший главарь хочет отбежать от здания. Монета выскакивает – арка пролёта, арка входа, включает фонарь на автомате – спина бегущего мерзавца. Словно загнанный зверь на открытой местности. Монета максимально сосредотачивается, вскидывает автомат, человек (в попытке спастись) поднимает руки – короткая очередь, ещё одна. Падает. Чтобы не ошибиться, Монета выключает фонарь, осторожно подбирается ближе и пускает одиночный точно в грудь. Теперь за Женей. Возвращаясь в комнату и перезаряжая автомат свежим рожком, археолог застаёт Женю за мародёрством и добиванием смертельно раненых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.